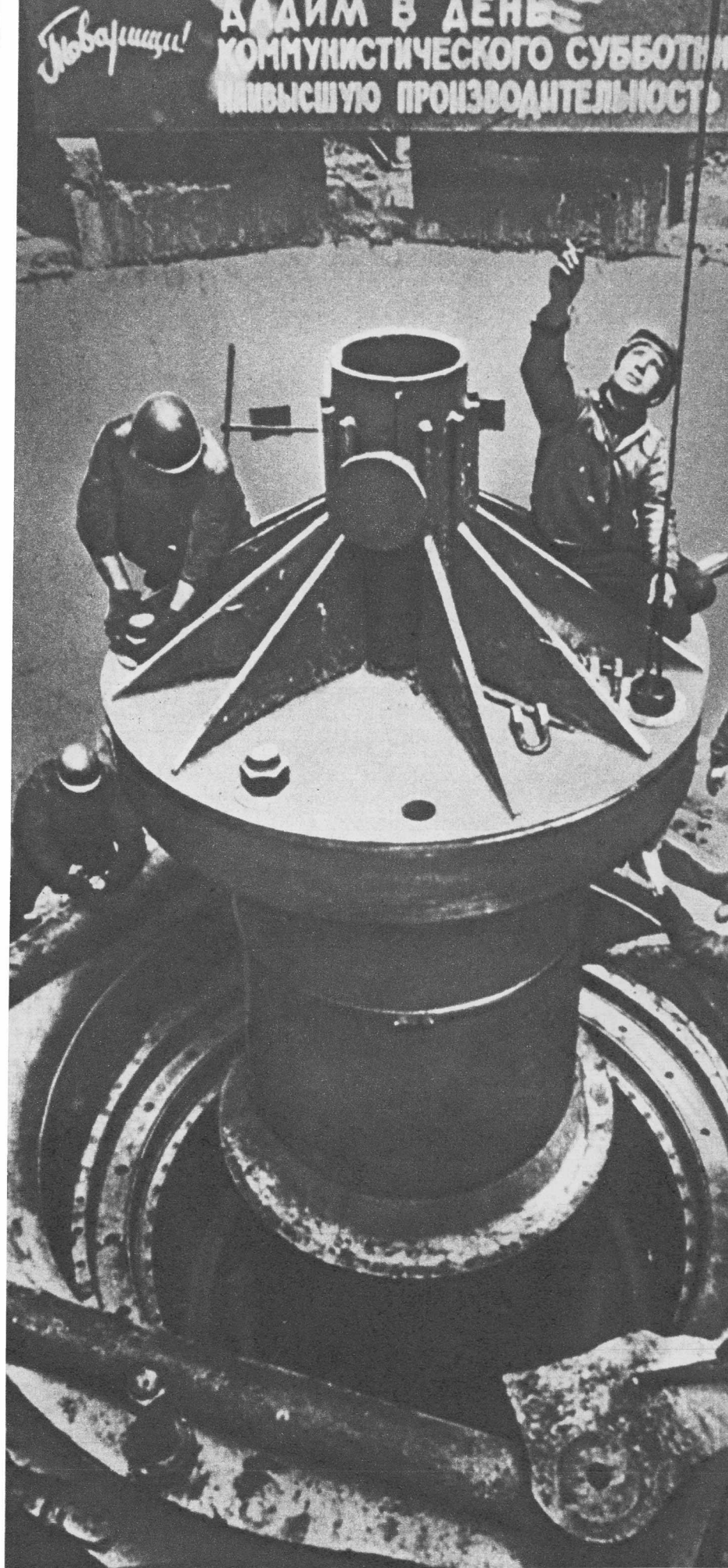

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 17 АПРЕЛЬ 1977

Добавим! ДАДИМ В ДЕНЬ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО СУББОТНИКА
НАИВЫСШУЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 17 (2598)

23 АПРЕЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек», 1977

1.

НА ПРАЗДНИКЕ

**ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА! НАСТОЙЧИВО ДОБИ-
ВАЙТЕСЬ ПОВЫШЕНИЯ ПРО-
ИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА,
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОД-
СТВА И КАЧЕСТВА РАБОТЫ
ВО ИМЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РОСТА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНО-
МИКИ — ОСНОВЫ МОГУЩЕ-
СТВА РОДИНЫ И НЕУКЛОН-
НОГО ПОДЪЕМА БЛАГОСО-
СТОЯНИЯ НАРОДА!**

**ВЫШЕ ЗНАМЯ СОЦИАЛИ-
СТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ
ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ
И ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА
ВТОРОГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ!**

Из Призывов ЦК КПСС
к 1 Мая 1977 года.

16 апреля... Кумач знамен и транспарантов у заводских проходных, торжественные мелодии маршей, звучащие на улицах, и ударный труд в цехах, на полях, на улицах городов и сел. Таким был этот день в Стране Советов. День праздника труда, Всесоюзного коммунистического субботника, посвященного 107-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Инициаторами проведения субботника были москвичи. Их призыв нашел горячий отклик у трудящихся всей страны. К празднику труда тщательно готовились на предприятиях: «сберегали» сырье, материалы, электроэнергию. И 16 апреля рачительные, бережливые коллективы работали на экономленных ресурсах.

Вся страна участвовала в празднике труда. Средства, заработанные на субботнике, поступают в фонд десятой пятилетки.

1.

УКРАИНА. Отлично потрудился 16 апреля коллектив производственного объединения «Харьковский тракторный завод». С конвейеров сошли десятки тракторов, а запасных частей к ним изготовлено на 50 тысяч рублей. Вот они на заводской площадке — тракторы, готовые к отправке.

Фото М. Тура (ТАСС)

2.

ТАДЖИКИСТАН. В красную субботу бригада, руководимая лауреатом Государственной премии Анатолием Шильниковым, вела монтаж 5-го гидроагрегата Нурекской ГЭС. Бригада обязалась закончить монтаж турбины пускового агрегата к 1 Мая, на месяц раньше срока.

Фото Р. Нетелева (ТАСС)

3.

ТАТАРСКАЯ АССР. У водителя КамАЗа 03-46 Анатолия Потапова хорошее настроение. В день субботника он доставил на своей машине 35 тысяч кирпичей на стройки Казани, вдвое перевыполнив задание.

Фото Е. Логвинова (ТАСС)

2.

3.

ТРУДА — ВСЯ СТРАНА

Встреча в аэропорту.

С О Ф И Ц И В И З И

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 18 апреля в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации САР.

В тот же день в Кремле начались советско-сирийские переговоры.

С советской стороны их вели Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев;

с сирийской стороны — Генеральный секретарь Партии араб-

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ВРУЧЕНИЕ

14 апреля в Кремле были торжественно вручены Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу комсомольский билет № 1 и высшая награда Ленинского комсомола — Золотой Почетный знак ВЛКСМ. Л. И. Брежнев удостоен этой награды за выдающиеся заслуги перед комсомолом и международным молодежным движением, за ленинскую заботу о комсомоле и советской молодежи.

Комсомольский билет и Почетный знак ВЛКСМ были вручены Леониду Ильичу Брежневу первым секретарем ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельниковым.

Принимая комсомольский билет и Почетный знак Ленинского комсомола, Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

— Позвольте пожелать комсомольцам нашей страны встретить славный юбилей — 60-летие Великого Октября — новыми победами на всех участках нашего хозяйственного и культурного строительства и укрепления обороны любимой Родины, на всех фронтах нашей борьбы за коммунизм!

Спасибо вам, дорогие друзья!

Леонида Ильича Брежнева сердечно поздравили передовики производства Валентина Голубева — ткачиха Ивановского камвольного комбината, Антонина Антипова — птичница Братцевской птицефабрики, ленинградский студент Анатолий Карпов — чемпион мира по шахматам, Петр Климух — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, Владимир Носов — секретарь комитета ВЛКСМ ЗИЛа, Любовь Кондратова — старшая пионервожатая московской школы, секретари и члены Бюро ЦК ВЛКСМ.

Во время вручения.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

АЛЬНЫМ ТОМ

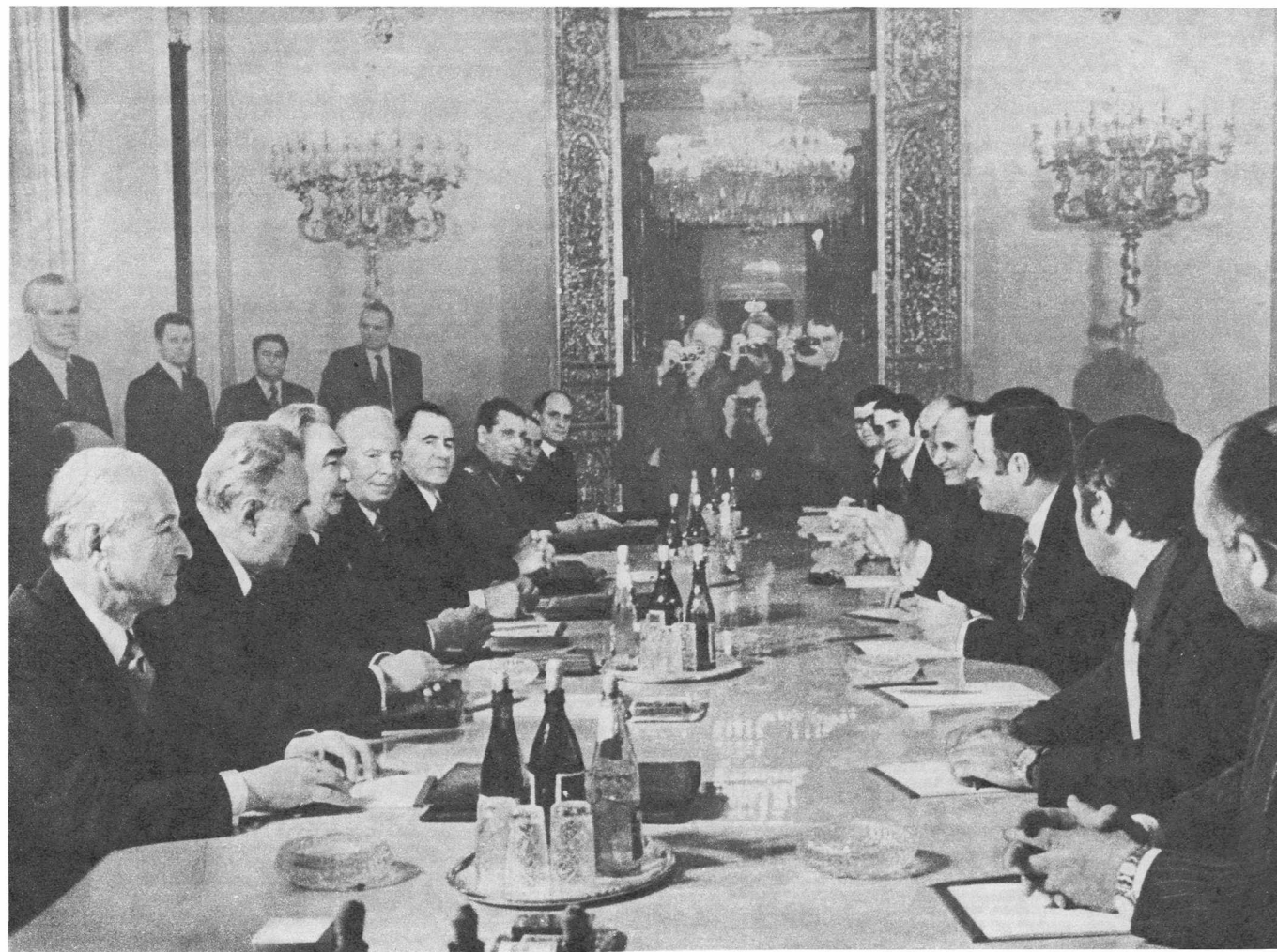
ского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад, заместитель Генерального секретаря ПАСВ Абдалла аль-Ахмар, член Регионального руководства ПАСВ, заместитель Председателя Совета Министров САР по иностранным делам САР Абдель Халим Хаддам, заместитель Председателя Совета Министров САР по экономическим вопросам Джамиль Шайя, член Регионального руководства ПАСВ, председатель Всеобщей федерации профсоюзов САР Махмуд Хадид.

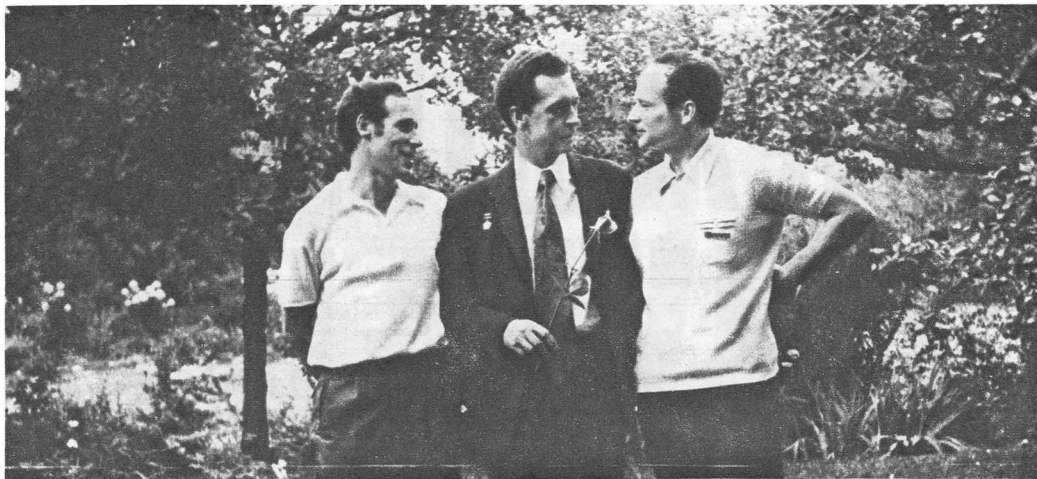
В обстановке дружбы были рассмотрены основные направления развития советско-сирийских отношений.

При обмене мнениями о международной обстановке особое внимание было уделено положению на Ближнем Востоке. В этой связи была отмечена важность созыва Женевской мирной конференции и участия в ней с самого начала и на равных правах представителей Организации освобождения Палестины.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

КОНКУРС ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА

МОСКВИЧ ВОЛЬФГАНГ ШЕЛИКЕ

«По следам советского диплома» — так называется конкурс читателей, объявленный в шестом номере «Огонька». Награды победителям — поездки в социалистические страны.

Мы ждем писем от вас, выпускники советских вузов — граждане социалистических стран, от советских преподавателей, от всех наших читателей, которые учились, дружили, работали или работают вместе с посланцами стран социализма. Самые интересные материалы и фотографии будут опубликованы в «Огоньке» и на страницах журналов братских стран, совместно с которыми мы проводим этот конкурс.

Москва, 1971 год. Промозглый сентябрьский вечер. Дождь льет как из ведра — погода, не располагающая к путешествиям. Но на Казанском вокзале Вольфганг и Вальтрауд Шелике, брат и сестра, с нетерпением ждут поезда. Цель поездки — база отдыха Горьковского автозавода, расположенная в чудесных местах на реке Ветлуге. Для Вольфганга и Вальтрауд это путешествие в прошлое. Ровно 30 лет назад они еще детьми проделали этот путь в переполненном вакопоезде. Вальтрауд Шелике, ей тогда было 14, вспоминает: «В 1941 году, вскоре после фашистского нападения на Советский Союз, нас, 700 детей работников Коминтерна, эвакуировали из Москвы в тыл. Наши матери посадили нас в вагоны. Они стояли на перроне и отворачивались, чтобы мы не видели их слез. Самые маленькие ребята еще не понимали, в чем дело, но все равно плакали и кричали «мама»...»

Ранним утром поезд прибывает на станцию Ветлужская. Пассажиры здесь выходят немногие, и все они сбиваются у раскаленной печурки маленького вокзала. Вальтрауд и Вольфганг ждут парохода, который доставит их на место.

Вольфганг на десять лет моложе сестры. Из глубины памяти всплывают обрывки событий, впечатлений, знакомые лица. Когда они прибывают на место, он сразу же узнает аллею, которая ведет от берега реки к дому. По этой аллее сестра за руку подвела его тогда к дому. По ней ребята потом бегали в лес, а летом на речку купаться. Старшие ходили в школу — за семь километров через лес. Бывало, вечером, по дороге домой, встречались волки.

Здесь сегодня снова, как и до войны, отдыхают рабочие Горьковского автозавода. В это раннее дождливое утро лишь немногие решились выйти из дома. Все удивились, увидев вновь прибывших, которые и не думали прятаться от непогоды. А Вальтрауд и Вольфганг вспоминали. Перед зданием, где когда-то размещалась дирекция, посажены цветы. Так было и тридцать лет назад, только сейчас их гораздо больше. Щели для укрытия от фашистских бомб поросли молодыми елями. Кто здесь впервые, тот не догадается, что здесь было когда-то...

— Зашли в здание, объясняем, кто мы и откуда, просим разрешения переночевать. И вдруг лицо человека, к которому мы обратились, словно помолодело, и я узнала нашего воспитателя Павла Ивановича Кадушина. Он меня тогда все «Травкой» звал, — рассказывает Вальтрауд. — И еще один человек нас с братом вспомнил — официантка Рая, наша няня. Она тогда кормила малышей и заботилась о них как родная мать. На ночлег нас устроили в той же комнате, где мы прежде жили. Когда утром проснулись, было такое чувство, словно я нигде отсюда не уезжала. Здесь мы знали каждое деревце и каждый кустик. Мы вернулись домой...

Детство, проведенное на советской земле, навсегда осталось в их сердцах. Здесь еще ребенком понял Вольфганг, как много значит солидарность. Ведь он, как и остальные ребята, его товарищи по эвакуации, вырос в единой большой интернациональной семье.

В мае 1945 года отец Вольфганга возвратился в Берлин и включился в борьбу за построение нового государства на немецкой земле. Годом позже и Вольфганг вместе с матерью и младшим братом приехал в Берлин.

В 1950 году Вольфганг перешел из советской школы в только что открывшуюся школу в одном из районов города, где преподавание велось на русском и немецком языках. «Это были чудесные годы. Учителя и ученики отлично понимали друг друга. Там я вступил в Союз свободной немецкой молодежи».

Никогда его не покидала мечта снова приехать в Советский Союз, страну, где он даже в самые тяжелые годы войны был окружен заботой и вниманием. Вольфганг Шелике был среди первых студентов из ГДР, которых послали учиться в Советский Союз. В Москве он познакомился со своей будущей женой, здесь в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского впоследствии защитил диссертацию.

Учеба в Московском авиационном институте, в который он был зачислен в 1955 году, означала для Вольфганга исполнение заветной мечты. Годы учебы в Москве оставили незабываемые впечатления. Вечера, проведенные вместе с советскими студентами, лыжные походы по Карелии и Уралу, уборка урожая на казахстанской целине... Со многими из бывших однокурсников и сейчас Вольфганг связывает крепкую дружбу. Один из них — космонавт Виталий Севастьянов. «Виталий был членом комитета комсомола и часто заходил к нам в общежитие. Потом мы вместе ходили в аэроклуб. Не забываем друг друга и теперь. Виталий навещал меня в ГДР, я бываю у него в гостях, когда езжу в Москву. Между прочим, Севастьянов хорошо говорит по-немецки».

— Без знаний, накопленных во время учебы в Москве, без тех часов, которые просиживал за математикой, вряд ли справился бы я теперь с новыми сложными задачами, — говорит Вольфганг, подполковник Национальной народной армии ГДР.

Мечта о небе? С ней он не расстался. Большую часть своих выходных дней Вольфганг проводит на аэродроме близ Дрездена. Чувство необыкновенного счастья охватывает его, когда воздушный поток подхватывает планер и уносит высоко в небо. Он налетал уже более тысячи часов и, как один из самых опытных планеристов, обучает молодых.

...Дрезден, 1976 год. Снова, как и в тот день, когда Вальтрауд и Вольфганг отправились в поездку в детство, дождь льет как из ведра. Вольфганг идет к ангару, где укрыты планеры: «Полетов сегодня не будет — слишком плохая видимость. Но надо проверить, как подготовлены машины. У нас такой закон: хочешь летать — потрудись сначала на земле».

Он остался верен правилу: бескорыстно помогать другим, ни от кого не требовать больше, чем от самого себя.

Э. ФИНДЛИНГ
(журнал «Фрайе Вельт», ГДР)

«Виталий Севастьянов (на снимке в центре) гостил у меня в 1973 году, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Мы здесь сняты втроем с Володей (он слева), нашим общим другом по учебе в Москве».

Фото Ф. Биллеба

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Перед штабом гвардейского авиационного подразделения Республики Куба стоят несколько стареньких самолетов. На них летчики подразделения 17 апреля 1961 года отражали агрессию на Плайя-Хирон. Эта победная дата стала кубинским Днем авиации, а самолеты — боевыми реликвиями, свидетельством доблести и мужества. Теперь гвардейцы летают на сверхзвуковых истребителях и надежно охраняют небо родины.

СЕРЬЕЗНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

Лейтенант Эдуард Гонсалес невысок, строен, на вид даже хрупок. Недавно он первым из молодых офицеров стал военным летчиком 2-го класса. «Показал высокое мастерство в сложном полете», — сказали мне в штабе. А произошло это так.

...Истребители один за другим круто взмывали в небо и исчезали в его бездонной голубизне. С завистью провожал их взором лейтенант Гонсалес. Он очень любил летать, но сегодня нес дежурство на аэродроме и, готовый по тревоге сразу же подняться в воздух, оставался на земле. «Пропавший день, — уныло думал он, — полетать не придется».

И вот, когда его товарищи вернулись на аэродром и зарулили на стоянки, раздалась долгожданная команда: «Дежурному летчику в воздух!» Тревога, да не учебная... Известный самолет приближался к границам республики. Это могла быть попытка контрреволюционеров забросить шпионов или произвести разведку.

Через считанные мгновения Гонсалес уже стремительно набирал высоту. Истребитель с пушечным громом миновал звуковой барьер, а стрелка указателя скорости продолжала двигаться по шкале. «Отличная машина, — радовался летчик, — непременно перехвачу неизвестный самолет».

Действительно, скоро на экране бортового локатора замельтешила «отметка», а потом летчик и сам увидел «цель». Ею был большой пассажирский лайнер одной из европейских авиакомпаний. Он, вероятно, случайно отклонился от маршрута, но экипаж заметил свою ошибку и уже исправил ее.

Гонсалес доложил об этом командованию и получил приказ — немедленно возвращаться: погода быстро портилась. Такое случается и на солнечной Кубе. Вопреки прогнозам синоптиков небо заволокло серые, лохматые тучи. Казалось, что, отяжелев от влаги, они легли прямо на растрепанные головы пальм. Пошел дождь. Непогода закрыла и запасные аэродромы. Лейтенант Гонсалес оказался в опасном положении.

О нем волновались и на земле. Командир подразделения заменил руководителя полетов, взяв таким образом ответственность за жизнь летчика на себя. Он знал, что Гонсалес летает хорошо, но боялся, что у него просто не хватит опыта для благополучного приземления в такую погоду. Командир передал по радио пилоту: «Сто десятый, я первый. Метеоусловия плохие, запасных аэродромов нет, катапультируйся!»

Гонсалес видел над собой синее небо, а внизу безбрежное море облаков. Собственно, почему ему надо губить свой отличный самолет? Он уже не раз летал в облаках, заходя на посадку по приборам, правда, с инструктором... Но может сделать это и самостоятельно.

В подобных ситуациях окончательное решение принимает летчик. Гонсалес сообщает на командный пункт: «Я сто десятый. Иду на посадку». «Земля» стала ему сразу же помогать всеми возможными средствами. И это еще

КУБИНСКОМ НЕБЕ

больше укрепило уверенность молодого летчика в своих силах. Его самолет вошел в облака и оказался в белесой мгле. Раздался резкий звонок-сигнал, что самолет миновал первую приводную радиостанцию, затем вторую, а потом под крылом мелькнули черные от дождя пальмы и полотно взлетно-посадочной полосы. Секунда — и истребитель помчался по ней, разбрызгивая лужи.

ГВАРДИИ РОМЕО

Истребители летят очень высоко. В бездонной синеве видны только две серебристые точки, за которыми тянутся белоснежные клубящиеся дорожки. Это выполняют тренировочный полет гвардии лейтенанты Рафаэль Сантос и Фидель Варгас. Про них мне говорят: очень слетанная пара, да и на земле редко расстаются. Друзья — водой не разольешь.

...Рафаэль — высокий, синеглазый, с нежным, прямо-таки девичьим румянцем, застенчив и молчалив. За двоих разговаривает Фидель — веселый крепыш с шеей борца и ослепительной белозубой улыбкой.

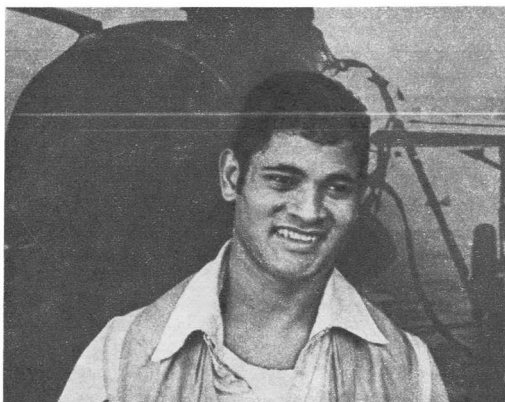
— Замечательный летчик, — представляет он своего друга. — Это у него от бога и майора Крапивина. Авиационное училище мы кончали в Советском Союзе. Учили нас там по-настоящему. Советские люди относились сердечно, а майор Крапивин прямо-таки по-отечески, особенно к Рафаэлю. Как только начались полеты, Рафаэль сразу стал делать блестящие успехи. Скупой на похвалы инструктор очень его отличал.

И вдруг Фидель сделался рассеянным, словно потерянным. Вижу, мой друг аппетит потерял, ночи не спит. Койки наши рядом, слышу — до рассвета ворочается. Ну, словно заболел чем...

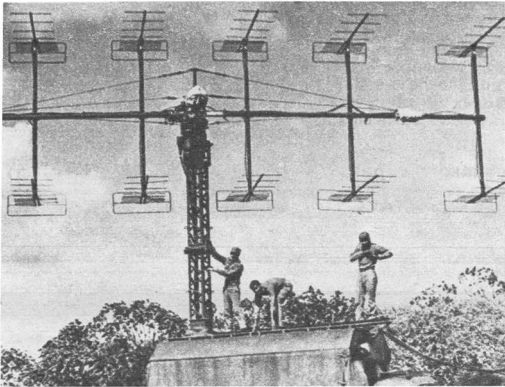
Однако скоро причина недуга выяснилась. Рафаэль влюбился в русскую девушку Надю. Она училась в институте, куда мы ездили в гости, концерт давали. Плохо было то, что Рафаэль влюбился без взаимности. И девушка-то, на мой взгляд, самая обыкновенная, а для него оказалась лучшей в мире. Ухаживал он как настоящий кубинец: нежно, пылко, красиво. Песню «Признание» под гитару пел. Эту песню у нас парень поет девушке, когда хочет на ней жениться. Сравнивает любимую с нежным цветком, с луной над спокойным морем... Я переводил слова и старался, как мог. Обычно эта песня на девушке очень действует. А тут ее к тому же пел летчик, да такой синеглазый. Но Надя... В общем, отвергла, сказала, что любит какого-то русского парня.

Я к ней на другой день один пришел. Рассказал, какой мой друг замечательный, уверял, что он будет хорошим мужем, а Куба самая прекрасная в мире страна — вечное лето, а у них будет вечная любовь и целая куча ребятшек. А она отвечает, что не нужно ей ни Кубы, ни вечного лета, а главное, не нужен Рафаэль. В отчаянии я даже привел политические доводы: мол, наши народы — братья, цель одна и дружба нерушимая. А Надя говорит: «Вот я и предлагаю Рафаэлю дружбу». Ну, вы сами понимаете, если парень влюбился в девушку, то одной дружбы ему маловато.

А курсант Сантос с горя учебу забросил. У нас к таким вещам относятся строго. Родина послала учиться, Советский Союз предоставил инструкторов, самолеты... Значит, надо отдать всего себя, стать хорошим летчиком. Мы, курсанты-кубинцы, устроили общее собрание, строго предупредили Рафаэля. Все говорили резко, и я тоже ругал друга. А он на другой день едва самолет при посадке не разбил. Тут уже старший группы решил отправить Рафаэля домой. Но вступился майор Крапивин. Сказал, что курсант Сантос очень способный, что он

Лейтенант Фидель Варгас.

Локатор готов к работе.

Летчики-истребители кубинских ВВС.

сделает из него отличного летчика. Потом пригласил Рафаэля к себе домой. О чем с ним говорил, даже я не знаю. Только после этого мой друг выбросил дурь из головы. Первым из нашей группы совершил самостоятельный вылет, закончил училище с отличием. А теперь летчика Сантоса нам начальство в пример ставит.

— Вы не слушайте моего друга, — застенчиво краснея, говорит Рафаэль. — Он у нас... как это по-русски?... придумщик.

— Подожди, — возражает Фидель. — Разве ты в русскую Надю не влюблялся? Да и сейчас на кубинских девушек не смотришь, все по ней вздыхаешь. Прямо гвардии Ромео.

— Но ведь это полетам не мешает, — грустно улыбается Рафаэль.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Гвардии майор Риго Окендо — один из самых опытных летчиков подразделения. О своей военной профессии он говорит с увлечени-

ем. Уверяет, что каждый полет на сверхзвуковом истребителе бывает единственным в своем роде, неповторимым.

— А какой полет для вас стал самым памятным? — спрашиваю я.

— Нет, не на сверхзвуковом! — улыбается Риго и, закулив сигарету, рассказывает: — Все произошло неожиданно. Недавно я поехал в отпуск к родителям. Они крестьяне, живут в глухой горной деревушке. Наш народ гордится своими вооруженными силами, любит их. А летчики пользуются особым уважением. И мой приезд для родителей, да и для всей деревни, всегда вроде как праздник. Я обязан надеть парадную форму и вместе с отцом принимать гостей. А потом мы наносим визиты родственникам, а они почти в каждом доме.

На эту, так сказать, официальную часть уходит два-три дня. А потом я уже по-настоящему отдыхаю: помогаю отцу в поле, ловлю рыбу в горной речушке. Вода в ней быстрая, прозрачная, холодная. И вот рыбаку в том месте, где еще мальчишкой с удочкой сиживал, и вижу, летит самолет. Маленький АН-2 и вроде садиться собирается. Куда же это он, думаю, кругом горы, только возле самой деревни ровная площадка, с ладонь величиной. На нее-то летчик и сумел приземлиться. А как взлетать будет? Решил: обязательно посмотрю...

Прошло с полчаса, прибегает отец. «Сынок, беда! Ты же знаешь, у соседа пятилетняя девочка больна. Врач сейчас прилетел, определил аппендицит — срочно операцию делать, вези ее в Гавану надо, а у летчика сердечный приступ, лежит как пласт. Мне люди говорят: попроси сына, пусть он больные отвезет. Ты ведь сможешь соседям в беде?»

Отказать я, конечно, не мог. Но на самолете АН-2 ни разу в жизни не летал, даже в кабине не сидел. А тут взлет предстоит очень сложный и с пассажирами на борту...

Приходим к самолету, там уже почти вся деревня собралась. Ждут нас. Отец важно объявляет: «Сейчас мой сын больные отвезет. Он на сверхзвуковых летает, а таким маленьким самолетом управлять ему никакого труда не составит». Врач говорит: «Очень хорошо. Если девочку не оперировать, она умрет».

Летчик не может мне ничем помочь. Ему совсем плохо. Я сел в кабину и стараюсь быстро разобраться. Все здесь, конечно, гораздо проще, чем на сверхзвуковом истребителе, но... Понял, как запустить двигатель, и он заработал ровно, надежно. Думаю: уже хорошо! Прикидываю, как взлететь. Летных качеств самолета не знаю, но не сомневаюсь в одном: если не оторвусь от земли вовремя, то врежусь в гору.

А пассажиры спокойны, уверены, что их жизнь в надежных руках. Вспоминаю слова инструктора: «Настоящий летчик должен уметь подняться в воздух на любом летательном аппарате». Слова хорошие, но обычно пилотов все-таки «вывозят» на новом типе самолета.

Врач тревожно заглядывает в кабину и красноречиво показывает на часы. Отбрасываю прочь колебания и начинаю взлет. Самолет послушен. Я легко выдерживаю направление при разбеге, а потом плавно беру ручку на себя, и... готово! Взлетел, гора теперь не страшна. И тут чувствую, что рубашка мокрая, прилипла к телу, а глаза заливают пот. Зато дальнейший полет уже не представлял трудностей. Посадку я совершил в Гаване в аэропорту имени Хосе Марти. Девочку прямо из самолета отправили на операционный стол и не опоздали. Жизнь ее была спасена.

Это был самый памятный полет и самый счастливый день в моей жизни военного летчика-истребителя.

Гавана — Москва.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

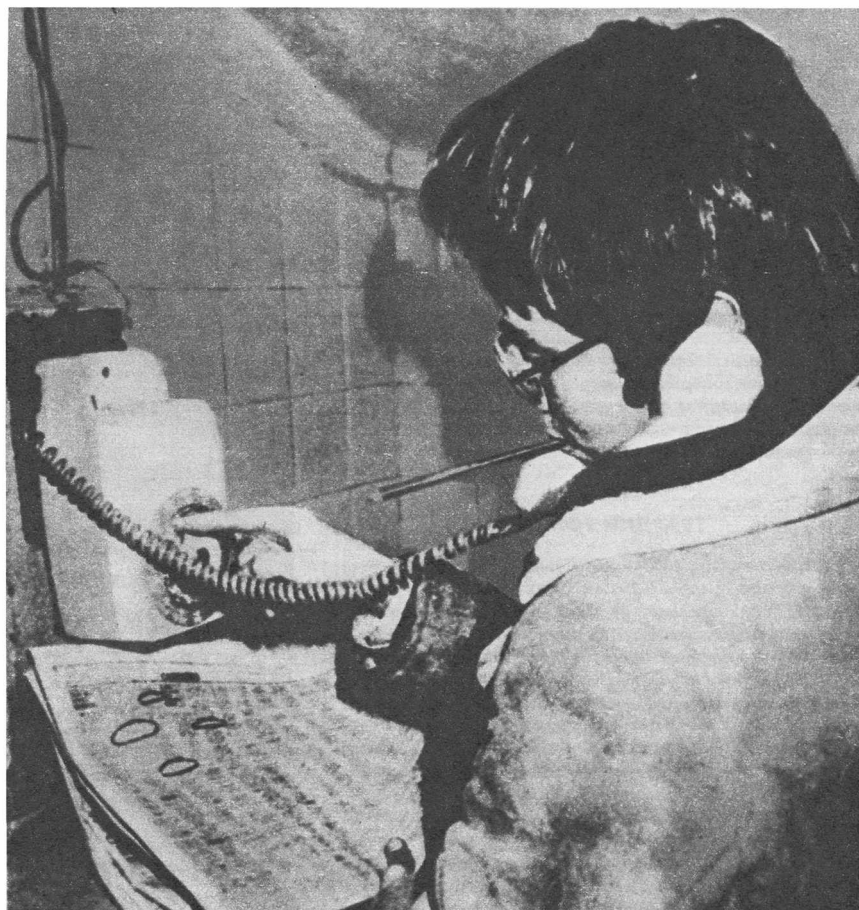
ФРАНЦИЯ

НАДЕЖДЫ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ

Тысячи молодых французов каждый день просматривают десятки газет в надежде найти объявление о найме. И если это случается (о чудо!), мчатся к ближайшему телефонному аппарату, чтобы дозвониться до работодателя. Хорошо, если повезет. А зачастую искать работу приходится до бесконечности долго. Ведь число безработных во Франции, согласно официальной статистике, достигло в феврале текущего года 1 449 090 человек. Более половины из них — женщины до 30 лет. Второй по численности отряд «лишних людей» — молодые люди до 25-летнего возраста. 60 процентов юношей и девушек, окончивших учебные заведения в минувшем году, вынуждены были сразу же занять очередь на бирже труда.

На снимке: может, сейчас повезет, и ему не откажут в работе.

Фото ТАСС

МЕКСИКА

БОРЬБА С «ИМПЕРИЕЙ» НАРКОТИКОВ

Одной из многих проблем, стоящих перед правительством нового президента Мексики Хосе Лопеса Портильо, является борьба с наркотиками. За последние годы эта латиноамериканская страна приобрела печальную славу одного из основных поставщиков марихуаны и героина. Только в Соединенных Штатах Америки за прошлый год агенты полиции конфисковали наркотики, переправленные из Мексики, на внушительную сумму в 600 миллионов долларов.

Мексиканские власти приняли решение положить конец «империи» наркотиков, выкорчевать в прямом и переносном смысле плантации марихуаны и опиумного мака, расположенные в труднодоступном горном районе Сьерра-Мадре. Сюда направлены специальные воинские подразделения, которые в ходе начавшейся операции «Кондор» арестовали около 800 человек, уничтожили свыше 1200 полей опиумного мака и 400 посадок марихуаны. Трудно сказать, чем завершится «маковая война». Во всяком случае, в Соединенных Штатах недостатка в зелье пока не ощущается. Его переправляют через границу в выхлопных трубах автомобилей, перевозят на «джипах» через пустыню, доставляют на ослах через резервации индейцев, перебрасывают на частных самолетах. Кампания началась, но все оказалось не так просто. Торговля наркотиками является для большинства крестьян единственным выходом из нужды. Их не пугают даже суровые наказания — от 5 до 15 лет тюремного заключения. Выращивание мака и конопли, по мнению крестьянина, оправдывает любой риск. И если после обработки ядохимикатами гибнет одна плантация, он тут же производит новый посев.

Власти столкнулись с организованной преступностью: контроль над производством и отправкой «товара» осуществляют боссы местной и американской мафии, в распоряжении которых сотни курьеров, суда, самолеты. Вооруженные до зубов мафиози не стесняются в выборе средств при столкновениях с представителями закона, в результате чего в прошлом году здесь ежедневно погибало в среднем три человека.

На снимке: мексиканские солдаты уничтожают плантацию марихуаны.

Фото ТАСС

ЯПОНИЯ

НОВЫЙ РЕКОРД

Новый рекорд установил японский студент Такаси Като, пролетев на велосипеде «Аист» 2193 метра. «Аист» весит всего 37 килограммов при размахе крыльев 21 метр, длине около 9 метров и высоте около двух с половиной метров. Таких параметров удалось достичь благодаря сверхлегкому бальзовому каркасу, обтянутому прочной бумагой. Като сбросил пять с половиной килограммов лишнего веса, проехав на велосипеде во время ежедневных тренировок по 70 километров.

На снимке: «Аист» в полете.
Фото Джапан Пресс — ТАСС.

ТАИНСТВЕННЫЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

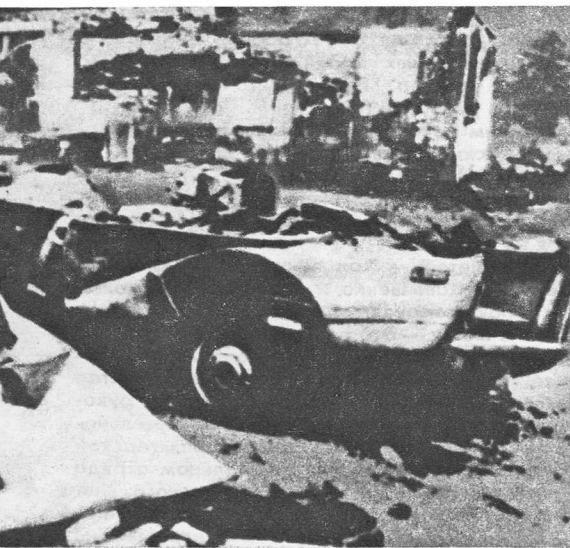
Достоянием гласности становятся все новые факты о подозрительных акциях ЦРУ и ФБР накануне и после убийства президента США Дж. Кеннеди. По сообщению печати, американские спецслужбы виновны в утаивании свидетельств, а также в уничтожении важной информации, крайне необходимой для расследования убийства. При таинственных обстоятельствах исчезли десятки людей, соприкасавшихся с трагедией в Далласе. Они погибли при разных обстоятельствах, как ни хоронились некоторые из них, как ни уповали на то, что годы отведут от них угрозу. Специалисты подсчитали, что на их смерть естественным путем в течение тринадцати с половиной лет, прошедших после убийства Дж. Кеннеди, был лишь один шанс из ста миллионов.

На днях «покончил с собой» Дж. де Мореншильд, бывший когда-то близким другом Освальда. Это случилось буквально через несколько часов после того, как он был вызван в Вашингтон для дачи показаний перед спе-

циальной комиссией палаты представителей. Голландский журналист, которому удалось взять интервью у Мореншильда накануне его таинственной смерти, заявил: Мореншильд сказал ему, что убийство Кеннеди, организованное ЦРУ и нефтепромышленниками, было осуществлено не одним Освальдом, что в президента стреляли и нанятые в Майами кубинские контрреволюционеры. Появляющиеся вновь и вновь факты заставляют многих предположить, что убийство Дж. Кеннеди — результат широкого заговора, к которому имело отношение и ЦРУ. Но вот уже четырнадцатый год не могут установить правду, кто стрелял, кто стоял за стрелявшими.

На снимке: агент ЦРУ — членом специальной комиссии палаты представителей: «Забавно, что все ваши свидетели оказываются мертвыми!»

Рисунок из газеты «Дейли уорлд»

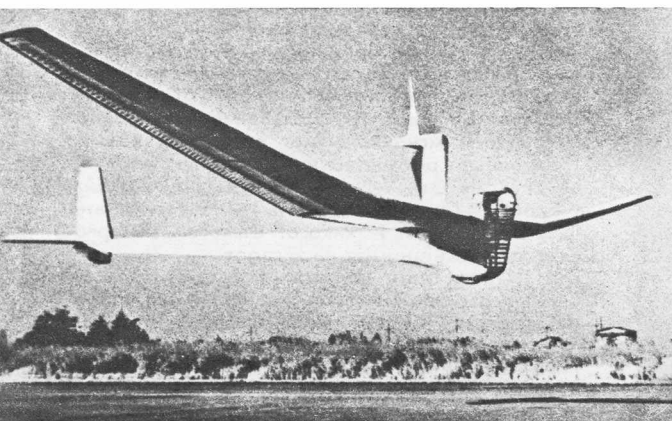

США

АВИАЦИОННАЯ КАТАСТРОФА

Крупная авиационная катастрофа произошла в районе города Даллас (штат Джорджия). Загоревшийся пассажирский самолет совершил вынужденную посадку на шоссе, где смял несколько автомобилей, врезался в здание магазина и взорвался. В результате катастрофы погибло большинство из 85 пассажиров, находившихся на борту. Имеется много жертв среди населения района, где произошла катастрофа.

Фото АР—ТАСС

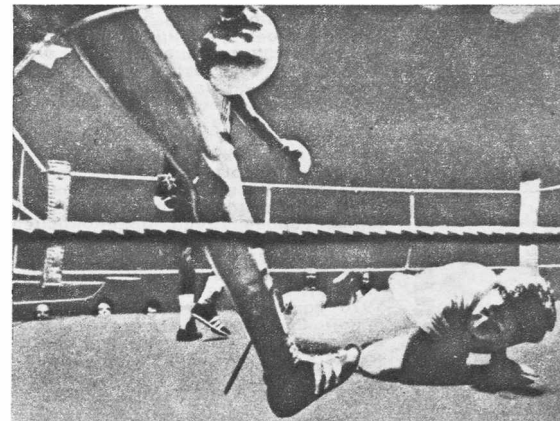
Случается и такое...

ФРГ

Два нокаута в одном поединке провел боксер среднего веса Давид Аттан, представляющий любительский спортклуб Ганновера, где и состоялась встреча. Сначала он нечаянно отправил на пол рефери Хайнца Биркеля, подвернувшегося ему под руку. Биркель, в прошлом сам известный боксер, проведший 169 поединков и ни разу за всю спортивную карьеру не бывший в нокауте, «испортил» свой послужной список после случайного удара Аттана. Несколькими секундами позднее Давид Аттан нокаутировал и своего непосредственного соперника Гарольда Родевиза.

На снимке: судья Хайнц Биркель в нокауте.

Фото ДПА

ИТАЛИЯ

Зловещий союз

В 4 часа утра 40 агентов полиции, одетые в пуленепробиваемые жилеты, окружили дом, находящийся недалеко от руин римского форума. Скрывающийся, застигнутый врасплох, закричал полицейским, чтобы они не стреляли. «Поберегитесь! Здесь достаточно динамита, чтобы взорвать все вокруг». Действительно, в тайнике квартиры было найдено 20 килограммов взрывчатки, детонаторы, запалы, ручные гранаты, стрелковое оружие.

Арестованный преступник был не кто иной, как Конкутелли, один из главнейших неонацистов Италии, убийца заместителя генерального прокурора Рима Витторио Оккорсио. Это убийство произошло на следующее утро после того, как Оккорсио сказал репортерам об обнаружении связи между неонацистской группой под названием «Новый порядок» и итальянской мафией.

Интересной находкой в квартире Конкутелли были банкноты в 100 тысяч лир, серия которых была идентична серии тех 10 700 тысяч лир, которые выплачены миланским миллионером Ниньо Трапани за освобождение своей дочери, похищенной бандитом «номер один» Валланцаска. Спустя два дня после ареста Конкутелли полиция схватила Валланцаску на окраине Рима. Идентификация банкнот служит еще одним доказательством существования тесной связи между неонацистским отребьем и итальянской мафией, она выявила широкое поле их совместной деятельности: убийства, похищения, покушения, грабежи. Заместитель прокурора Милана Гвидо Виола сказал корреспонденту журнала «Панорама»: «Сейчас уже начинает вырисовываться целая цепь организаций, которые путем уголовных преступлений, похищения людей и террора стремились и, возможно, все еще стремятся уничтожить институты республики и любой ценой, даже с помощью иностранных секретных служб, помешать развитию демократии».

На снимке: арестованного неонациста Конкутелли ведут в полицейский участок.

Фото из журнала «Тайм»

21 АПРЕЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И ПОЛЬШЕЙ.

УРОК В ДОНЕЦКЕ, ЭКЗАМЕН В ПОЛЬШЕ

Н. КРЫЛОВА

«Дорогой «Огонек»! Я учительница русского языка в профессиональной школе в совсем новом городе Ястшембе. Это в Польше, в Катовицком воеводстве. Ученики мои станут шахтерами. Хотелось бы, чтобы они переписывались со своими ровесниками из Советского Союза, будущими горняками.

И еще одна просьба. Два года назад (я тогда не работала в этой школе) здесь, на шахте «Манифест Липцовы», был большой пожар. Тогда к нам приехали советские шахтеры и помогли его тушить. Помогите, пожалуйста, разыскать советских людей, которые принимали участие в спасательной операции. Я хочу, чтобы мои ученики узнали об этих мужественных людях.

С нетерпением жду ответа

Зофья ПЕРУГ

Ястшембе.

— Петр Иванович Оранский, у которого два ордена Ленина!

Да, им есть на кого равняться, этим донецким ребятам. И еще в их городе живут и работают пятнадцать кавалеров ордена Заслуг перед Польшей. Для них звонок на урок дружбы прозвенел в апреле 1975 года. Это был телефонный вызов из Москвы: «В Польше, на шахте «Манифест Липцовы», — пожар! Требуется помощь. Высылаем за вами самолет. Готовьте людей и технику».

Часы показывали начало первого. Заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института горноспасательного дела Анатолий Иванович Козлюк собирался идти обедать. В кармане у него лежал приказ об отпуске.

— Первая мысль: хорошо, что никто еще не ушел на перерыв, — вспоминает Анатолий Иванович. — Сразу же собрали короткое оперативное совещание. Решили, кто полетит. Мне поручили возглавить работу советских специалистов. Отбрали людей. Кто близко живет, успели заскочить домой, взять самое необходимое.

Вскоре все были на аэродроме. Прибыла и

Член Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП Здислав Грудзень вручает награду Анатолию Ивановичу Козлюку.

Фото Казимежа Зеко

техника. Командир оперативного взвода Донецкого горноспасательного отряда Геннадий Горелов уже сгружал с машины «орудие главного калибра» — агрегат ГИГ.

Прежде чем расшифровать это название, придется сделать маленькое отступление, чтобы объяснить, как вообще тушат пожар под землей. Казалось бы, достаточно перекрыть доступ воздуха. Но если шахту не вентилировать, повышается процент метана, и может произойти взрыв. А на шахте «Манифест Липцовы» процент опасного газа особенно высок.

Как советские ученые решили эту задачу? Слово Михаилу Васильевичу Колышенко — руководителю лаборатории по разработке газовых средств тушения пожаров:

— У нас в лаборатории был разработан генератор инертных газов — сокращенно ГИГ. Сердце его — самолетный реактивный двигатель. Когда он работает, в большом количестве образуются инертные газы. Вот их-то и нагнетают в объятую огнем шахту.

— Правда, у простого самолетного двигателя в выхлопных газах остается немалый процент кислорода, — вступает в разговор еще один из «отцов» ГИГа, Владимир Алексеевич Котельников, бывший летчик, который, по словам Козлюка, с реактивными двигателями на «ты». — Специальное устройство в нашем агрегате выжигает оставшийся кислород и охлаждает выхлопные газы с тысячи до ста градусов. Вот такой смесью можно уже тушить пожар.

Управляет «реактивным пожарником» электроника и автоматика — хозяйство Бориса Николаевича Буханца и Виталия Ивановича Кухно. Оба они тоже сотрудники Института горноспасательного дела и тоже сидели в самолете, который вечером 8 апреля 1975 года вылетел из Донецка в Варшаву. Это был не пассажирский лайнер с креслами в белых чехлах, а грузовой «АН-12» с металлическими скамейками по бортам. Посредине веревочной сеткой, похожей на гигантский гамак, были накрепко закреплены части ГИГа и агрегата «Темп», с помощью которого возводят гипсовые перемины, чтобы изолировать очаг пожара.

— Там, в самолете, мы провели наш первый «военный совет», — вспоминает Анатолий Иванович Козлюк. — Наметили стратегию наступления на огонь. Мы знали, что польские горняки уже ведут с ним борьбу с помощью мощных водяных струй, но эффекта это пока не давало. Решили, что сразу будем пускать в дело наш ГИГ.

Поздним вечером они приземлились в Варшаве. Отсюда предполагалось добираться на машинах. Но летчик сказал, что знает аэродром в Катовице и сможет там сесть. На борт поднялся польский штурман, и «АН-12» взял курс на Катовице.

— Прилетели в три часа ночи. Анатолий Иванович, Колышенко и я решили, не дожидаясь, пока выгрузят оборудование, спуститься прямо в шахту. — Это рассказывает Виктор Павлович Чарков. За его плечами без малого тридцать лет горноспасательного стажа. Виктор Павлович — кандидат технических наук, руководит отделом в Институте горноспасательного дела, удостоен двух знаков шахтерской славы. За работу в горноспасательном отряде награжден орденом Трудового Красного Знамени. Где он только не тушил подземные пожары: в Кузбассе, Воркуте и Тварчели, на Шпицбергене и в Монголии. Последний раз — во Вьетнаме осенью минувшего года.

— Человеку, никогда не видевшему пожара под землей, трудно вообразить, что это такое, — продолжает Виктор Павлович. — Представьте себе дымоход горящей печи, и вы получите некоторое представление об этом. Немного я припомню случаев, когда ситуация была столь тяжелой: стена огня. Плавилась раскаленная добела металлическая крепь. И в любое мгновение мог произойти взрыв.

Западные радиостанции передали: «Шахту не спасти!» Эта шахта — одна из крупнейших в Европе. Суточная добыча — шестнадцать тысяч тонн угля. И какого! Самого высокого качества. Весь он идет на экспорт.

— Надо отдать должное польским товарищам, — говорит Анатолий Иванович Козлюк. — Их мужеству, четкой организации работ. Понимали нас с полуслова. Все проблемы решались исключительно оперативно. А их было немало. Одного только горючего для нашего

В. Загонек. Род. 1919. ВЕСНА В КОЛХОЗЕ. 1950.

Ордена Трудового Красного Знамени институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Ленинград.

Ретроспективная выставка дипломных работ художественных вузов СССР.

Г. Тотибадзе. Род. 1928. НА НОВЫЕ ЗЕМЛИ. 1953.

Тбилисская орден Трудового Красного Знамени государственная академия художеств.

А. Савдулин. Род. 1947. МОЛОДОЙ ХУДОЖНИК. 1972.

Ретроспективная выставка дипломных работ художественных вузов СССР.
Московский ордена Трудового Красного Знамени
государственный художественный институт им. В. И. Сурикова.

КУБАНЬ И КУБАНЦЫ

Кубань! Здесь все поэзия, все великий труд, все гордость. В книге С. Ф. Медунова «Магистральный путь развития села» есть и поэзия края, и труд кубанцев, и гордость за их дела.

Автор преодолевает все трудности, обычно связанные с проблемами пропаганды вопросов сугубо экономических, нередко узких, предназначенных в общем-то для неширокого круга читателей.

Перед нами глубоко раскрыт кубанский опыт по реализации социально-экономической программы преобразования села. Книга помогает разглядеть на конкретных примерах, сравнениях, как претворяется в жизнь аграрная политика КПСС.

Читателей «Огонька» ожидают, кроме всего, встречи с хорошо знакомыми—героями репортажей и очерков времен восьмой и девятой пятилеток. Ибо книга снова и снова возвращается к делам таких прославленных кубанцев, знаменосцев отечественного сельского хозяйства, как И. И. Гармаш, И. И. Буренков, И. Т. Сидоренко, В. Ф. Резников. И все-таки: «Проблема кадров—это, как говорится, вечный вопрос. И в каждой новой ситуации он поворачивается своей острой гранью». Автор книги вспоминает давнее: «Было время, когда на Кубани говорили: «будет дождик, будет гром—нам не нужен агроном». Но надо учесть, что в те годы на весь край насчитывалось чуть больше двадцати агрономов и семь ветеринарных врачей. А ныне, спустя полвека, в середине се-

С. Ф. Медунов. Магистральный путь развития села. М., 1976, Политиздат, 200 стр.

мидесятых, у нас в среднем на один колхоз или совхоз агрономов и зоотехников приходилось больше, чем тогда было на всей Кубани».

И еще нельзя не выписать: «Говорят, что умение руководить—это талант. Может быть. Но ведь талант—это тоже мастерство. А раз мастерство, то им можно и нужно овладеть. Вот об этом и речь». Дело в том, что руководить таким сложным хозяйством, как нынешний кубанский колхоз или совхоз, далеко не просто. Особенно в пору интенсивного развития идей специализации, концентрации и агропромышленной интеграции. Понятна гордость автора за таких мастеров и руководителей, как Михаил Иванович Клепиков, Владимир Андреевич Светличный, Алексей Исаевич Майстренко, Анна Васильевна Черепова, Василий

Иванович Головченко,— все они Герои Социалистического Труда, слава Кубани.

Было бы неправдой заметить как бы вскользь, что книга С. Ф. Медунова читается легко и все в ней просто. Нет, не простая это книга, и многое в ней сложно, требует напряженного внимания. Ибо сами вопросы специализации и концентрации, производственной кооперации, совершенствования управления сельским производством в новых условиях научно-технической революции весьма сложны, требуют известного напряжения при их рассмотрении, при анализе действительного. Автор от проблем, от освещения имеющихся недостатков не уклоняется. И его можно понять: Кубань еще не дает того, что может дать, чего ждет от нее советская экономика. Об этом прямо и с партийной принципиальностью сказано в только что опубликованном постановлении ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Краснодарского крайкома партии по выполнению решений XXV съезда КПСС»: «...богатые природные ресурсы Кубани, ее благоприятные почвенно-климатические условия используются недостаточно полно».

Решение важных проблем требует не столько времени, сколько еще большей настойчивости, умения и желания краевой парторганизации. Таков вывод автора книги «Магистральный путь развития села». Дорого и читательское ощущение, что уже сейчас заботы партийной организации направлены на то, чтобы не только раскрывать и использовать жизненные силы природы, но и сохранить Кубань для будущих поколений как цветущий, благодатный край, приумножить ее богатства.

Н. БЫКОВ

В № 6 за 1977 год нашего журнала был напечатан рассказ-быль Ольги Кротовой «Как я потеряла подарок Водопьянова». Вскоре в редакцию пришло письмо для писательницы от Михаила Васильевича Водопьянова.

Имел одного из первых Героев Советского Союза, генерал-майора авиации М. В. Водопьянова, широко известно не только в нашей стране, но и во всем мире.

С разрешения О. К. Кротовой публикуем это письмо.

ПИСЬМО ГЕРОЯ

Уважаемая Ольга!

Извините, что я забыл Ваше отчество. Прочитал я с большим удовольствием Ваш рассказ в «Огоньке».

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою признательность и благодарность за память обо мне.

Вы не можете представить, с каким удовольствием, волнением и в то же время благоговением перечитываю о дорогом моему сердцу времени, о моей молодости.

Дорогая моя! Мне уже 77 лет. Хотя по состоянию здоровья я не имею возможности много работать, но я счастлив тем, что вышедший смысл моей жизни был и остается—служение народу.

По мере моих возможностей я еще работаю, пишу. Последняя моя книга «Небо начинается с земли» вышла в апреле 1976 года. И я надеюсь, пока бьется мое сердце и буду в состоянии трудиться, буду верным своим традициям до конца моей жизни.

С глубоким уважением и признательностью

М. ВОДОПЬЯНОВ.

агрегата требовалось доставлять под землю тонну в час. Кстати, когда мы приехали на шахту, среди местных жителей разнесся слух: «Русские собираются тушить пожар керосином». Слух верный лишь наполовину,—улыбается Анатолий Иванович,—тушили пожар действительно керосином, но только не одни русские, а вместе с поляками. Они действовали самоотверженно и очень организованно.

— Вообразите, что у вас в комнате—а в шахте еще теснее—работает самолетный реактивный двигатель. Добавьте температуру—где-то под сотню градусов. В таких условиях советские и польские горняки вместе повели наступление на огонь. По две-три смены не выходили из шахты. Дым, пар, по пояс в горячей воде.

— Ничего, зато в этой «бане» у меня насморк сразу прошел,—шутит Геннадий Горелов, командир взвода Донецкого горноспасательного отряда.

— А помнишь, Гена, как ты по трубе лез и мы тебя за ногу веревкой привязали?—спрашивает Горелова Виктор Павлович Чарков.—Это было,—объясняет он,—когда пришлось пролезть по узкой трубе, чтобы проверить, сработало ли герметизирующее устройство нашего агрегата.

— Ничего. Сработало как надо,—улыбается Геннадий.

— Помню, когда сидели мы с Кухно за пультом нашего ГИГа,—говорит Борис Николаевич

Буханец,—от жары и неимоверного напряжения начинало в сон клонить. Нам давали какие-то таблетки для бодрости—вроде допинга. Кто-то сказал, будто от усталости очень лимоны помогают. И вот—это было глубокой ночью—нам сюда притащили несколько корзин.

Потом, когда удалось обуздать огонь и мы поднялись на поверхность, к нам подошел польский шахтер и протянул листок бумаги:

— Возьмите на память. Это было стихотворение о дружбе, которое он сочинил и прочел нам прямо в объятий огнем шахте.

— Хотите, мы вам его покажем?—спросил Анатолий Иванович Козлюк.

— Конечно,—ответила я.

Листок этот долго искали, но так и не нашли: до сих пор по рукам ходит в институте. Но зато мне показали толстую книжку, в которой собрано и переведено все, что писали польские газеты и журналы о тех горячих днях.

Вот сообщение из «Жиче Варшавы»: «Через неделю пожар был в основном ликвидирован, и шахта возобновила добычу угля».

Это было накануне тридцатой годовщины договора о дружбе между СССР и Польшей.

А перед самыми майскими праздниками на шахте состоялся большой митинг. Приехал член Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Катовицкого воеводского комитета партии Здислав Грудзень и вручил советским и польским горнякам награды. Анатолий Иванович

Козлюк получил золотой знак Ордена заслуг перед Польшей, его товарищи—серебряный.

В 1976 году за разработку и внедрение ГИГа была присуждена Государственная премия СССР.

На прощание советские горняки позвали польских друзей к себе в гости на виллу, где они жили. Прямо в саду накрыли длинный стол и устроили грандиозный шашлык. Тостов было много, но главный, конечно, за дружбу!

...Открытый урок дружбы в училище № 7 продолжается. После восьмого класса Леонид Смычков раздумывал, куда пойти учиться. Отец, он забойщик на шахте Первая Запорева, предложил: «Учись, сынок, на шахтера! Отличная профессия».

Сейчас Леонид на третьем курсе. Будет машинистом электровоза в шахте.

— И мой отец тоже горняк!—говорит Саша Носов.

— Значит, шахтерская династия?

— Пока еще только начало ее. Дед мой был летчиком. Он погиб в конце войны под Варшавой. Отец и бабушка ездили на его могилу. Они рассказывали, там горит Вечный огонь и всегда живые цветы.

Я знаю, Саша, это кладбище в Варшаве. Я положила цветы у памятника тем, кто, как и твой дед, сражался за свободу братской страны. 600 тысяч советских воинов отдали за это свою жизнь. Польский народ свято чтит их память. Об этом говорят не только имена на мраморе. Памятник павшим—это дома в Катовице, на комбинате, который сооружают вместе польские и советские специалисты, это построенные на польских верфях суда под советским флагом. Об этом рассказывает на уроках учительница Зофья Перуг в польском городе Ястшембе, и об этом пишут сочинения будущие шахтеры, которые сегодня учатся в Донецке.

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Совинский пришел, нагруженный пакетами и свертками. Стал выкладывать на столик, даже не затворив двери. — Дверь,— сказала Анастасия, продолжая разглядывать себя в зеркале. Он неуклюже повернулся, закрыл за собой двери, и одну и другую, ту, что вела из прихожей в комнату. Мял бумагу, расставлял и раскладывал принесенное. Две бутылки шампанского, молдавский коньяк, минеральная вода, кусок ветчины, булка, яблоки, конфеты. Мелкие жертвы для принесения жертвы

Она тряхнула волосами. Из всех сил притворялась беззаботной.

— Что мы выпьем? Я хочу опьянеть! Давай коньяк.

— Может, не нужно?

— Зачем тогда приносил? И откуда тебе знать, что мне нужно, а что нет? Ты меня видишь четвертый раз в жизни.

— Я знаю, как ты добра и благородна... Тогда, ночью, ты готова была даже на крайности... И только чтобы защитить меня... А кто я для тебя? И разве можно защитить человека от позора, который он причиняет сам себе? Если хочешь правду, то я тогда просто испугался тебя. Ты показалась такой недоступной. И я часто думал, чем заполнены эти несколько лет между нашими случайными встречами. Этого просто невозможно передать...

Они выпили. Анастасия надкусила яблоко. Исподлобья смотрела на Совинского. Сама налила еще коньяку ему и себе, молча поднесла ему стакан.

— Не думай, что я пьяница. Ненавижу пьяниц. Но сегодня... Ты ничего не знаешь и не можешь знать. Почему-то ты всегда казался мне совсем заблудшим в темном мире чувств. А касательно заполнения... Жизнь надо заполнять любовью! Это для женщины главное. Увлечения, флирты, пустяки — это тоже возможно. Но есть намного выше. Не то, что поют в сопливых песенках: «Три месяца лето, три месяца осень, вечная весна...» Есть восторги вы-

же застенчивые? Самые дерзновенные свои догадки они высказывают как бы даже стыдливо. Зато невежды всегда нахальны.

— Я ведь не ученый,— удивляясь непостижимости перескоков ее мыслей, напомнил Анастасии Совинский.

— Разве я требую от тебя перестать быть самим собой? Будь, кем есть. То, чему можно научиться, меня вовсе не интересует. Главное в человеке — неповторимость и умение отдаваться до конца людям. Ты думаешь, интеллигенты — это те, кто много знает? Интеллигентом может быть даже малообразованный человек. Когда у него сердце открыто людям, когда он умеет откликаться на все боли мира. Так становятся великими интеллигентами дворянские дети Пушкин и Толстой и крестьянские сыны Шевченко, Франко, Довженко. Ты не задумывался над этим никогда?

Совинский тяжело ерзал в кресле. Утонул в нем, полулежал, кресло сковывало движения, отгораживало от Анастасии просто безнадежно, а если принять во внимание, что Анастасия была заключена в такое же кресло, то ситуация, в которую попал Иван, могла считаться просто нелепой.

— Боюсь, что я далек от столь высоких образцов,— сказал Совинский.— Я совсем антиинтеллигент. Сколько ты меня знаешь, я то и делал, что выставлял напоказ собственные переживания, ничего не замечая вокруг себя на расстоянии протянутой руки. Куда уж там про

АНАСТАС

большей? И этой жертвой должна стать женщина? Ну да, но разве не она сама позвала сюда Совинского? Море билось в ее груди, шум и хохот моря разочарования и уныния, между большими волнами плескались, шипели, хихикали волны мелкие, злые, как маленькие собачки. «А ты чего хотела? Чего? Чего? Чего?..» И этот большой, нескладный в своей доброте Совинский, как месье тому, кто не пришел, пообещав. Присущ ли Совинскому чувство мести? И кто здесь жертва — она или он?

Анастасия наконец оторвалась от зеркала, с насмешливым удивлением оглядела принесенное Совинским.

— Ты как тот генерал, который, прежде чем послать солдат на смерть, непременно позаботится, чтобы их хорошо накормили.

— Ты хоть ела что-нибудь? — обеспокоенно спросил Иван.

— Не думаешь же ты, что я неделю голодала! Питалась в рабочей столовой. Представь себе, очень понравилось.

— А сегодня?

— Сегодня? Не помню. С утра сидела за своей корреспонденцией. Добровольная статья. Никто не заказывал и не заставлял. И сидела добровольно.

— Голодная?

— А у голодных лучше получается! Хочешь прочту?

— Я в этом не очень... Может, тебе чего-нибудь горячего? Давай я закажу, чтобы принесли.

Она расхохоталась.

— Ты страшно трогателен в своей заботливости. Дай мне руку. Сядь вот здесь в кресло. Ну, давай сначала сдвинем кресла, чтобы быть ближе. Можешь снять пиджак. Видишь, какая я добрая? Сегодня добрая. Это бывает редко.

Он гладил ее руку. Анастасия зажмурилась на мгновение. Нет, не то. Не та рука. Большая, теплая, ненавязчивая, но не то, не то!..

Совинский спохватился.

— Ты ведь голодная! Ешь, прошу тебя.

ше, длительнее, есть большой мир человека, в который входишь иногда медленно, робко, часто даже недоверчиво, скептически, а то и с презрением, теряешь, бывает, целые годы. Годы, понимаешь? А потом, узнавая, уже не можешь освободиться, и тогда вечна уже не весна — вечна преданность!

Совинский испуганно поскрипел креслом. Голос его недоверчиво сломался, когда он спросил:

— Это ты... Могла бы так и обо мне?

— Не имеет значения. Ты же любишь эту формулу. Спросил, чем заполнены мои годы, я отвечаю... Может, и не о тебе. Может, обо всех. Может, это примета любви двадцатого века. Преданность! Как у Анны Карениной! Только там была трагедия. Она с открытым сердцем, с преданностью, а к ней все — с камнями равнодушия и себялюбия. Рано она родилась. Не было тогда еще людей для такой любви. Ромео и Джульетта — тоже не такие. Там каждый только для себя... Если нет мне любви, то и не хочу жить! Самые жестокие себялюбцы в истории. И Пирам и Тисба, и Лейли и Меджнун, и Тристан и Изольда — все!..

— Наверное, ты не совсем справедлива, Анастасия... Все же об этом до сих пор как-то иначе...

— А кто иначе? Профессора литературы? Что они знают? Жуют, журуют, раскладывают по полочкам, классифицируют, убивают все живое, уничтожают самое тайну любви. А что все высшие чувства без великой таинственности? Устраните таинственность — и жизнь станет сплошной тоской. Как таблица умножения или расписание автобусов. Самое странное: людей всегда зачаровывает таинственность, как и женщина, но и ту и другую они любой ценой пытаются раскрыть, подчинить и, следовательно, уничтожить. Но тщетно усилия! Даже ученые, которые ежегодно открывают новые и новые элементарные частицы, беспомощно разводят руками перед неисчерпаемостью материи. Всегда остается что-то неоткрытое и неразгаданное. Тайна продолжает существовать. Не потому ли настоящие ученые какие-то слово бы прибитые, несмелые в обхождении, да-

целый мир, когда и о тебе я ни единого раза... не спросил, не поинтересовался... Наверное, я железный эгоист. Плунуть на меня — вот и все...

— Я же не рассказывала тебе о себе. О других. Может, я еще большая эгоистка...

— Ты не такая. Не можешь быть такой. С твоими мыслями?

— Наверное, слушаешь и думаешь: вот попал на проповедь!

— Мне интересно тебя слушать.

— А если бы я была менее привлекательной? Ведь я тебе нравлюсь? Как нравлюсь всем мужчинам. За мной ухаживают еще с восьмого класса. Когда иду пешком по городу, таксисты предлагают повезти куда угодно и бесплатно. Даже мой редактор, человек сурово-непоколебимый, тайком от самого себя симпатизирует мне, и я бесстыже и нахально эксплуатирую эти симпатии, говоря ему в глаза то, что никто из сотрудников никогда не решится сказать.

— Я слушал бы тебя, какой бы ты ни была.

— Ага! Все-таки меня? А я могу быть только такой, как есть, другая — то уже была бы не я. Как говорят философы: форма сущности, сущность оформления... Но ты говоришь — слушать. Слушают лекторов, докладчиков, учителей. Слушают — это еще не любят. Не кажется ли тебе, что мужчинам больше нравятся женщины глупые? Зачем им ум? Им дай беспечность, легкомысленное отношение к жизни, тогда самый озабоченный мужчина отдохнет душой, нечто вроде молодости снизойдет на него... Ну, я не могу всего...

— Обо всех я не могу сказать, но...

— Ну да, ты серьезный, а серьезные живут долго. Ты будешь выбирать рассудительно, без спешки, солидно...

— Анастасия, ну зачем?

— Ты будешь ходить годами целыми, присматриваться, прислушиваться... А между тем будешь бояться прикоснуться хотя бы к мизинцу девушки.

Совинский не знал, смеется она над ним или провоцирует его на решительность, которую он не отличался никогда. По правде говоря, он

боялся этой красивой и очень умной женщины, никогда не знал, как себя с нею вести, этот вечер мог стать для него и величайшим, может, счастьем, но и позором тоже.

— Может, мы еще выпьем?— дерзко спросила Анастасия.— Ты можешь налить мне шампанского? За что нам выпить? Давай я выключу этот свет. Он действует мне на нервы. Достаточно и того, что с улицы!

Она встала, прошла к выключателю, комната сразу налилась темнотой, хотя потолок светился мертвым отраженным светом уличных люминесцентных ламп. Совинский утонул на дне темноты. Анастасия легко прошлась по комнате, чуть коснулась кресла, в котором сидел Иван, кажется, зацепилась и за его плечо одним лишь пальцем, было и нет, ей хотелось исповедаться во всем, что с нею случилось и не случилось, говорить и не Совинскому, а темноте— только поблескивают глаза, взволнованное тепло излучают невидимые фигуры, прерывистое дыхание, обращаешься то ли к самой себе, то ли к своему добровольному слушателю, то ли ко всему свету.

Иван тоже поднялся, головой доставал до светлого пятна в комнате, казался еще большим, чем был. Воплощение всего мужского.

— Сколько тебе?— неожиданно спросила Анастасия.

— Чего?— не понял Иван.

— Лет.

— Двадцать семь.

Не то Совинский подошел к ней, не то она остановилась рядом, пошатнулась, они коснулись друг друга да так и остались, Иван осторожно поддержал Анастасию, наклонившуюся к его плечу, робко обхватил ее рукой. Полуобъятия. Она спросила насмешливо:

— Что тебя привлекает во мне? Удовольствие?

— Недостижимость,— сказал он тихо.— Настоящая женщина всегда недостижима. А ты настоящая.

— Не боишься ошибиться?

— Нет.

— Можешь меня поцеловать?

Он нагнулся над нею неумело и робко, она вырвалась, отскочила, засмеялась:

— Боже мой! Не так! Совсем же не так!

Иван попытался поймать Анастасию, но она оббежала вокруг него, подскочила с другой стороны, обожгла губами, забила ему дыхание, снова исчезла на миг, а когда появилась вновь, он не дал ей уклониться, сграбастал в объятия, прижал к груди и даже испугался, когда она обмякла, поддалась без сопротивления не то в оцепенении, не то в безразличии. Неуклюжесть и торопливость сближения...

Она оттолкнула Совинского, закрыла лицо руками. Банальный жест. Теперь— еще более банальные слова? Анастасия закусила губу. Ни слова, ни звука, будто умерла.

— Анастасия!

Она молчала. Гнала его от себя молчанием, гнала отсюда, отовсюду, здесь, везде, всегда! Уходи, не возвращайся, не приходи, не вспоминай, забудь! Боже! Что она натворила? Что натворила?

А Иван ничего не мог понять. Такой никогда не поймет, он доверчив, но и слишком углублен в себя. Никогда не научится заглядывать в чужую душу. Он не виноват. Все она! Это все она!

— Анастасия!— Иван в темноте нашел ее руку, но Анастасия выдернула ее, съезжилась на диване, молча молила его: «Уходи же! Уйди отсюда!» А он не понимал, пробовал втиснуться на диван, где ему не было места, бормотал:

— Поверь мне: я не хотел... Напало, как землетрясение. Все должно бы быть совсем не так, я понимаю... А может, так? А, Анастасия? Я... Ты не можешь себе представить... Спасибо тебе!.. Нет, не то... Тут надобно что-то другое... Я не знаю... Ты разрешишь? Я не могу тебя так оставить. Я побуду здесь... На кресле или как.

— Нет,— наконец обрела дар речи Анастасия, испугавшись, что он и в самом деле останется и просидит до утра в кресле, а тогда... Несносно и невыносимо!

Он согласился быстро и послушно:

— Ну хорошо. Я уйду... Буду ходить вон там, в сквере, напротив твоего окна, до утра.

— Нет, нет!

— Поеду с тобой в Киев. За тобой. Завтра дам телеграмму Карналю. Попрошусь. Умолю. На любую работу. Лишь бы вернуться. Чтобы быть там, где ты, с тобой.

«Не-ет!»— чуть не закричала она и даже соскочила с дивана, представив все то, о чем сказал Совинский.

— Все равно я приеду,— упрямо повторил он, и тогда она и вправду закричала отчаянно: «Не-ет!»— и с силой стала выталкивать его из номера, так что даже сонная дежурная в конце коридора удивленно вырвалась из дремоты и с любопытством присматривалась, что там делается. Но Анастасия вовремя спохватилась, тихо прошептала Совинскому:

— Не смей! Ничего не смей!— и заперла за ним дверь.

Сразу же и пожалела Совинского, но еще больше жалела себя. Зачем, зачем все? И кто виноват? Сама. Держаться столько лет, а потом поддаться безрассудному чувству. Ухватилась за какое-то случайное слово, брошенное, может, из простой вежливости, сотворила для себя бог знает что, потом ошалело кинулась от моря, перемерила пол-Украины, писала об этой домне, сидела и сидела тут, слезно ждала чего-то, хотела, искала. И вот дождалась, нашла, сломала печать бесстыдства. Какой позор, какое унижение, какое падение! Отомстила, не имея никаких оснований для мести. Изменила, не давая обязательств верности и сама не получив никакого обязательства. Обида, презрение, боль— все навалилось на Анастасию тяжким гнетом, подавляло ее, подминало под себя, и она умирала где-то на самом дне от-

чаяния, стыда и ужаса. Что натворила? Что натворила? Играла со своим лукавством, а теперь оно потускнело и покрылось грязью. Так долго держалась за свою неприступность и холодность, теперь все кончилось, но так ли, как надлежало? Для того ли берегла себя? Велико было ее разочарование, но еще больше раскаяние.

Металась по комнате, свет с улицы больно бил в глаза, попробовала затянуть окно шторами, но тонкая ткань не задерживала света, в комнате стало еще призрачнее и безнадежнее, Анастасия рванула штору, бросила мимоходом взгляд на себя в зеркало. Виднеется что-то в темноте, белое, как мертвец. Она или не она? Какая-то слинявшая, как размокшая газета. Все в ней разбито: ощущение, нервы, душа. Остановилась у окна, незряче смотрела вниз, через улицу, не видела Совинского, ходившего в сквере напротив гостиницы, но зато заметила, как рождался ветер, уловила самые первые его вздохи, проследила за нарастанием ветровой силы, все в ней содрогалось от нетерпения, просило, кричало ветру: «Дуй! Лети! Ломай и смета!» Ветряные оргии, ведьмовские шабаша ветра, чтобы никакого следа, ничего!

Ветер стонал, ломился в оконные стекла, сотрясал дом, гнул деревья, Совинский затерялся в потоках обезумевшего ветра, маленький и беспомощный, гудело, шипело, свистело, выметало и вычищало улицы, рассвету не оставило ничего. Ах, если бы ничего не осталось и в ее сердце! А еще ведь не знала того, что было у Карналя, не могла бы никогда подумать, что под этим ветром он будет ехать от той жадно безжалостной земли, которая поглотила его отца. А если бы знала? Если бы могла угадать? Но не могла, потому что и никто не может. Еще даже не догадывалась, что и сама сорвется за этим ветром нежданно-негаданно. А пока стояла у окна, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в подоконник, остро сузив зрачки, побледневшая и потемневшая в то же время лицом. За окном начиналось людское движение. Уже не только Совинский бессмысленно боролся с ветром в сквере. Молодые матери несли сонных детишек в садики. Ее будущее? Вот здесь она, там Совинский, а между ними такое сонное, теплое, мягонькое? А почему бы и нет? А почему не прошлое? Уже давно могла бы... Но неприкосновенность, невторгаемость... И чем все кончилось! Еще не знала, что предпримет. Просидит весь день, запершись в номере? Взять у дежурной чай. Ни есть, ни думать, спрятать голову под подушку. Так и провести остаток отпуска. С подушкой на голозе в гостиничном номере. Прекрасно! Отскочила от окна, точно отброшенная ветром, снова заметалась по комнате, неожиданно для самой себя стала собирать вещи. Привыкла к поездкам, все делала быстро, умело, четко. Отдала ключ дежурной, поблагодарила.

— Так рано едете?— сонно спросила женщина.

— Далеко добираться. До самого Киеза.

— Ну, не так уж и далеко.

— Ветер сильный. А я машиной.

— Ну, если ветер, тогда так. Против ветра не пойдешь.

С мстительной усмешкой садилась в свои «Жигули», стоявшие в гостиничном дворе... Совинский сторожит ее окно, а она выскочит со двора, и уже никогда он ее не увидит, никогда!

Однако улица шла мимо сквера, мимо Совинского, и он увидел машину, еще и не зная, угадал, что в ней Анастасия, бросился прямо через клумбу с красными каннами, замахал руками, наверное, что-то кричал, но ветер уничтожал его крик, Анастасия нажала на педаль акселератора с такой мстительной силой, что «Жигули» даже подпрыгнули. Все осталось позади, но все ли?

Гнала до самого Киева, не останавливаясь. Слышала, как бился об машину ветер, видела, как по обочинам шоссе деревья так и гнулись до земли, гадала, сколько бедствий причинит стихия, но здравый смысл умер в ней как бы навсегда, кусала губы, шептала, искала в изнеможении слова для жестокости, для бездушности, для боли и крика. Вырваться бы из этого мира, унести туда, где господствуют скорости, превышающие скорость света, где уже целое не всегда больше части, а точка приобретает протяженность, где материя,

Ш Я

— Мальчишка! Я старше тебя на целую тысячу лет!

— Не выдумывай!

— Иногда мне кажется, что я уже была всегда и везде. Метампсихоз. Ты веришь в переселение душ?

— Я же имею дело с точными науками.

— Ну и что? Разве тебе не хочется позерить порой в какую-нибудь чушь? Это дает ощущение необычного и... свободы. Люди живут любовью и трудом. А что объединяет труд и любовь, кроме самого человека? Ведь должно быть что-то вне его. Это что-то— творчество. Мы каждый день повторяем в газетах: творческий подход к жизни. А как это понимать? Что это? С моей точки зрения, это не съедать жизнь, не изживывать ее в примитивном потребительстве, а ежедневно создавать во всем радость, красоту, возвышенность, страсть. Ты веришь в страсть?

— Разве я не живой?

— Сколько я на тебя смотрю, мне всегда кажется, что ты в плену какой-то упрямой порядочности. Может, потому... Но не имею права, да и не надо. О чем я? Страсть? Истинная страсть существует знаешь где? Лишь в грехах. Там она вечно молода. Во всех иных случаях становится со временем пародией на живое чувство. Так о чем мы с тобой говорили? О твоей молодости? Давай выпьем за нее! За все твое!

— Ты— за мое, я— за твое. Давай за наше...

Грешница? А что такое грех? И что такое счастье? Где межа? Где рубикон? Все рубиконы легче всего переходить, когда они замерзают. Или высыхают. Хотя высохшего уже и переходить не стоит.

Анастасия выпила все до дна, вино непривычно ударило ей в голову, но она не испугалась, а обрадовалась: размыть все межи, залить рубежи, потопить разграничные знаки осторожности. Понимала, что пьянеет, но сознание работало четко, хотя где-то из-за его далекого края кричало что-то темное и отчаянное этому несмелому человеку: «Возьми меня! Возьми! Чего же ты ждешь? Добей меня! Хочу умереть! Не хочу ничего больше!..»

сконденсировавшись в нематериальную тяжесть, самоуничтожается, кончает самоубийством... Нет, жить! Побороть душевное изнеможение, очиститься, обновиться и жить, иначе зачем бы и куда она убегала? Женщина обновляется, как луна, она очищается любовью, может, в этом ее спасение? А мужчина не загрязняется, не очищается, сплошная неопределенность. Она оказалась распытой между неуверенностью и неопределенностью, должна была казниться этим, может, еще сильнее, чем своим бессмысленным грехом, своей изменой неведомо кому.

Опять не знала того, что въезжает в Киев почти одновременно с Карналем, только по другой дороге. Могла бы даже встретиться с «Жигулями», в которых он ехал, но что из того?

Дома было одиноко и тяжело. Привычные вещи отпугивали ее так же, как мерзость гостиничного номера. Хотела напомнить им о себе, дать им свою душу, но они холодно отталкивали ее пугливые попытки. Пошла в кафе на Крещатике, но съесть почти ничего не смогла, взяла в гастрономе булочку и бутылку кефира, заперлась, упала на тахту и, кажется, заснула, потому что когда открыла глаза, было уже темно. Зажгла свет, долго что-то обдумывала, даже не поинтересовалась, который час, украдкой подошла к телефону и быстро, точно боялась обжечься, набрала номер. Долго не отвечали, потом послышался женский голос. Анастасия тихо положила трубку.

Еще побродила по квартире, выпила кефир, пожевала булку, снова набрала номер и снова услышала женский голос. Была упорной в своих домоганиях. Все так же украдкой, но упорно набрала номер в третий раз, и тогда с той стороны провода отозвался наконец он, Карналь. Анастасия молча держала трубку, не дышала, ждала, услышала его голос еще раз, теперь раздраженный и злой, а потом зазвучали короткие гудки разъединения, а она продолжала держать трубку, мучительно кривила губы в попытке улыбнуться и молча плакала, не вытирая слез. Почему не пришел на те желтые приморские камни, и на те серые, и на красные, и на белые камни? Почему не пришел? Почему?

* * *

Кое-кто считает, будто женщины стоят на стороне хаоса, неупорядоченности, слепых стихий и страстей. Но часто их утомляет это извечное предназначение, и тогда они жаждут покоя, который могут найти только в точности, строгой ограниченности истинных мыслителей и созидателей жизни. Счастливы те из них, которые поймут это своевременно, всем остальным суждено искать, не находя, желать, не ведая чего. Между разумом и природой всегда маячат призраки, которые скрывают от человека истину, и многие блуждают среди теней случайностей, неспособные пробиться к истинному свету.

До того непостижимого душевного потрясения на море, толкнувшего Анастасию на край бездны отчаяния, она еще не осознавала до конца чувства, которое давно уже вгнездилось в ее сердце и со сладкой хищностью терзало его, выжидая своего часа, чтобы вырваться наружу огнем дикого желания. Теперь казалось, будто с тех пор, как она впервые увидела Карналя, встречала его и думала о нем чуть ли не каждый день и безмерно удивлялась, что до сих пор не замечала этого в себе, не примечала, пока... Ну и что? Чем все это кончилось? Кто знает о ее истинном чувстве, если и сама она еще две недели тому назад ничего не знала? А теперь, после позора и грязи в Кривом Роге? Уже никогда не будет она невинной и чистой. Когда услышала будера в телефон его далекий усталый голос, чуть не крикнула отчаянно и безнадежно. Жизнь бы всю отдала за один лишь миг понимания того, что у него на душе. Исповедалась бы перед ним во всем и готова была ждать слова сочувствия, может, месяц, может, год и десять лет даже,—ведь от такого человека было чего ждать! Но что она ему и кто? Связь ничего с ничем. Хотела слепых пожаров в надежде на обновление после них, будто зеленых отав, какие вырастают после «косца», идущего по сухой траве. И что же получила?

Плакала всю ночь. Никогда не знала чувства меры ни в смехе, ни в слезах. Да и кто из женщин их знает? Со слезами как бы вытекала из нее жизнь. Не вытекла! Утром встрепену-

лась, долго стояла под душем, меняя воду с горячей на холодную, терла свое упругое тело до скрипа, хотела отбросить тяжелые мысли о своем осквернении, хотела чистоты и спасения. Спаси меня, выхвати из отчаяния, выхвати!

Затем села к зеркалу, закусив губу, стала накладывать косметику на лицо, наводить порядок в прическе, прятать следы слепой бури, налетевшей на нее, хотела появиться на улицах Киева еще красивее, чем когда-либо, пройти по ним, как их извечная принадлежность, неся в своей горячей крови даже сами названия тех улиц, которые неведомо когда и как очутились там, кружа в крови вместе со всеми дьяволами соблазна, желаний и ненасытности: Рогнединская, Владимиро-Лыбедьская, Предславинская, Владимирская, Крещатик...

Оделась так же заботливо, как наложив косметику. Вспомнила, что забыла даже про кефир, пренебрежительно махнула рукой. Истинной женщине полезно поголодать до обеда, а то и целый день. Главное — быть молодой и красивой. А она молода и красива!

Пошла вниз, на Крещатик. «Махну в редакцию!» решила, держа путь к станции метро. — Рано так рано. Какая разница?»

Людей было много только на станции «Крещатик», а до «Большевика» в вагоне не осталось никого, на перрон вышло из поезда тоже немного, помахивая слегка сумочкой, Анастасия дошла до комбината печати, в просторном вестибюле не встретила ни одного знакомого, — в такое время все работают или еще не пришли на работу, готовясь к вечерним дежурствам, в коридорах своей редакции, к счастью, тоже никого не повстречала, так что избежала ненужных расспросов и допросов, ей везло сегодня прямо-таки катастрофически: в приемной не было даже секретарши. Анастасия быстренько прошмыгнула к дверям редакторского кабинета, не стуча, нажала на дверь, вошла в кабинет, огляделась. Редактор сидел на своем обычном месте, немного расстрепанный, с перекошенным галстуком, в доловное поношенном костюме, далекий от элегантности, зато весь заполненный чтением. Подняв голову и увидев Анастасию, он не поверил собственным глазам.

— Что это такое? — спросил хрипло и не совсем дружелюбно.

— Я, — ответила, играя голосом, Анастасия. Она знала, что за эту игривость редактор готов был ее убить, но всегда полагалась на его интеллигентность.

— Какое вы имели право?

— Войти? Но ведь там никого.

— Не придуривайтесь, Анастасия! Вы прекрасно знаете, о чем я... — Редактор отчаянно дернул галстук. О слабодушном можно было бы подумать, что хочет повеситься. Но их редактор не относился к кандидатам в добровольные самоубийцы. — Я спрашиваю, какое вы имели право прервать свой отпуск? Вы знаете, что такое отдых?

— Особенно для советского журналиста? Конечно же, знаю. Чтобы потом с новыми силами, не покладая рук, самоотверженно...

— Прекрасно зная, что я не терплю свинцовых слов, вы намеренно... — Он встал, пожал руку Анастасии. — Пожалуйста, садитесь.

— А если я немного постою перед вами?

Редактор посмотрел на нее еще более грозно.

— Позвольте у вас спросить: вы сегодня заглядывали в зеркало?

— А что — я растрепана, небрана, некрасива?

— Гм... Это, конечно, не имеет отношения к работе... Но... у вас что — свадьба? Необычная любовь? Что-то чрезвычайное? Я никогда вас такую не видел. Вас просто опасно было пускать в редакцию!

— Вообразите себе: ничего! Ни первого, ни второго, ни третьего!... Зато я привезла материал... С переднего края. Криворожская домна номер девять... Снимки, очерк, даже записи бесед с десятками людей...

Анастасия села, начала копаться в сумочке. Редактор пробежался по кабинету, спохватившись, что ему это не к лицу, сел на свое место.

— Домна? Это прекрасно. Передний край пятилетки — это так... Но ведь не за счет же отпуска... Вы должны беречь себя...

— От чего?

— Ну, я там знаю? Так говорится...

— А для чего?

— Хотя бы для редакции. Для работы! Для жизни! Вы знаете, что такое жизнь? Вот! — Он подвинул к ней еще мокрый отпечаток газетной страницы. Четвертая полоса. Спорт. Природа. Всякая мелочь. Театры. Объявления. Внизу — несколько траурных четырехугольников. Коллектив такой-то и такой-то выражает соболезнование такому-то и такому-то имярек по поводу преждевременной...

— Преждевременная? — попыталась пошутить Анастасия. Потому что когда погиб отец, тогда в газетах ничего не было. Принадлежал иному миру. Суровому, мужественному, где не надеются ни на послабления, ни на сочувствия.

— Memento mori! — неожиданно заговорил латынью редактор, который никогда не старался выказывать свою ученость, отдавая предпочтение ярко выраженному проявлению своего напряженного думания. — Умер человек, правда, уже и немолодой, за восемьдесят, но что это за человек, чей он отец, вы знаете?

— Не имею никакого представления.

— Отец академика Карналя.

— Что-о? — Вся в содроганиях, почти видимых, Анастасия схватилась за влажный отпечаток, который перед тем небрежно отодвинула от себя, беспомощно водила пальцами, ощущая, как слепая, все те траурные рамки, пачкая руки невысохшей типографской краской, испуганно вчитывалась в строчки непонятные... «Петру Андреевичу Карналю... По поводу преждевременной... его отца Андрея Корнеевича... Глубокое... Академия наук... Министерство... Министерство... Министерство... Госплан... Комитет по науке и технике... Научно-производственный... Институт кибернетики... Университет...»

— Правда! Все правда! Боже!

Смяла отпечаток, вскочила. Бежать! Что-то делать! Редактор кричал вслед:

— Куда вы? Моя правка! Что это такое, наконец?

Она не слыхала ничего, выбежала в приемную, в коридор, только тогда вспомнила, что у нее в руке, вернулась, положила измятую полосу редактору на стол.

— Простите... Я не знала... Где тут есть телефон?

— Телефон? — Редактор отодвинулся на край стола вместе со стулом. — Да вы что? Вот телефон. Что с вами?

А она уже снова бежала из кабинета. Не здесь! Не отсюда! Кто-то встретил ее в коридоре.

— Анастасия? Какими ветрами?

— Телефон? Где тут есть телефон?

— Шутить? Такое спрашиваете! Да в каждой комнате!

А она бежала и оттуда. Не там, не там! Без свидетелей, не из этого казенного помещения, одинаково равнодушного и к величайшим радостям и к тягчайшему горю. Уже была на улице, искала что-то взглядом, сама не знала, что. Желто-красные будки телефонов-автоматов, выстроенные целой батареей. Грязные, ободранные, затоптанный пол, захватанные шеи трубок... Нет, нет, только не здесь! Побежала в метро. Страшный холод пронзил ее на эскалаторе. Спускалась в подземелье, нечто могильное. Лихорадочное. Невыносимо. Захотелось выбраться назад, под ласковое сияние осеннего дня. Но превозмогла себя: села в вагон. Еще не знала, куда едет, но хотела убежать как можно дальше от места, где узнала о том. Не смерть старого человека, которого не знала никогда, не соприкасалась с ним никакими чувствами, поразила ее. Может, и горе Карналя еще не стало для нее понятным и ощутимым. Ужаснулась за себя. В то время, когда он, может, летел к умирающему отцу и последний раз держал его руку, когда... Она в своей заносчивой самовлюбленности бездумно поддалась темному неистовству мелочного возмущения и что же натворила! Растопанная, избитая, как дорога, как битый шлях, и растоптала саму себя, и когда же, в какое время! Ужас! Считала тогда, что это и есть отчаяние и безнадежность, а еще не знала, какое на самом деле бывает отчаяние и какая безнадежность существует на свете...

Авторизованный перевод с украинского
Изиды НОВОСЕЛЦЕВОЙ.

Продолжение следует.

БИТВА И СОЗИДАНИЕ

За героями книг Анатолия Медникова — будь то роман, повесть или очерк — следуешь с полным доверием. Писатель, уважая факт со страстью признанного документалиста, повествует только о том, что известно ему досконально, над чем размышлял долгие годы, что так или иначе стало частью его личной судьбы. Две книги: «Свет московских окон» и «В первой шеренге» — новое тому свидетельство. В этих книгах присутствуют обе линии, определившие творчество Анатолия Медникова: созидание и война.

«Метель» и «Семнадцать дней», вошедшие в книгу «В первой шеренге», — повести о войне.

Студент Литературного института Анатолий Медников шагнул в войну двадцать шестого июня сорок первого года. Вместе с ним по улицам встреченной Москвы маршировали бойцы-добровольцы истребительного батальона Сергей Наровчатов, Михаил Луконин, Сергей Сергеевич Смирнов, Георгий Ломидзе, Борис Лепский, Федор Траубе... «Сейчас это имена живых и мертвых... И вряд ли кто-либо в то утро, глядя на раскрасневшиеся лица, на прожженные гимнастерки, на грязные, в копоти и пыли руки солдат, взялся бы предугадать: кто же из этих коротко стриженных ребят станет со временем видным поэтом, прозаиком, драматургом, доктором наук, лауреатом Ленинской премии?» — напишет много лет спустя Медников. Ему посчастливилось, он выжил, пройдя через ад артобстрелов и бомбежек, муки госпиталей, изнурительную военную бессонницу, и закончил войну на улицах Берлина. Тема человека на войне, когда «опасность... сама испытывает характеры», пробует на прочность все святое, что заложено в нас, станет отныне одной из главных тем творчества Медникова.

Второй лейтмотив творчества Медникова как бы вырастает из первого, утверждая вопреки ужасам войны, не разрушительное, а созидательное, творческое начало в человеке. Большая часть документальных книг Медникова посвящена рабочим профессиям: станкам, шахтерам, строителям. «Свет московских окон» и повесть «Гвардии строители», включенная в книгу «В первой шеренге», — итог многолетней дружбы писателя с прославленными московскими строителями. Масленников, Копелев, Суровцев. Их судьбы многосложны и привлекательны для документалиста, заложены в них закономерности нашего бытия. «Закономерности! Как увидеть ее в большом и малом, в работе, соревновании, в дружбе строителей? Как почувствовать неотвратимый, поступательный ход, железную поступь главных тенденций жизни?» Писатель не просто следует за своими героями, наблюдая вместе с ними умно и пристально панораму обновляющейся Москвы, — он ищет корни, основу, из которых вырастают новые люди, подобные Копелеву и Масленникову. Поиск то и дело уводит автора «Московских окон» в глубь истории — то к паренюку Михаила Светлова, отдавшему жизнь за «Гренадскую волю», то к отцам нынешних строителей, стоявшим насмерть у окраин Москвы. Преемственность революционной идеи, преемственность поколений. Недаром, заканчивая повествование о серьезных победах московских строителей, Анатолий Медников пишет: «И какими бы прекрасными ни выглядели города в 2000 году, какими бы ни стали сами наши потомки, все же они будут плоть от плоти, кровь от крови тех, кто живет и работает сегодня».

Т. ИЛАТОВСКАЯ

Анатолий Медников. В первой шеренге. М., «Московский рабочий», 1976, 352 стр.

Анатолий Медников. Свет московских окон. М., «Советский писатель», 1976, 320 стр.

НАШЕДШИЙ НЕЗНАКОМКУ

Ирина РАДУНСКАЯ

Сенсация! Итальянский астроном Пиацци сообщил об открытии новой планеты. Разрушает ли он неизбежность Солнечной системы или ошибается?

Пока ученые и обыватели обсуждали этот вопрос, Пиацци следил за незнакомой планетой ночи напролет. Почти полтора месяца он любовался ею, но однажды... Пиацци не нашел свою планету на небосводе. Это не погасило счастья астронома, он был уверен, что, обойдя вокруг Солнца, незнакомка вновь покажет свой лик.

Однако случилось иначе. Планета бесследно исчезла. Шел год 1801-й. Примерно за тринадцать лет до этого нашумевшего события помощник учителя в одной из народных немецких школ попросил учеников просуммировать числа от 1 до 40. Задача несложная, требующая только внимания и некоторого времени. Учитель был поражен, когда бедно одетый застенчивый сын водопроводчика Карл, почти не задумываясь, назвал результат — 820.

Мальчик получил ответ в уме! Учителю Бартельсу еще не исполнилось двадцати лет — впоследствии он стал профессором и в Казани обучал создателя неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевского, — но и в свои юные годы он был незаурядным педагогом. Когда он узнал, как Карл пришел к ответу (а тот просто сгруппировал числа по парам: 1 плюс 40, 2 плюс 39 и так от краев к середине, заметив, что каждая пара дает 41, а таких пар 20), Бартельс понял, что его ученик заслуживает особого внимания. Он начал заниматься с мальчиком отдельно. Добился для него материальной помощи. Сделал все, чтобы дать ему возможность учиться в университете.

Карл не обманул надежд. С 14 лет он начал обгонять своего педагога. Он интересовался тем, чего не знал никто. Его увлекли тайны простых чисел. Его волновала древняя загадка параллельных линий. Действительно ли они нигде не сходятся, как утверждал Евклид?

Едва став студентом университета в Гёттингене, Карл завершает работу, названную невыполнимой со времен Архимеда. Он находит способ построить при помощи циркуля и линейки правильный 17-угольник. Древние научились строить треугольник, квадрат и пятиугольник, а также многоугольники, получающиеся простым удвоением сторон. Пойти дальше не мог никто. Но юный студент не только сделал следующий шаг, но и нашел закон, показывающий, для каких многоугольников это может быть сделано.

Один из профессоров настоял на том, чтоб об этом было напечатано хотя бы краткое сообщение. Его напечатали. Подпись под ним гласила: Гаусс из Брауншвейга, студент математики в Гёттингене.

Еще через год Гаусс нашел новое доказательство основной теоремы алгебры. Опубликование этой работы затянулось на два года, но, когда корректурные листы попали в Гельштедтский университет, ее автору — Карлу Фридриху Гауссу — была заочно присуждена докторская степень.

1799 год ознаменовался для Гаусса большим успехом: он стал приват-доцентом университета в родном Брауншвейге. Вскоре он узнал о наблюдениях Пиацци и об исчезновении новой планеты. И он решил отыскать ее.

Уже тогда Гаусс считал главным долгом математика помогать решению задач, возникающих в других областях науки. Он принимается за работу.

Однако традиционные астрономические методы не привели к успеху. Дело в том, что астрономы, хотя и знали со времен Кеплера, что планеты движутся по эллипсам, рассчитывали орбиты планет, как если бы они двигались по окружностям. Не удивительно, что первая практическая проверка традиционных методов на маленькой, с трудом видимой планете привела к неудаче.

Гаусс находит выход из положения: создает метод вычисления эллиптической орбиты всего из трех наблюдений. Ему теперь достаточно знать местонахождение планеты всего в трех точках небосвода, чтобы вычислить, где она была раньше и где будет в следующие периоды времени. Наблюдений Пиацци было достаточно, чтобы Гаусс мог опровергнуть свой метод и определить орбиту исчезнувшей планеты. В декабре того же года она была найдена вновь и оказалась именно там, где предсказывал Гаусс. Незнакомка, за которой охотились астроном и математик, получила имя Церера.

В пору зрелости Гаусс спустился с неба на землю. Ученый создает новую науку — высшую геодезию, — задача которой в установлении действительной, а не упрощенной формы поверхности Земли. Методы и результаты, полученные им сто пятьдесят лет назад, сохранили свое значение и поныне.

По окончании цикла геодезических исследований Гаусс занялся электричеством и магнетизмом. Он основывает магнитную обсерваторию для наблюдения магнитного поля Земли, создает теорию земного магнетизма и со свойственным ему практицизмом не забывает о создании нескольких приборов, помогающих при магнитных измерениях.

Работы Гаусса — в области электричества и магнетизма, фундаментальный вклад в оптику и теорию капиллярных явлений, в механику — являются серьезным словом в теоретической физике. Не менее значительны его практические достижения.

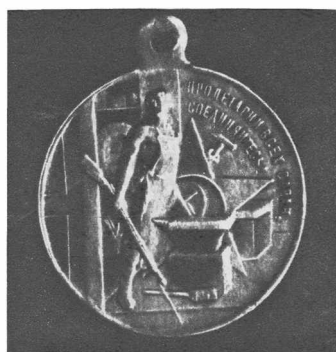
Особое место занимает созданная Гауссом единая система мер и весов. Ученый гордился тем, что устранил неразбериху в научных исследованиях, существовавшую из-за того, что одни мерили длину в дюймах, другие — вершками, третьи — локтями. То же происходило при измерениях времени, массы, веса. Гаусс положил этому конец.

Потомки ценят Гаусса не только за его научный вклад в прогресс, но и за моральную чистоту, за крайне высокую требовательность к себе. На его печати был выгравирован девиз: «Немного, но зрелое».

Следуя этому девизу, Гаусс публиковал далеко не все свои работы. Когда его труды были посмертно обнаружены полностью, их оказалось 11 томов. Среди не опубликованных при жизни работ Гаусса остался вывод о возможности создания неевклидовой геометрии. Гаусс опасался, что его идея не будет понята, он прекратил работу в этом направлении. Но когда он узнал о работах Н. И. Лобачевского, создавшего первую неевклидову геометрию, он отнесся к ним с большим вниманием. Именно Гаусс стал инициатором избрания Лобачевского членом-корреспондентом Гёттингенского научного общества.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Еще полыхал огонь гражданской войны, один за другим отразались натиски интервентов, не прекращалась борьба с сыпным тифом, голодом и холерой, но, полная веры в свое великое будущее, молодая Советская республика готовилась встретить свою первую годовщину.

И вот наступил незабываемый день! Тысячи свободных советских людей заполнили улицы и площади Петрограда, Москвы и многих других городов и сел. Грудь демонстрантов по традиции украшали алые банты, а под ними можно было видеть золотистые жетоны с изображением вождя Октябрьской революции и основателя Советского государства В. И. Ленина, выбитые в память первой годовщины Октября. Жетоны эти были выпущены с разными надписями на оборотной стороне: «В память 1-й годовщины», «Да здравствует свобода великого трудового народа». К сожалению, до сих пор не установлено место изготовления жетонов, имя гравера. Возможно, имеются и другие варианты жетонов.

В заполнении этих пробелов мы надеемся на помощь читателей. Может быть, найдутся люди, которые имеют сведения или документы о выпуске этих интереснейших исторических памятников первого героического года Великой Октябрьской социалистической революции.

Зато хорошо известна судьба медали, выпущенной ко второй годовщине Октября.

Автор ее — старейший медальер Монетного двора Д. К. Степанов. Сам штемпель был изготовлен в 1919 году, а медаль смогла отчеканить только после пуска Медально-аффинажного завода (тогдашнее название Монетного двора) в 1921 году.

И вот первый медальный советский чекан. В. И. Ленин изображен рядом с К. Марксом; над ними надпись: «Карл Маркс, Владимир Ленин». По окружности: «Российская Социалистическая Федеративная Республика». На оборотной стороне медали аллегорическое изображение свободного труда, увенчанное историческим призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Медаль чеканилась в серебре и бронзе. По некоторым сведениям, она была выбита в 350 экземплярах.

Третья годовщина Октября тоже была отмечена памятной медалью. На лицевой стороне изображен рабочий с винтовой в правой руке; левой, держащей молот, он обнимает вершину пятиконечной звезды. Автор медали — главный медальер ленинградского Монетного двора А. Ф. Васютинский.

Эти миниатюрные памятники революционной эпохи — немые свидетели первых лет нашего государства.

А. НАУМОВ

ЗЕМЛЯ, ГДЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Андрис ВЕЯН,
главный редактор
журнала «Карогс»

Откуда начинается моя Латвия? К нам можно прилететь самолетом, приплыть на корабле, приехать на автомобиле, а из Москвы еще и поездом. На рассвете в окно вагона вы увидите типичный латвийский пейзаж. Приветливо светится озеро Исталсна. Белеют колхозные постройки. Тракторист остановился в борозде. А на зеленой мураве двора опирается на палку старик с приподнятой в приветствии шляпой. Дежурная по станции Лудза, в фуражке с красным околышем, весело подбочивается:

— Наш город желает вам доброго утра! Добро пожаловать в Советскую Латвию!

Латгалия. Моя родная сторона. В годы буржуазной Латвии я видел, как уходили в батраки и землекопы десятки и сотни здешних обитателей. Теперь, окончив школы и институты, здесь работают учителя и инженеры, агрономы и врачи. Кто долго не был в этих краях, не узнает троп своего детства. Социализм в корне изменил жизнь «заколдованной принцессы», воспитанной Яном Райнисом, нашим первым народным поэтом.

Если же вы едете со стороны Литвы, то вот они, зеленые равнины Земгале, порой похожие на украинские степи. Новая Елгава. Много молодежи. Это студенты Латвийской сельскохозяйственной академии, им предстоит возделывать поля Латвии. Курземе — суровое, насквозь просоленное дыханием Балтики море. Помните Оскара Кляву из «Сына рыбака»? В День рыбака приезжайте к его наследникам, к тем, кому море служит нивой, а сети и судно — плугом и комбайном. Незабываемое зрелище!

В залив входят расцвеченные суда, а волны моря напоминают валки убранный ржи где-нибудь под Лудзой или Елгавой. Подобно маковым соцветиям — ракеты в небе. И звучит слово — о тех, кто в море, о труде людей, день и ночь несущих вахту вдалеке от дома (и отдаленно не напоминающего лачугу Оскара Клявы!), от жен и детей, от своих невест. На их лицах не загар дачников; они потемнели от ветра и ледяных брызг. Рыбачьи корабли сейчас несравненно лучше, надежнее и прочнее, чем просмоленные лодки, на которых отцы наши шли в плавание. Это так, но море останется морем не только со своей красотой, но и со своими опасностями.

Если вы едете с Севера — из Ленинграда, Пскова или Тарту, вы прежде всего встретитесь с Видземем. Синяя дымка стелется над излучинами Гауи, над дальними лесами. В Валке вам расскажут, как во времена буржуазной власти у пограничной канавы, искусственно отделившей латвийскую Валку от эстонской Валги, недобро смотрели друг на друга стражники двух государств. Сейчас можно и посмеяться над этими ушедшими в небытие временами. Идут и едут сегодня люди из республики в республику. Соседи — к соседям, братья — к братьям. Живут хорошо и дружно.

...Но по какому бы пути вы ни ехали, вам не миновать столицы республики — Риги. Даугава каждое утро приносит сюда привет с высот Валдая и льняных полей Белоруссии. Каждый день город провожает в дальний путь наши суда и встречает теплоходы, несущие на своих мачтах флаги многих стран мира.

Рига — наш дом. Рига — центр экономической и культурной жизни Латвии. Рига — наша школа.

У каждого из нас есть своя деревня, свой район, своя округа. Рига же объединила всех.

Рижские башни с петушками на шпильях овеяны историей. Они помнят сполохи революции 1905 года и стихи Райниса. Вслушайтесь — это гулкие шаги красных латышских стрелков, напоминающие об Октябре и Ленине, о стремительных первых месяцах на заре Советской Латвии.

Труд и борьба создали прекрасный город на Даугаве...

Изумительны парки Риги. Вся Рига — огромный тысячелетний коврик цветов. А в центре города — памятник В. И. Ленину; у подножия его никогда не увядают цветы.

Далеко разносятся звуки органа Домского собора. Гремит по стране и за ее рубежами слава ВЭФа, Рижского вагоностроительного завода. На эти предприятия равняются новые заводы и фабрики в Лиепаяе, Резекне, Валмиере, Огре... Лучшие из лучших среди них награждены Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Это Рижская база тралового флота, кондитерская фабрика «Лайма», колхоз «Красный Октябрь», производственное швейное объединение «Ригас апгербс», Латвийская сельскохозяйственная академия... Достойный труд увенчан высоким признанием, и это признание пришло в год 60-летия Великого Октября. И мне кажется исполненным особого смысла то обстоятельство, что шестидесятому, юбилейному году предшествовал год XXV съезда нашей партии.

Я мог бы приводить цифры и факты роста экономики нашей республики, идущей в крепком содружестве всех советских республик к празднику, к 60-летию Октября. Наверное, в каждом доме готовятся к юбилею, и мы у себя в Латвии не отстанем от сестер-республик, готовим свои трудовые, творческие подарки. На недавнем собрании республиканского партийного актива было сказано о том, что досрочно завершены плановые задания на важнейших стройках республики. Я радуюсь успеху тружеников наших полей, строев, заводов...

Окидываю путь, пройденный республикой за десять лет после славной 50-летней годовщины Октября, и всюду вижу приметы этого десятилетия. Вентспилский припортовый завод, Рижская ТЭЦ-2, производственное объединение «Олайнфарм», Рижская ГЭС, которой присвоено имя 50-летия СССР. Дизельный поезд, микроавтобус «Латвия», новые модели дизелей и дизель-генераторов, сельскохозяйственные машины, радиоприемники, текстиль, мебель... Хорошо идут дела на строительстве Слокского целлюлозно-бумажного комбината. Не скрою: мне, литератору, этот факт приятен — будет больше бумаги, возрастут тиражи поэтических книг, прозы. Ведь наша республика — край, где расцветает искусство. Я помню слет народных театров в Алуksне, когда у живописного озера было показано представление «Вей, ветерок!». На волнах покачивались лодки, как острова света; чудесные мелодии проникали в сердца слушателей. В этом году мы отмечаем 100-летие со дня рождения большого мастера нашей литературы, Героя Социалистического Труда, народного писателя Андрея Упита. Это — событие во всей советской литературной жизни.

Каждый год выходит в Латвии немало книг, в которых — эхо человеческих сердец. Но мы бы хотели, чтобы их было еще больше. Вот сейчас на пути к читателю новая книга. Она о людях, которые живут рядом с нами. На груди у этих людей разные награды, но одна из них объединила всех героев сборника. Это орден Октябрьской Революции.

Юрис Бурвис — председатель колхоза «Друва», фигура колоритная, руководитель умный, предприимчивый, занозистый. Вот Константин Хвостовой — председатель колхоза «Марупе»; надо добавить, что рассказывал о нем украинский поэт и публицист Виталий Коротич. Он с жаром спорит и задумчиво беседует со своим земляком, пустившим прочные корни на прибалтийской зем-

ле. У писателя нет недостатка во впечатлениях: «Мы идем по территории «Марупе», и я пытаюсь представить себе здешнее дерево, окруженное пчелами и цветами, жизнь которого должна быть понятна человеку, приехавшему из другого места, взявшему на себя ответственность за его судьбу, как и за судьбу других людей, домов и дорог, за все происходящее». Сходятся пути и дали. Сходятся судьбы людей. Сходятся профессии.

Читая очерк о режиссере Алфреде Янушане, вдруг вспоминаешь Хвостового, — это чуткий театральный зритель; вспоминаешь и о том, что в «Марупе» подписали договор о сотрудничестве с Академическим театром драмы имени Андрея Упита, и о том, что колхозники активно участвуют в обсуждении постановок. И еще есть сходство, пожалуй, самое главное, между председателем колхоза и народным артистом: оба они безраздельно отдают себя своему делу. А разве жизнь Лиги Эглите с завода дренажных труб в Лоде не отдана своему дому, своему делу? Она росла вместе с теми, кто возводил эту фабрику. Когда память воскрешает картины прошлого, я вижу белокурую девушку и ясное небо над Лиепасциемом и завод в лесах. Укладчица труб иногда похожа на волшебницу из сказки. Хочу вспомнить еще одного человека — академика Соломона Гиллера. Безвременно скончавшийся ученый живет среди нас, живет в советской науке.

Жизнь, наука, литература. Теснейшим образом сомкнулись они в социалистическом обществе. Удивительно ли, что очерк Ингриды Киршенале об Анне Саксе дал имя всему сборнику очерков и напоминает читателям: «Любите землю, где яблони цветут».

Человек наш — подлинный создатель, первопроходец десятой пятилетки — гордость Советской Латвии. Республика с честью выполняет решения XXV съезда ленинской партии. И шестидесятая годовщина Великого Октября, как путеводная звезда, освещает наши дороги у Лудзы и Лиепая, у Валки и Вентспилса, ведет к стройкам нашей Риги.

Весенние порывы ветра вздымают волны Даугавы. А когда в Латвию вступит солнечное лето, труженики соберутся в столице республики на Праздник песни. И эстраду в Межапарке расцветят все цвета радуги.

И все — гости издалека и близкие друзья, — услышав в песне гимн великим нашим достижениям, зашагают вместе с нами, в единой братской семье, по дорогам моей республики, моей страны...

К. БАРИКИН,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Огонек» продолжает путешествие по советским республикам. Сегодня — Латвия. Динамично развивается промышленность республики. Только за прошлый год здесь изготовлено и реализовано на 104,5 миллиона рублей сверхплановых изделий. Добрых слов заслужили и труженики сельского хозяйства. Десять лет назад мы рассказывали о том, что и как делается в республике для выпуска товаров народного потребления, как ведется торговое дело, над чем работают модельеры... А сейчас! Как выполняется постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии в 1976—1980 годах производства товаров массового спроса и о мерах по повышению их качества!

В заводской многотиражке Огрского трикотажного комбината прочел: «В 1976 году свой цех прославили вязальщицы Л. Аболиня, А. Шамшура, С. Гургана, М. Красовская...»

Не та ли это Красовская, портрет которой встречает входящих на комбинат? Ну, конечно, она, инициатор почина «Пятилетку эффективности и качества за три года».

Спрашиваю заместителя директора комбината Бируте Яновну Дзене: благодаря чему можно так опередить план? Дзене приглашает в двенадцатый цех, где работает Красовская: дескать, сами посмотрите, как она справляется со своим делом.

Цех огромен, светел и шумен — ткацкое дело, увы, еще не стало тихим. Снуют тележки с готовым полотном, с пряжей — ослепительно яркой, породнившейся с радугой. Созвучные моде расцветки: фиолетовая, жемчужная, коралловая... Марта Красовская и ее подруги обращают эту разноцветье во вполне осязаемые трикотажные полотна.

Огрский комбинат под Ригой — одно из крупнейших в стране трикотажных предприятий. С ним могут сравниться только Пинский и Курский — точно такие же. Не случайно же соревнуются их коллективы. Недавно латвийские трикотажники ездили в Пинск, куда прибыли и куряне: вместе подводили итоги первого года пятилетки. Определили, что в социалистическом соревновании первенство сейчас у коллектива Огрского трикотажного комбината. Об этом я узнал здесь, в Огре, но здесь же мне сказали, что работники Пинского комбината с самого начала 1977 года взяли очень хороший темп, а поэтому... Поэтому надо работать еще лучше!

Есть на комбинате такая должность — заместитель директора по качеству. Дань времени

или необходимость? Присмотревшись, понял: не дань, а требование времени! Есть тут и целый отдел — заботы сотрудников его определены одним словом: «качество». Они анализируют огрехи, присматриваются к лучшим приемам работы и делают их достоянием коллектива.

Вот цифры — динамика их весьма выразительна. В 1973 году предприятие выпускало три модели изделий со Знаком качества, в 1975-м — тринадцать, в 1976-м — двадцать четыре. А в году нынешнем уже будет пятьдесят две модели.

Через призму этих фактов я и воспринимал беседу с Красовской. Но в какой-то момент детали разговора словно бы отошли на второй план, заслонились отчетливым ощущением: я говорю с хозяйкой. С хозяйкой этих станков, этого цеха, этого предприятия, не просто с мастером, именно с хозяйкой — своего дела, своего слова. И тогда понял, что строки ее обязательства выверены в каждой своей малой логике. Это же сказал мне и старший мастер участка В. Дзирнупс.

— Ее умение и мастерство подкреплены серьезностью. Когда Марта подходит к своим станкам, обо всем остальном забывает. У нее каждая минута на рабочем учете.

Рядом с ней идут и другие работники. Кое-кто даже обгоняет Красовскую. В этом-то и сила ее почина. Последователи Красовской трудятся отлично. Прежде всего это Расма Кублицка, Валентина Прикуле, Валентина Сорокина.

У этого совета очень точное наименование — междуведомственный. Он соединяет усилия торговли и промышленности, координирует их, помогает — не вообще, не абстрактными советами, а конкретными повседневными рекомендациями, — как улучшить ведение дела. Действия совета преследуют одну цель — максимально удовлетворить запросы покупателя. Мне известно немало подобных организаций, работают они не только в Риге, но похоже, что именно тут, в Латвии, найдена наиболее эффективная форма такой деятельности. И не в последнюю очередь потому, что возглавляет совет первый заместитель председателя Госплана республики; ведь этой организации лучше другой известны и возможности промышленности и заказы торговли.

Об этом я и говорю с Элртом Вольдемаровичем Аболиньшем, председателем совета, энергичным человеком, специалистом высокого класса. Он не пренебрегает опытом и интуицией практиков, но прежде всего готов прибегнуть к услугам и науки — и делает это. Собственно, вся работа совета основана на современных научных данных, на использовании новейшей техники. Прямой провод связывает кабинет первого заместителя председателя Госплана с крупным информационным центром, с автоматизированным Банком данных, который может ответить на многие сложные запросы.

— Выявление покупательского спроса — дело многообразное и требует такого же многообразия в работе, — рассказывает Э. Аболиньш. — Не первый год уже ведутся исследования, базирующиеся на весьма авторитетных данных. Откуда они? Республиканский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института конъюнктуры и спроса держит в орбите своего внимания четыре тысячи семей — типовых, так сказать, покупателей. К ним часто обращаются: что купили и почему? Нравится — не нравится? Что намерено приобрести? На основе таких обследований создана потребительская панель, охватывающая широкий диапазон сведений. Такого рода исследования мы начали первыми в стране, и уже можем сказать, что они дают хороший результат...

Госплану с руки координация взаимоотношений между торговлей и промышленностью и (в какой-то мере) покупателями. Практика сложившихся отношений поддается четкому анализу.

Недавно стали исследовать такой конкретный предмет: изделия из трикотажа. Когда разобрались в «мотивах предпочтения» той или иной вещи, оказалось, что сейчас гардероб населения достиг такого уровня, который с любой точки зрения достаточен. Покупка «на замену» — самый капризный вид покупки, когда приобретается не вообще вещь, а только самого высокого качества, определенного фасона, расцветки. Даже способ вязки имеет значение. Значит, резко повышается требования к качеству. Но есть еще один ре-

зультат — вырисовывается модель ассортимента, которую можно рекомендовать промышленности.

...Формы и методы работы Межведомственного совета различны. Масштабные исследования и микроанализы, опросы, проверка исполнения. Не последнюю роль играет связь с промышленными предприятиями и ведомствами. Во время одного из опросов — по стиральным машинам — были собраны замечания владельцев таких машин.

Опрос по мебели позволил определить структуру ожидаемого спроса, требования покупателей. С мебелью в республике разбирались основательно. И помогла в этом торговля. Каждый рижанин знает несколько мебельных магазинов в центре города. Признаться, теснота в них. Разве можно показать несколько гарнитуров, да еще отдельные столы, полки, серванты в небольшом торговом зале?

Проще всего было бы подождать, когда наконец построят просторный дом мебели, откроют салоны, когда... Но это не в характере рижан: они ищут. В Иманте, районе массового жилищного строительства, увидел я плакат-приглашение зайти в магазин мебели. Но рекламные указатели подвели к обычному жилому дому. Опять теснота? Ведь весь магазин — две обычные квартиры. Трехкомнатная и двухкомнатная. Точно такие, в какие въезжали и въезжают новоселы. Прихожая, кухня, комнаты — все, как у всех. Вот в этом-то и достоинство нового магазина! Можно увидеть, как все эти серванты, стенки, столы и торшеры вписываются в квартиру.

Это как раз тот случай, когда можно говорить о двух зайцах. Во-первых, покупатель видит всю мебель как бы у себя дома. Не надо вымерять шкафы и стенки, прикидывая и рассуждая: а что получится, если это мы поставим у входа? Или у окна? Хотите посмотреть варианты? Пожалуйста, консультанты помогут и в этом. Не торопитесь, выбирайте, присмотритесь как следует...

Остается добавить, что магазин этот фирменный, принадлежит он Министерству деревообрабатывающей промышленности республики, и, знакомя меня с работой магазина-квартиры, сотрудник Центрального проектно-конструкторского технологического бюро министерства Ария Станиславовна Брутане особо подчеркнула: это только начало.

— Надо не только полнее удовлетворять спрос покупателя, но и формировать его. В республике разработаны комплекты так называемой фольклорной мебели, «подсмотренной» в народном быту, а затем преобразованной мастерством дизайнера. Некоторые скептики говорят: такая мебель едва ли найдет покупателя! Проверим — фирменные магазины станут такую мебель получать.

— Значит, вы соперничаете с обычными мебельными магазинами?

— Дело, пожалуй, не в соперничестве, хотя почему бы и не посоревноваться. Давайте сформулируем это так: стремимся к содружеству, от которого выиграет покупатель.

Замечу, что в республике очень доброжелательно относятся к фирменным магазинам. И проиллюстрирую это таким примером.

...Каждую пятницу, в три тридцать дня, в «Лотосе» — смотрины: манекенщицы показывают новинки. Те, что вот-вот сойдут с конвейера, и те, что называют перспективой, — запланированные на близкое и даже отдаленное (если считать мерками стремительной моды) время. Вообще-то говоря, «Лотос» не демонстрационный зал. Это магазин. Один из самых популярных в Риге. Но не просто магазин, а и торговый цех «Ригас апгербс», славного мастерством швейников. Фирменный магазин объединения,

В одном из цехов Огрского трикотажного комбината. * Оформление витрины рижского Центрального универмага ведет художник-декоратор Мара Гулбе. * Ядвига Стендере работает в объединении «Радиотехника».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

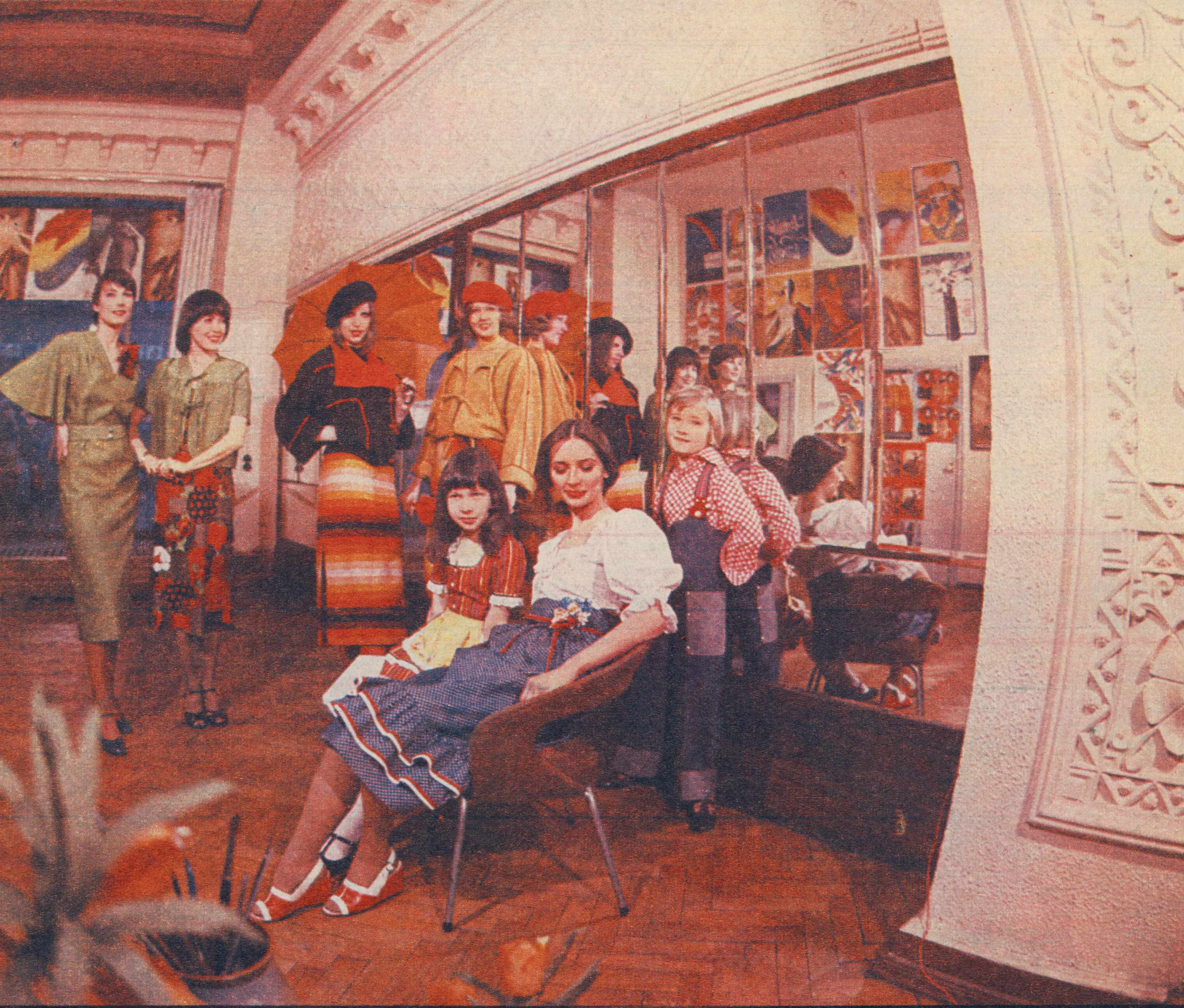
Марта Красовская — одна из лучших вязальщиц Огрского трикотажного комбината. * «Рига Модес» — крупнейший в республике дом быта. * Валентина Лукашенко — главный художник-модельер объединения «Силуэтс».

ФОРМУЛА МАСТЕРСТВА

которое работает добротнo и изобретательно. За один год здесь поставлено на поток 360 новых моделей. 60 видов изделий уже имеют Знак качества. «Ригас апгербс» — это почти всегда модно и, что важно, безукоризненно. Говорят же рижане: стиль «Ригас апгербс». По итогам 1976 года рижские швейники вышли победителями Всесоюзного социалистического соревнования.

В «Лотосе» да и в других латвийских магазинах изделия объединения не залеживаются, несмотря на все возрастающую требовательность покупателя. Этот торговый «цех» ведет своего рода апробацию нового товара, позволяет быстро реагировать на изменения спроса. Отсюда все данные напрямую попадают к руководству объединения. И, трансформируясь, снова возвращаются в магазин — новинками.

...«Лотос» в общем-то небольшой магазин в самом центре Риги. Элегантные торговые залы в два этажа, витрины, сверкающие чистотой (в дождливую погоду тоже). И так не только в «Лотосе». Отмечаю это особо — в назидание руководителям многих магазинов во многих городах и селах страны. Несколько раз утром, за час-полтора до открытия магазинов, я выходил на торговые улицы и всегда видел мойщиков витрин, которые старательно и аккуратно делали свою работу. Торговое дело — не в последнюю очередь — складывается из чистоты. Витрина — одна из них. В прошлый свой приезд в Латвию я останавливался в гостинице «Рига», неподалеку от Центрального универмага. Проходя мимо него, всегда замечал шаг — хороши здешние витрины. Руководитель отдела организации торговли магазина Улдис Ласманис спросил: кто, по моему мнению, точнее всего может оценить витрину?

...Мы-то о популярности витрины, сказал он, узнаем в первую очередь от того, кто поддерживает их в чистоте. Утром приходит стекломой и говорит: третья витрина самая лучшая. Как определил? Очень просто: около нее чаще останавливаются, рассматривают ее, обсуждают, показывают друг другу что-то за стеклом, и в результате по всей витрине отпечатки ладошек и пальцев...

Потолковать о том, что модно, а что уже не носят, готов, пожалуй, всякий. Нет ничего понятнее моды. Идешь мимо окон Дома моделей — заглядешься! Смотришь те же модели в магазине — не всегда уловишь сходство. И при всей демократичности моды оказывается, что она удел избранных? Тех, у кого есть время поехать в ателье, кто может ждать исполнения заказа.

Модная вещь массовой может стать только в том случае, если художник работает в тесном содружестве с текстильщиками и швейным предприятием, — сказали мне в рижском Доме моделей.

Решил проследить весь путь, нередко тернистый, по которому проходит модель — от эскиза до магазинного прилавка. И тут-то впервые услышал термин: «сквозная бригада». О ней мне сказала первый заместитель министра легкой промышленности Л. Марченко, потом упомянули на швейной фирме «Латвия» и, наконец, обстоятельно и дельно растолковала главный инженер Дома моделей М. Скиба. Она сначала заинтересовалась отношением к понятию «элегантность». И когда выяснилось, что особых возражений против элегантной одежды ни у кого из присутствующих нет, предложила: возьмите авторскую модель, а затем изделие с конвейера. И попробуйте разобраться, где, на каком этапе эта самая элегантность теряется.

Исследовать это необходимо, если мы и впрямь хотим добиться выпуска подлинно изящных вещей. И латвийские специалисты легкой промышленности ищут, как ускорить выпуск высококачественных, добротных платьев, пальто, костюмов. «Модель должна быть на прилавке такой, какой задумана и сделана модельером» — справедливое требование. Но чтобы оно не осталось только пожеланием, фразой, в Латвии и начали создавать сквозные бригады. В них входят текстильщики и модельеры, швейники и мастера по изготовлению фурнитуры — стройная цепочка представителей разных профессий и специальностей, причастных к выпуску, скажем, платья. Сейчас сорок изделий выпускается под неусыпным

Рижский Дом моделей приготовил к весне и лету интересную коллекцию одежды. * В магазине «Лотос». * Такие детские мопеды начинают выпускать известный завод «Страуме». * Новоселье! Нет, это один из залов мебельного магазина-квартиры.

оком «сквозных». Кроме прочих достоинств такого вида работы, резко сократился срок, отделяющий первый образец от серии. Авторский надзор осуществляется от изготовления ткани до момента, когда к тому же платью прикрепляют «выпускной» ярлык. Здешные специалисты полагают, что это лучшая форма (не вообще лучшая, а на нынешнем этапе!) организации производства.

Теперь, пожалуй, самое время отправиться в один из неблизких к столице районов Латвии — в Кулдигу. Торговое дело тут отдано в руки потребительской кооперации. Когда-то кем-то обронена сакраментальная фраза о деревенской торговле: «Керосин-бензин-спички-мыло».

— Ну, еще и духи, — улыбается председатель правления райпо А. Рудакова. — Спрос на них столь велик, что пришлось открывать парфюмерный магазин — зайдите в него при случае.

Зачем ждать случая, отправились тотчас. Великолепный интерьер, продуманное в мелочах оформление торгового зала, прилавки и витрины, предлагающие косметику и парфюмерию, присланную сюда лучшими московскими, ленинградскими, болгарскими, французскими фабриками и, конечно, фабрикой «Дзинтарс».

«Похоже, этот магазин — исключение», — признаюсь, подумалось мне. Слово разгадав мысли, Анастасия Алексеевна предложила посмотреть и другие предприятия. Поехали в Дом бытовой техники, — поверьте на слово, в редком большом городе найдете такой магазин. Выбор тут обширный, но не только в этом дело. Сам по себе магазин чрезвычайно удобен: первый этаж отведен лодкам, мотоциклам, подвесным моторам и солидной, хорошо поставленной сервисной службе. На втором — мебель и телевизоры, украшения для дома, ковры, всякое туристское оснащение, отдел «все для рыбалки» (река-то рядом!), хозяйственные мелочи, электросамовары...

Немного удивило то, что в зале было всего несколько покупателей. Внимания продавцов хватало на каждого. Согласитесь, это не очень типичная, нестандартная ситуация. Не скрывается ли такое «безлюдье» на товарообороте? Отвечают: нет. Магазин план не только выполняет, но и перевыполняет. Зато продавцы знают, что при невнимании к покупателю его можно и упустить — сядет в автомобиль и отправится за покупкой в другое место.

Значит, надо подумывать о дополнительных услугах, которые тоже приносят в магазинный оборот свою долю. Сейчас в Кулдиге — район, в общем, немалый — нет проблем с доставкой купленной мебели или холодильника. Здесь знают, оплатил покупку — зайти в бюро сервиса, назови адрес, укажи удобный день и час. Все будет на месте в срок.

Магазин отвечает за качество обслуживания. Не словом — делом. Оказалось как-то, что у привезенного холодильника что-то неладно — не гоняли покупателя по мастерским, а просто заменили аппарат. И набирает сельская торговля авторитет. Уже не из Кулдиги едут за покупками, а сюда: возле здания районного универмага я видел и неместные автомобили.

Вернувшись в Москву, позвонил в Центросоюз уточнить некоторые цифры. «Поговорите с самой Рудаковой. Она приезжает, чтобы выступить на заседании кооперативного Совета». Пришел я в Центросоюз, видел, как внимательно слушают председателя Кулдигского райпотребобщества, и вспоминал слова, услышанные еще в Латвии.

— Инициатива рентабельна, — так сказали мне. — Она экономически выгодна нам. Она приносит удобства покупателю — это главное.

Мы убедились, что появление многих современных кафе, ресторанов, столовых, магазинов начинается именно с инициативы организаторов сельской торговли. С их выверенной расчётами, подкрепленной пожеланиями инициативы, которую охотно поддерживают и в республиканском союзе потребительских обществ и в самом Центросоюзе.

...В торговле много мелочей и нет мелочей! В ней важно все. Поэтому ленинский призыв учиться торговать и сегодня злободневен. Учиться... В Латвии показывают, как это можно делать. Латвия учит и учится сама — у других братских республик.

И в этом залог ее успеха.

театр

И УЧЕБНЫЙ И НАСТОЯЩИЙ

В Москве, близости от площади Пушкина, вечерами прохожих довольно часто встречают любители театрального искусства — с вопросом:

— Нет ли лишнего билетика?

Речь идет об учебном театре при Государственном институте театрального искусства имени А. В. Луначарского, но ты думаешь: «Это, наверное, настоящий театр».

А когда откроется занавес и перед тобой предстанет сцена, когда услышишь первые же слова актеров, то еще раз убеждаешься в том, что это действительно театр настоящий...

Учебный театр создан в 1958 году. С того времени студенты театрального института непосредственно общаются с широким зрителем и, пробуя свои силы на театральных подмостках, по существу, держат подлинный творческий экзамен.

Директор театра Ю. В. Цвилленев, заслуженный работник культуры РСФСР, говорит:

— Студенты у нас практически знакомятся с актерской работой, жизнью сцениче-

Сцена из спектакля «Корневильские колокола».

Фото Т. Залесской

ской площадки и кулис: это является как бы первой ступенью всей их будущей творческой деятельности.

Итак, спектакли — часть учебного процесса. Художественными руководителями курсов являются виднейшие мастера сцены: Гончаров, Покровский, Кнебель, Туманов и другие профессора и педагоги. Репертуар, создаваемый в институте, разнообразен: на афише значатся спектакли «Сердце не камень» Островского и «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова; «Незнакомка» и «Балаганчик» Блока...

Количество премьер — главное отличие этого театра от многих других: здесь ежегодно ставится до 12—14 новых спектаклей, что тоже способствует росту симпатий, которые завоевал театр у московского зрителя.

Татьяна ГУЛИА

Докеры Рижского морского торгового порта: Владимир Круковский, Илья Пермяков, Алексей Берестнев, Василий Полуэктов, Николай Бойко,

ПОЧЕМУ СМЕЯЛСЯ ВИС

**Л. ЛЕРОВ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Журналистские пути-дороги повели меня в семью Варна, якобы «арестованного» и «осужденного» Верховным судом Латвийской ССР за «клеветнические измышления, порочащие общественный и государственный строй» нашей страны, в семью Варна «1940 года рождения, отца двух детей, проживающего по адресу: Саулкрасты, проспект Межа, дом 8». Все эти сведения почерпнуты из некоторых печатных изданий Запада и в мутных волнах эфира, накатывающихся на нас то от со-

держанки ЦРУ, именующей себя радиовещательной станцией «Свобода», то от радиостанции «Рим», то от других «голосов». Зная степень достоверности всех этих источников, мы решили навестить семью «арестованного», как говорится, для уточнения некоторых деталей.

...Саулкрасты — это раскинувшийся недалеко от Риги живописный приморский поселок. Летом тут полно дачников, а сейчас, в межсезонье, тихо и немногочисленно. К тому же был выходной день. Оглядевшись кругом, полюбовавшись морем, дюнами и соснами, мы отправились на поиски проспекта Межа и дома 8 на нем, где, по сообщению западных источников, проживает убитая горем семья докера Варна — «арестованного» и «осужденного». Проспекта Межа в поселке вовсе нет. Есть улица. Но первая попытка найти такую улицу самостоятельно, пользуясь информацией местных жителей, успехом не увенчалась. Тогда мы прибегли к услугам поселковой милиции. Выделенный нам в помощь капитан

милиции Юрий Бондерс вспомнил, что однажды с этой улицы к нему поступал сигнал о каком-то происшествии на даче.

— Но там дома под номером восемь нет, — заметил капитан. — Стоят в лесу две дачи, вот и вся улица Межа. Впрочем, посмотрим на месте.

Мы долго блуждали по лесу, и Бондерс напевал: «Где эта улица, где этот дом...» Наконец, мы нашли нечто подобное улице, а вот дома № 8...

— Вы уж извините... Нет такого. — И капитан развел руками. — Нет и не было. Вот стоят две дачи, о которых я говорил. Номер один и один-А. И все... Мы вам можем официальную справку поселкового Совета дать: нет дома восемь на улице Межа.

Тогда мы спросили, а есть ли среди жителей поселка такой человек — Янис Кристопович Варна, докер Рижского порта. Именно он, если верить радиостанции «Свобода», и был осужден.

— Нет такого. И не было. Во всей округе есть лишь одна семья Варна — Виестура Варна. Только

он в порту никогда не работал и не работает. И судимостей не имел. Это уж я со всей ответственностью... Хотите познакомиться? Пошли...

...Маленький, старый, видавший виды домик на улице Ленина, 28. Здесь живет семья Варна — Виестур и Аустра: ему 28, ей 23. С ними мама — энергичная, хлопотливая хозяйка Аусма Карловна. Она и встретила нас.

— Сын дома, а невестка на работе, в Риге. Она на электроламповом... Проходите, пожалуйста.

Мать и сын, узнав, кого мы ищем, загадочно улыбнулись.

— Семейку Яна Кристоповича Варна ищите? Не ищите, не найдете такой. Мы всё знаем... Выдумали, наврали... А моя жена уже успела получить слезливые письма оттуда. — И Виестур мотнул головой в сторону, где, по его предположениям, должен находиться Запад. — Слезы льют, сочувствуют, помощь предлагают: как же, супруга арестованного с двумя детьми на руках осталась!

— У вас двое детей?

— Пока только одна дочка, —

бригадир Иван Герасимец: «Это же чистейшая «липа»!».

ТУР ВАРНА

застенчиво улыбнулся хозяин дома. — Эвия, три годика... — Он тут же окликнул ее, и в комнату вприпрыжку чудесное белокурое существо.

— Как же к вам попали эти письма? Радиостанция «Свобода» точно сообщила адрес арестованного Варна: Саулкрасты, проспект Межа, 8.

— Вот я перед вами — «арестованный» Варна. Только тот, придуманный, сорокового года рождения, а я помоложе — сорок девятого. И зовут меня по-другому, и в порту я никогда не работал. — Наш собеседник говорил уже разгневно. — Почтальон, не обнаружив дома 8 на улице Межа, решила, что тут какая-то ошибка. Она-то знает, что в Саулкрасты живет только одна семья Варна — наша. Вот и принесла нам те письма. Стали мы тут разбираться — что за странные письма? А когда разобрались, посмеялись. Почитайте эти письма, тоже посмеетесь.

Читая заморские послания из ФРГ и Франции, мы действительно посмеялись и решили, что

грешно лишать такого же удовольствия наших читателей. И с разрешения семьи Варна публикуем их.

«Многоуважаемая фрау Варна! Узнав о судьбе Вашего мужа, мне очень захотелось Вам помочь, а также Вашей семье. Если Вы в чем-либо нуждаетесь (в одежде, деньгах или продуктах питания), напишите мне, пожалуйста. Я охотно Вам помогу. Не могли бы Вы мне дать адрес Вашего мужа. С сердечным приветом к Вам и Вашей семье.

Петра Бриксель».

15.3.1977 г.

И другое письмо, из Парижа, от 1 марта 1977 года, — обратите внимание, как дружно, в одну и ту же пору вдруг взвыло у этих поющих с одного голоса «защитников прав человека» чувство жалости к семье «невинно осужденного».

«Многоуважаемая госпожа Варна, мы с несколькими друзьями создали во Франции, в городе Оре, общество для защиты прав человека, и в частности заключенных, страдающих за свои мнения... Узнав об аресте Вашего супруга Варна, мы решили Вам написать, чтобы получить от Вас позволение (вот такая деликатность! —

Л. Л.) действовать совместно с другими организациями для освобождения Вашего супруга. Если вы считаете, что мы сможем Вам принести какую-нибудь пользу, просим Вас ответить на нашу просьбу.

Жан Бределов».

Что ж, всякая птица свои песни поет. А песня этих «птиц», как видите, вызвала улыбки на лицах даже весьма сдержанных по части эмоций латышей. Да и как было не улыбаться Варна, когда он узнал, что фрау Бриксель собирается посылать одежду и деньги его «скорбящей» супруге, а господин Бределов — парижанин с русской фамилией — спрашивает у «госпожи Варна» позволения спасти ее мужа.

...Мы уже собирались уезжать из Саулкрасты, когда Виестур, лукаво усмехнувшись, спросил нас: «Как, по-вашему, может, стоит что-то ответить фрау Бриксель, а то ведь невежливо. Если мы напишем ей коротенькое письмо — напечатаете?» «А почему бы и не уважить такую просьбу?» — в тон собеседнику улыбнулся я. Вот так и появилось публикуемое ответное письмо «арестанта».

«Неуважаемая фрау Бриксель! Спасибо Вам за те несколько веселых минут, когда мы всей семьей читали вслух Ваше письмо. Поистине забавна эта история о том, как севшие в лужу диссиденты и радиоврали потянули за собой и Вас. Как Вам там дышится, в этой луже?

Но шутки в сторону. Нам не до шуток. Письмо Ваше Вы послали по адресу (ловко же Вы успели записать его со слов диктора радиостанции «Свобода»), где якобы живет семья осужденного рабочего рижского порта Варна. Но по этому адресу вообще никто не проживает, а наш почтальон, зная, где живет семья Варна, передал нам Ваше сердобольное письмо. Мы прочли и диву дались: кто же это выдумал, что я арестован? Почему Вы должны помогать моей жене? Показал я письмо матери — мы вместе посмеялись. Стали разбираться, в чем дело. И выяснилось: какие-то диссиденты выдумали про арест рабочих Рижского морского порта. А эту «утку» подхватили на всяких радиостанциях. Даже адрес не проверили. А уж кто Вам подсказал написать нам письмо — не знаю. Рассчитываю получить от Вас весточку: как Вам там вместе с радиовралями в этой луже сидится?

С неуважением к Вам по поручению всей нашей семьи Виестур Варна».

Читая слезные послания «друзей» семьи Варна — они подписаны разными людьми, отправлены из разных городов, но почти одновременно, — нетрудно догадаться, что акция эта, видимо, разрабатывалась в одном центре, по единому плану. И почему бы тогда не допустить такой простецкой мысли: «трогательная забота» проявлена не только о семье Варна. И, покинув ее, мы тут же отправились в древний латвийский город Цесис, где, по данным тех же «достоверных» источников, на улице Ригас в доме № 18 в квартире № 3 проживает семья «арестованного» докера Рижского порта Андруса Петровича Гольдберга, трое детей — 15, 12 и 8 лет — остались без кормильца...

...Мы поднялись на третий этаж старинного дома, нажали кнопку звонка квартиры № 3, и в распахнувшейся двери показалась миловидная девушка с ребенком.

— Здесь живет семья Гольдберга? Можно ли повидать хозяйку квартиры?

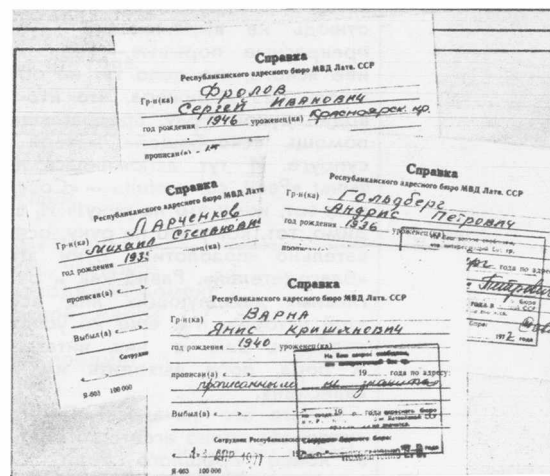
Девушка рассерженно посмотрела на нас и буркнула, что хозяйки нет дома, а, насколько ей, подруге хозяйки, известно, семья Гольдберга тут не жила и не жи-

вет. Стало ясно, что и на сей раз господа диссиденты пребывают все в той же луже. Позже мы встретились с хозяйкой квартиры № 3 Верой Орловой, и она сказала нам:

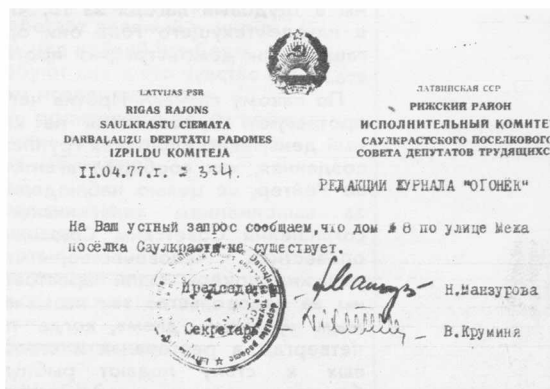
— Я давно живу здесь. Никакого Андруса Гольдберга в нашей квартире не было и нет. И к Рижскому морскому порту ни я, ни мой муж отношения не имеем. Я электромонтер, муж — геодезист, он на курсах сейчас. У нас дочь Наденька. Ей два годика... А вы

Виестур Варна (справа), бабушка Аусма Карловна и внучка Эвия.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИХ «ЛИПЫ»: справки республиканского адресного бюро (вверху); справка поселкового Совета (внизу).

Юрий Бондерс: «Нет такого дома на улице Межа!»

говорите: трое детей! Анекдот!.. Ведь мы только три года как женаты.

Наше предположение оправдалось: в руки Веры Орловой, помимо ее воли, тоже попали письма «защитников прав советского человека» из ФРГ и Голландии. Посланы они по ее адресу: Латвия, Цесис, улица Ригас, дом № 18, квартира № 3, — а предназначены мифической жене мифического докера Гольдберга. Письма состряпаны по одной «колodке» и немногим отличаются от тех, что пришли в семью Варна.

Некий господин Йохан из Голландии, так же как фрау Бриксель из ФРГ, готов одарить несчастную «госпожу Гольдберг» деньгами, платьями и голландским сыром... «Мы Ваши друзья», — восторженно вопит он. — Мы были бы рады, если бы Вы считали нас дальними родственниками, которые будут часто Вам писать...»

Клаус Хеллман из ФРГ просит сообщить: «В какой тюрьме находится Ваш муж, мы хотим послать ему туда письмо. Напишите нам, пожалуйста, как Ваши и Ваших детей дела? С этими разными просьбами к Вам также обращаются две группы (имеется в виду «группа защитников прав человека». — Л. Л.) из Голландии и Швеции. Мы прикладываем к этому письму ответную расписку, на которую Вы на почте можете получить почтовые марки».

На почту Вера пошла, но не за бесплатными марками. Пошла, чтобы вручить начальнику почты письма, не имеющие к ней никакого отношения.

...Мы не знаем, кто истинный автор этих «дружеских» посланий, отнюдь не выражающих «души прекрасные порывы», — ведь яснее ясного, что дело тут не обошлось без дирижера, что кто-то водил рукой фрау, предлагавшей помощь «скорбящей» матери и супруге. И тут вспомнилась латынь: «Fecit, cui profuit» — «Совершил тот, кому это на руку!» И, видимо, тот, кому это на руку, основательно «позолотил» руки этих «благодетелей». Равно как и руки главных действующих лиц всей этой истории. Мы еще не успели сообщить вам о них, читатель. А пора, пора выходить им на авансцену.

С чего все началось? Первую «утку» запустило агентство Рейтер в конце прошлого года. Солидное вроде бы агентство с респектабельными господами во главе передало следующее: «Согласно сообщению группы советских диссидентов, четыре докера латвийского порта Риги отправлены в трудовые лагеря за то, что в начале текущего года они организовали демонстрацию протеста...»

По какому случаю? Против чего протестуют? Бросая тень на ясный день, «диссидентская группа», созданная, как сообщает агентство Рейтер, «с целью наблюдения за выполнением хельсинкского соглашения Советским Союзом», оповестила человечество, что рижские докеры были арестованы за недовольство так называемым «рыбным днем», когда по четвергам в ресторанах и столовых к столу подают рыбные блюда.

Продавшие честь и совесть отщепенцы, радостно потирая руки, сообщали на созванной ими пресс-конференции о тех самых «рыбных днях». И тут же состряпали миф о «рыбной» забастовке в Рижском морском торговом порту, снабдив сей миф высосанными из пальца подробностями.

«Группа диссидентов заявила на пресс-конференции, что Сергей Фролов, 30 лет, Янис Варна, 27 лет, были приговорены к 3 го-

дам заключения в трудовом лагере каждый. Михаил Ларченко, 37 лет, Андас Гольдберг, 40 лет, — каждый к 2 годам. Дело разбиралось в августе Верховным судом Латвийской республики. Четверо докеров обвинялись в клеветнических измышлениях, порочащих Советское государство и социалистическую систему».

«Утка» выпорхнула из телетайпов Рейтера и понеслась. Радиовещательная станция «Свобода» передала сообщение группы советских диссидентов с «точными» адресами арестованных: налетай, кто пожелает, и пиши письма соболезнования! «Публикуя подробные данные», — призывали диссиденты, — мы надеемся, что судьба этих 4 рабочих привлечет к себе внимание не только правительств, подписавших хельсинкское соглашение, но и обществности этих стран, в частности профсоюзов Европы, США и Канады».

...Горький писал: «Когда не знаешь — выдумываешь». Господа, породавшие слушателей «Свободы» подробными сведениями о «забастовщиках», не сочли нужным проверить, — а был ли бунт? Существует ли дом 8 по улице Межа, правлен ли адрес Гольдберга в Цесисе? Им важно привлечь внимание, — за это больше платят в ЦРУ. Но так как точно они ничего не знали, значит, пришлось выдумывать.

Вслед за «Свободой» «утка» порхнула на станцию «Рим». Остатки она свой грязный след и на полосах газетнки латышских эмигрантов «Лайкс», издаваемой в ФРГ. Издатель этой газетнки Хелмир Рудзишис в пору буржуазной Латвии основательно разбогател, преуспевая на «культурной ниве» в Риге, — он владел заводом грампластинок, издательством, книжным магазином и шестизэтажным жилым домом. Сейчас сей ярый антисоветчик пребывает в США, откуда и командует прессой латышских эмигрантов.

...Мы побывали и в Рижском морском порту — хотелось повеселить докеров, рассказать им о пресс-конференции диссидентов, об «утке», выпущенной в эфир. Разным людям мы задавали один и тот же вопрос: что вам известно об аресте четырех докеров? И тут же называли четыре фамилии.

Начальник Рижского морского торгового порта В. М. ЕВСТИГНЕЕВ:

— Вы что это, всерьез? Это же бред какой-то! Я работаю начальником порта сравнительно недавно, тем не менее официально заявляю, что среди рабочих порта упомянутых вами людей нет и не было за последние годы. Что же касается тех, кто хочет наши права защитить, то я скажу им так: «Ахал бы дядя, на себя глядя...»

Директор портовой столовой Л. В. БОЧАРОВА:

— Ловно же состряпали «рыбную утку». Я тут уже три года... Бывает, конечно, что рабочие на собраниях покрывают нас. Мы стараемся немедленно исправить ошибки, стараемся улучшить комплексные обеды. Докеры получают их бесплатно. Дают им талон, оцененный в пятьдесят копеек. Хочешь — бери комплексный обед, хочешь — порционное блюдо. Если оно, скажем, шестьдесят копеек стоит — доплачивай десять. А что касается «рыбных дней», то обстоятельства сложились таким образом, что у нас и вовсе их не было. Ни в прошлом, ни в нынешнем году. Вот вам меню на четверг... Смотрите. А это на другие дни. Никакой разницы.

Докеры комсомольско-молодежной бригады И. ГЕРАСИМЦА:

— Вы что, пришли разыгрывать нас? Чтобы мы, рижские докеры... Да вы представляете, о чем спрашиваете? Чистейшая липа!

Потом мы беседовали с председателем Верховного суда Латвийской ССР Б. А. Азаном. Болеслав Антонович показал нам письма, пришедшие из разных стран Запада.

Председатель Верховного суда Латвийской ССР Б. А. АЗАН:

— Просят нас освободить четырех докеров. Но их никто не арестовывал и не судил — не было такого суда. А письма продолжают поступать в мой адрес, — возмущается Болеслав Антонович. — Вот сегодняшняя почта... Альбертина Ризер из ФРГ обеспокоена судьбой Яниса Варна, якобы осужденного за «фабрикацию клеветнических измышлений». Просит прислать ей подробную информацию: за что, почему? Я не в состоянии ответить на все подобные письма и был бы признателен редакции «Огонька», если бы она опубликовала мой короткий ответ всем корреспондентам: «Не было такого судебного процесса над четырьмя рабочими Рижского морского порта. Это фальшивка!» И в заключение я хотел бы вручить вам официальные справки республиканского адресного бюро МВД Латвийской ССР. Согласно этим справкам, трое из четырех «арестованных» и «осужденных» вообще не проживают в Латвии. А о четвертом, Фролове Сергее Ивановиче, справка гласит: да, человек с такой фамилией, именем и отчеством живет в Латвии. Но не в Рижском районе, как сообщали диссиденты, а в Вентспилском и никакого отношения к Рижскому морскому порту он не имеет.

Болеслав Антонович протянул мне четыре справки, и в глазах его мы прочли гнев, презрение, а потом насмешливую улыбку...

На этом, пожалуй, и можно закончить наш репортаж о... луже. «Как вам там, в луже, дышится, господа радиовральи!» Это не мы спрашиваем, а семья рабочего Варна из приморского поселка Саулкрасты...

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗ С

МОНОЛОГ

Друзья мои, я вас люблю, На ваш аршин все в жизни меряю, Но знайте, что не потерплю Малейшей лжи и лицемерия. Пускай не прикрывает друг Беду веселостью наружною. Взаимных взяток и услуг Не смейте ставить рядом с дружбою. С годами все сложнее дружить, Все строже начинаешь выискивать И все труднее обаяние Таящуюся в сердце искренность. Не бойтесь строгости моей, Не требую я слишком многого. Готов, как прежде, всех друзей Обнять смущенно и растроганно.

Враги мои, я вас люблю За вашу ненависть открытую, Вам с наслаждением залеплю По морде, если вы не битые. На минус — минус, плюс — на плюс — На черта нам такое равенство? Сквозь землю лучше провалюсь, Чем угождать вам и понавиваться. К вам просьба все же есть одна: В своей вражде не будьте мелочны. Уж раз объявлена война, Зачем бойцу краснеть, как девочке? На поединок я готов Идти всегда с забралом поднятым, Как честный враг своих врагов И ненавистник всякой подлости.

Цена врагов, любя друзей, Вас презираю, равнодушные. На вашей узенькой стезе И тесно, и темно, и душно мне. Вам волноваться не дано, Вы старички — пусть даже юные. Вам, вероятно, все равно, Что я про вас, убогих, думаю, А все же выскажусь затем, Чтоб ликвидировать неясности: Считаю равнодушие тень Сегодня главной опасностью. Плевать вам на других людей, На мир на весь плевать, наверное. Вот этим вы врага лютей, Страшнее друга лицемерного.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Давайте, я запросто приведу Из нашей действительности примеры: У многих знакомых Имелась в роду Профессиональные революционеры, В семейных архивах желтеют листки, Оказией присланные из Нарыма...

Как молоды старые большевики, Как старость сурова и неумолима!

НОВЫХ ТИХОВ

Кто был в адвокатах,
А кто — в слесарях,
А кто — в экипаже «Авроры», на флоте,
Но все с двадцать пятого октября
Они состоят на партийной работе.

Уже инженер и учитель в цене,
Однако и позже работники эти
«Профессиональный революционер»
В графе «род занятий»
Писали в анкете.

Одним — Волховстрой,
А другим — сельсовет,
А третьим — служить в кавалерии Красной.
Чека, продразверстка,
Губком, культпросвет,
И голод,
И схватка с торговлею частной.
Не думайте, будто я в прошлом увяз.
На каждой дороге достаточно терний.
А все-таки должен сказать,
Что у нас
Напрасно в отставку ушел этот термин.

А те, для кого это звание как раз
По всем показателям точно годится,
В заботах всеобщих
Живут среди нас,
Не любят пустых и возвышенных фраз,
Стремясь не собой, а друзьями гордиться.

Впряглись в пятилетки,
В бетонные дни,
Узлом затянув непослушные нервы,
И сами не знают порой,
Что они
Профессиональные революционеры.
Что их отдаленный и трудный район
С неподнятой зябью,
С нуждою квартирной
Довольно давно и навечно
Включен
В состав Революции —
Нашей,
Всемирной!

Я знаю, что им в оборону дана
Ирония против излишних восторгов,
Но славлю борцов низового звена —
Райкомщиков, секретарей и парторгов.
Работой загружены черновой
Глашатаи коммунистической веры.
Готовы за все отвечать головой
Профессиональные революционеры.
Свою Революцию
Строят они,
Не предназначенная на экспорт,
На вывоз,
Но каждый их шаг
В эти грозные дни —
Отжившему миру
Решающий вызов!
Я тоже работник текущего дня,
Как вы, не боюсь за горячее братство
Я не подведу вас! —
Примите меня

В свое хлопотливое братство.
От самого старого большевика
До самого юного пионера
Под знаменем красным
Стоим у древка,
Высокое звание
Несем сквозь века:
Профессиональные революционеры.

МЕСТА ЗНАКОМЫЕ

Где начинается Сибирь,
На карте не черкнешь указкой,
Где сказка переходит в быль,
Чтоб снова обернуться сказкой?
Таежных дебрей свет и тень,
Хребты гористые соболями...
Сибирь сравнима с чем и с кем?
Пожалуй, лишь сама с собою.

Я в этом убедиться мог,
В места знакомые приехав
Теперь, как гость, да и на срок,
Короткий, как лесное эхо.
Я знал, что все, что вижу здесь,
Не устая восторгаться,
Известно всем и в плане есть
Приема прочих делегаций.

Но были у меня права
Особые на сантименты,
Своя возможность узнавать
Суровых рельсов километры.
Когда-то, доложу я вам,
Шла стройка по лесам тем самым,
Где нынче знаменитый БАМ,
И скромно называлась БАМом.

И в незапамятном году
Товарищ мой — Ажаев Вася
По вечной мерзлоте и льду
Сквозь эти дебри пробивался.
Свиданья сокращенный срок,
Надежды перегляд понятный,
Прикосновенье жестких щек,
Пожатые варежки квадратной.

...Гремят на трассе рупора,
Среди строителей толпятся
Всех филармоний мастера.
Корреспонденты всех редакций.
А все-таки тропа моя
Сольется с Магистралью тоже.
И в этих вздыбленных краях
Проходчик я, а не прохожий.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ

Жизнь той семьи тиха
В уюте смежных комнат,
Случайного греха
Уже никто не помнит.

Хозяйка прощена
Давным-давно когда-то,
А может быть, она
Ни в чем не виновата.

Ребенок в пятый класс
Английской школы ходит,
И выраженьем глаз
Он на отца походит.

Отец домой звонит
По десять раз с работы —
Простой и прочный быт,
Житейские заботы.

А в северном краю
Тоска радиста гложет:
Не помнить ту семью
Он хочет — и не может.

Сейчас они встают,
Сейчас они ложатся.
Творится страшный суд
Под бормотанье раций.

А муж берет портфель,
Ее целует в щеку...
За тридцать земель,
Там, далеко-далеко.

Она перед трюмом,
Спокойна и красива.
Дворцом или тюрьмой
Ей кажется квартира?

...В припае берег весь,
Бушует непогода.
Радист решает здесь
Служить еще три года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Ни предчувствий,
Ни боли,
Ни тревожных примет —
Все прекрасно, поверьте.
Самый неподходящий момент
Для клинической смерти.

Неподвижный предмет,
Ты уже не поэт,
Ты уже не боец,
Ты не муж, не отец.
Как прохожий сказал — вообще не жилец,
Тяжкий груз санитарных носилок,
В институт изучения рваных сердец
Сам добратся не в силах.

Мыльным шариком кажется мир...
В сердце —
Боль за тебе причиненное горе.
Но еще пробегает зеленый пунктир
На висащем над койкой приборе.
Тщетно пробуют снять это чувство вины
Прикасанием иголок неострых
Этот доктор, родившийся после войны,
Эти — слишком красивые — сестры.
В их зрачках наблюдаю:
Еще я живой,
Но лежу неподвижно,
Судьбе не перечу.
Мне со смертью
Встречаться, увы, не впервой.
Неужели последняя встреча?
Все, что было,
И все, что бывало со мной,
Довело —
Вот и стал в этой области циник.
Были Волга и Днепр,
Будапешт и Ханой
Без кардиологических клиник.
И хотя мне за сердце решать не дано
И спасенье равняется чуду,
Никогда,
Никогда,
Ни за что
Все равно
Назначать новой встречи не буду.

У ледового причала.

Еще один фонтан газа на Ямале.

Гидрологи решают, пройдут ли здесь машины.

Равиль Гилямов, такелажник.

ДЕСАНТ

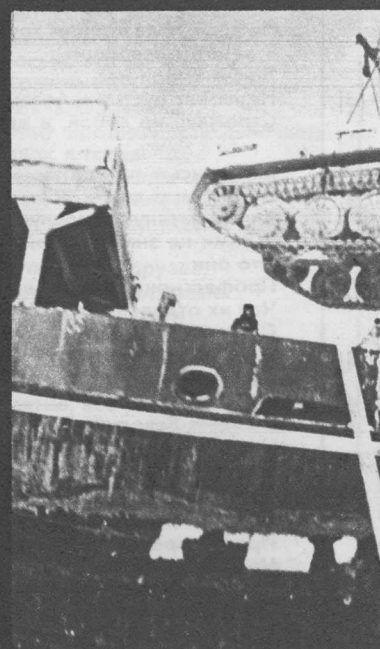
Разгрузка завершена. Пришло время футбола.

Работа греет в любой мороз.

Меняется вахта.

Техника для северян.

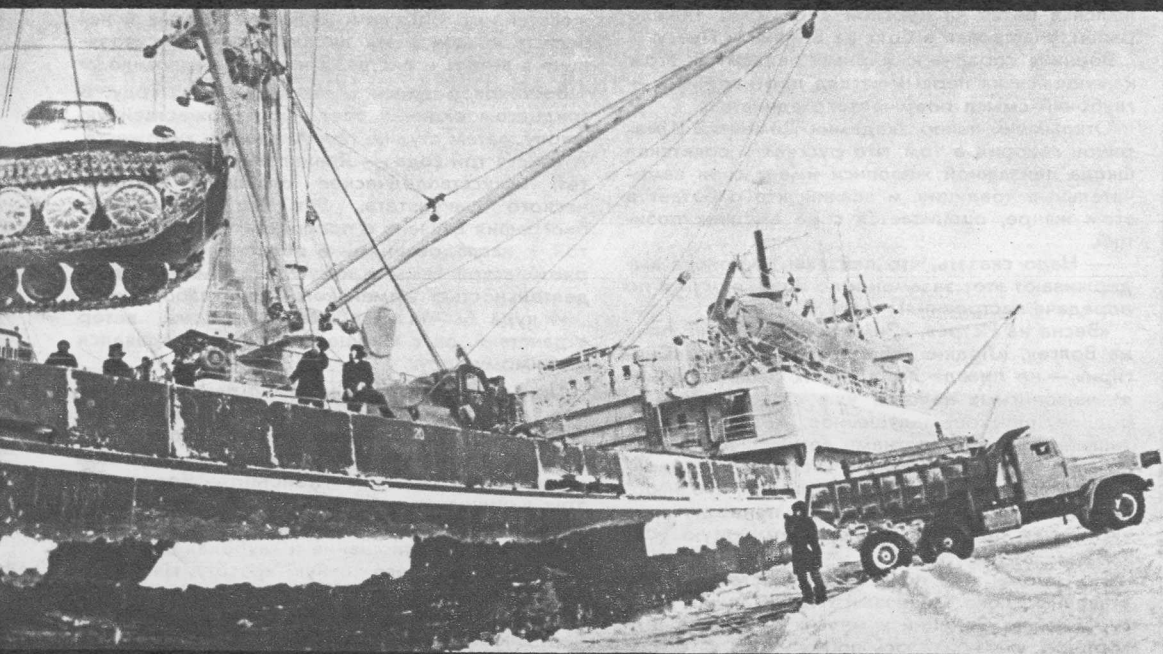

репортаж с места события

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Мы улетали на запад, и земля под крылом самолета словно кричала нам по-ненецки: «Я Мал! Я Мал! — Край Земли! Край Земли!» Этой фразой около десяти лет назад я заканчивал репортаж с Ямала. Этой же фразой начинаю теперь, потому что между ними есть прямая связь. Пишу сейчас, как писал и тогда, о десанте на Ямал, но какая между ними громадная разница. Тогда разведчики недр делали только первые шаги по Ямалу в поисках газа и нефти. Сейчас геологи уже сдают под промышленную разработку первую газоносную площадь и нащупали контуры других в разных концах полуострова. Тогда на буровую Р-3 вышел с мыса Каменного караван машин и вездеходов, груженных бочками с бензином, соляной и антифризом. Другого способа спасти буровую от остановки не было: многодневная пурга не давала взлететь вертолетам. Несколько дней без дорог и ориентиров, сквозь пургу и морозы пробивался наш

НА ХАРАСАВЭЙ

Трубы для буровиков тоже доставил караван.

десант к Р-3, но так и не пробился... Нынешний десант осуществлялся с моря, с помощью атомохода «Арктика» и ледокола «Мурманск». Проведенное ими первое судно, «Гижига» (всего их три, и должны они сделать по два рейса), доставило к полуострову свыше восьми тысяч тонн самых разных грузов. Что по сравнению с этим три-четыре десятка бочек, которые мы везли в тот давний рейс!

Проблема снабжения полуострова существовала всегда и решалась традиционно — морским путем в короткую летнюю навигацию и самолетами. Теперь же суда подошли к Ямалу на третий день весны, а по ямальским понятиям, чуть ли не в разгар зимы (во всяком случае, морозило под сорок). Такого в истории арктической навигации еще не бывало. Впрочем, северный эксперимент начался еще прошлой весной. Вскоре после окончания XXV съезда КПСС, наметившего большую программу освоения всех северных районов страны, на три месяца раньше традиционных сроков — не в июле, а в апреле — вышли в рейс атомоход «Ленин» и дизель-электроход «Павел Пономарев». Они пробились к Харасавэю и доставили несколько тысяч тонн груза. Нынешний рейс начался еще раньше, в конце февраля — начале марта. Летом из-за мелководья к Ямалу не подойти, поэтому суда вынуждены останавливаться далеко от берега, перегружать грузы на мелкоосидящие баржи, а затем уже тянуть их к берегу. Частые штормы делают эту работу нерентабельной и попросту опасной. В скором будущем газ Ямала пойдет за Урал, возникнет потребность в доставке многих сотен тысяч тонн грузов, сложнейшей техники. С учетом этих и других причин и было решено прошлогодний опыт по выгрузке на припай — прибрежный неподвижный лед — повторить у Мыса Харасавэй в большем масштабе.

Караван подошел к припаю ночью. Огни судов смутно мерцали сквозь туман в десятке километров. Я смотрел на них с берега, как

на близкие звезды. К утру свет их померк, и я различил в дымке знакомый силуэт «Арктики». Атомоход по-хозяйски прошелся вдоль припая, раздвинул грудью льды и покати́л прямо по ледовой дорожке к берегу. Казалось, он так и влетит с налету прямо на берег, но глубина позволила ему пройти всего с километр. Затем за дело взялся «Мурманск», с точностью ювелира обработавший кромку припая. Наконец, по пробитому каналу, напрягая все свои силы, вошла в лед «Гижига». Сзади ее подталкивал «Мурманск». Теперь, когда тяжело груженное судно стояло во льду, как влитое, можно было давать сигнал к выгрузке...

Выгрузка началась в сумерках. Первым опустился на лед голубой таллинский жилой вагончик, следом — огромные емкости для горючего. На очереди были трактора, вездеходы и машины. Их заводили прямо на палубе «Гижиги», а у борта, на льду, с нетерпением ждали шоферы. Один из них от полноты чувств широко раскинул руки на капоте новенького «Урала», как бы желая обнять автомобиль, затем вскочил в кабину и дал протяжный гудок. «Гижига» ответила ему басом. «Урал» тут же загрузили железобетонными плитами, и он пошел по ледовой дорожке к берегу. Там спустя некоторое время из плит сделают надежную дорожку к промыслам. Трактора и машины вереницей везли железобетонные сваи и стеновые панели, бочки с маслом и рулоны толя, цемент и трубы — словом, все, что необходимо для устройства прочной жизни на Севере.

Три дороги, словно три линии судьбы Харасавзя на ледяной ладони ямальской тундры. Три дороги от ледового причала к берегу. Дороги как дороги. Может, немного больше, чем обычно, рытвин, зато временами прямо асфальт. Значит, льдина в этом месте еще крепкая. Шоферы торопятся. Разгрузка идет непрерывно, круглые сутки. Недаром в столовой вывешен плакат: «Разгрузить «Гижигу» за семь суток — дело нашей чести». Теперь от этих дорог зависит темп разгрузки, темп жизни Харасавзя. Я ездил по ним и днем и ночью, и ни разу у меня не возникло чувство, что под колесами нечто не очень прочное, каких-то полтора метра льда, под которым Карское море. Думали об этом шоферы или нет?

Ночь, светит полная луна, огромная, как на рисунках моей дочери. Под призрачным ее светом рвется вперед наш «Урал». Ночной рейс.

— Красиво, — говорю я, обращаясь к гидрологу Сергею Гордиенко.

— Чертова луна, — мрачно заявляет он и грозит ей кулаком, — от нее теперь всего можно ждать. Теперь с дороги глаз нельзя спускать...

— Почему?

— Почему-почему... При полной луне начинают пиковые приливы. А раз приливы, значит, лед начинает дышать и может дать трещину в самом неожиданном месте...

Не успел Сергей договорить, как передние колеса машины ухнули вниз. Нас подбросило и шмякнуло о сиденье. Популярная лекция о гидрологии прекратилась сама собой. Взревел мотор, машина с трудом выбралась на твердый участок дороги и начала набирать ход.

— Погоди-ка, — остановил гидролог шофера, — надо посмотреть.

Мы вышли и подошли к рытвине. Сергей пошевелил рейкой в снежной каше, в ней блеснула вода. Он прошел еще несколько метров в сторону от дороги, орудуя рейкой, словно щупом, и сказал:

— Трещина, придется дорогу временно закрыть, пока не наведем тут мост. Я же говорил, что эта проклятая луница до добра не доведет...

Несмотря на поиски луны, дороги продолжали служить людям, и темп выгрузки не снизился. Корпус «Гижиги» заметно поднялся над льдом. Я заглянул в ее трюмы и увидел, что груза осталось совсем немного. Шел шестой день разгрузки...

Я улетаю на запад, и земля под крылом самолета словно кричала мне по-ненецки: «Я Мал! Я Мал! — Край Земли! Край Земли!» Далеко внизу виднелись во льдах три точки. Это караван возвращался к Карским Воротам. На чистой воде он встретит второе груженое судно «Наварин», чтобы вести его к Ямалу, краю будущего...

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

Иван РАХИЛЛО

Праздник лирического пейзажа состоялся недавно в Центральном Доме работников искусств.

На вернисаж картин заслуженного деятеля искусств РСФСР Евгения Ивановича Востокова пришли художники, искусствоведы, писатели, архитекторы, артисты, музыканты, военные. Необычность этой встречи заключалась в том, что автор выставленных работ — генерал-майор, участник Великой Отечественной войны, с первого ее дня и до последнего провел на фронтах как армейский политработник, сражался в битве на Курской дуге, был тяжело ранен, участвовал в боях за Берлин и Прагу.

Военная гроза — и мирный пейзаж! В этом кажущемся на первый взгляд противоречии — глубокий смысл поэтического единства...

Открывший вечер академик Дементий Шмаринов говорил о том, что русская и советская школа пейзажной живописи имеет свои замечательные традиции, и всякий, кто работает в этом жанре, оценивается с ее высоких позиций.

— Надо сказать, что пейзажи Востокова выдерживают этот экзамен и по поэтичности и по передаче настроения!

«Весна на Истре», «Зима кончается», «Разлив на Волге», «Лодки», «Березовая роща», «Снигири» — не правда ли, в одних лишь названиях живописных полотен уже слышится что-то родное, русское, задушевное. А когда встретишься с этими полотнами воочию, то невольно проникаешься светлым настроением, лирической взволнованностью их автора, его влюбленностью в жизнь, в родную природу, в ее скромную, целомудренную, нетронутую красоту.

Но, кроме этих полотен, на выставке представлены также и пейзажи Рима, Парижа, Праги, Неаполя, Венеции и многих других стран и городов, где привелось побывать их автору.

«По ленинским местам. Цюрихское озеро», «Прага. Карлов мост», «Сен-Готард», «В парке Сан-Суси», «Стена коммунаров на кладбище Пер-Лашез», «В Бухенвальде весной», «В Пловдиве», «Рим. Площадь у Колизея»... Как обширна география работ художника, его неотразимое желание запечатлеть увиденное в цвете!

Не только в чистых поездках, но даже в тяжелых фронтовых условиях с ним всегда был альбом и небольшой походный этюдник.

Суровые будни войны рождали в солдатских сердцах картины мирных дней, вызвали в памяти дорогие образы оставленных вдалеке близких и друзей, поднимавших воинский дух и желание одолеть врага, закончить войну и

скорей возвратиться к родным местам. Вот почему фронтовики так горячо встречали картины, этюды и походные зарисовки Востокова: они затрагивали в сердцах самое дорогое и заветное. В каждом, даже самом небольшом его пейзаже со стожком сена или синим озером всегда проглядывала поэтическая душа мастера, сияла неоглядная любовь к Родине.

Самое важное во всех работах Е. И. Востокова — его жизнеутверждающее мироощущение, сущность человека нового советского общества.

...Однажды в далеком детстве ему подарили краски. Какое это было счастье, как взрослые проникновенно угадали самое потаенное его желание! Теперь юный Женя не расставался с красками ни днем, ни ночью. Ему хотелось изображать все на свете, но больше всего природу, лес, пруд с будто упавшим в него небом, полустепенные опушки, дожди, облака и все, все, что брало за душу.

Очень хорошо об этом чувстве сказано у Бунина в «Жизни Арсеньева»: «Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пахкая бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, — и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок... Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листьях, я и умирая вспоминаю...»

Востоков родился в Москве в 1913 году. В тридцатом окончил среднюю художественную школу, затем студию при Академии художеств. А спустя три года — Ленинградский университет, искусствоведческое отделение исторического факультета. Вся его дальнейшая биография связана с преподавательской работой, с исследованиями в области героико-патриотической темы в искусстве, с многолетней деятельностью армейского политработника.

И куда бы ни заносил художника ветер странствий, он с юношеским жаром отдавался любимому делу.

Привлекательны его морские пейзажи: «Черное море», «Адалары», «Рижское взморье». Они написаны густо, контрастно, звонко; невольно вспоминаются мастера французской школы, а из русских — Константин Коровин. В этих лирических работах, несомненно, близких и дорогих сердцу живописца, легко угадывается его личное отношение и глубокая влюбленность в море, в его вечную красоту. Написаны они романтической кистью, все в них полно свежести, жизни, восторга, чистоты и искренней влюбленности художника в пейзажи Родины. Во многих сердцах находят они поэтический отклик и благодарность.

Глядя на его полотна, невольно вспоминаю и свою юность, когда приходилось не раз пролетать над крымскими бухточками, радуясь жизни, любя на рассвете аметистовым морем, а вечерами его густым, бездонным ультрамарином, с летящим по темной поверхности отражением острокрылого полумесяца.

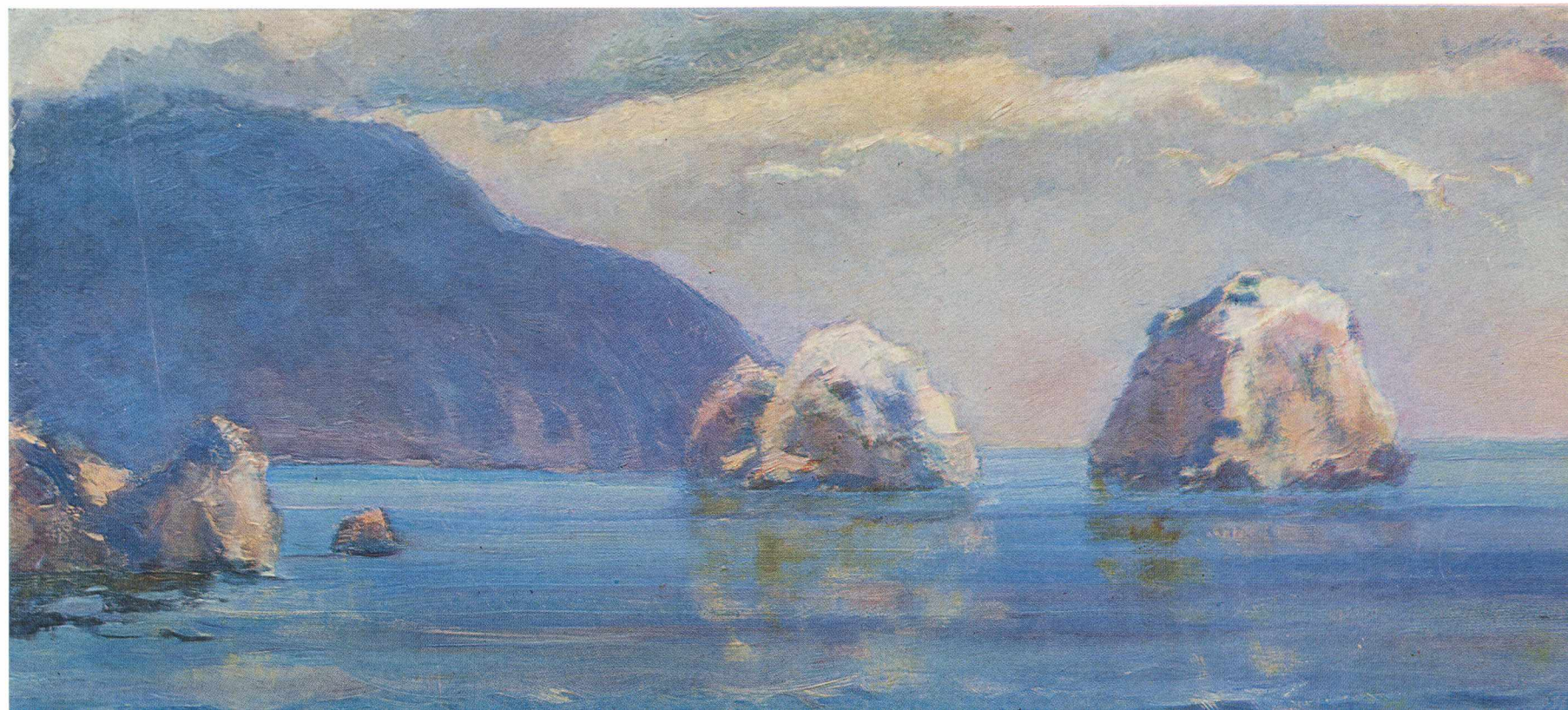
Советский воин и художник Е. И. Востоков не только с оружием в руках сражался с вражескими полчищами, но и участвовал в розыске и спасении бесценных сокровищ Дрезденской галереи.

И в этом тоже отразились поэтическое единство и глубокий смысл нашего искусства.

Е. Востоков. Род. 1913. РАЗЛИВ НА ВОЛГЕ. 1976.

АДАЛАРЫ. 1975.

Е. Востоков. ЧЕРНОЕ МОРЕ. КИЧКИНЭ. 1970.

СНИГИРИ. 1974.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ХАЛЛДОРА ЛАКСНЕССА

Обозревая долгий творческий путь известного исландского писателя Х. Лакснесса, легко заметить, что художника волнуют две крайне важные проблемы: судьба простого человека и право на национальную независимость. Его произведения раздвинули рамки наших обычных представлений об Исландии.

Лакснессу удалось создать яркие, незабываемые образы людей из народа. Это гордая обаятельная Салка Валка, несгибаемый Бьяртур, милая фрёкен, увядшая в атмосфере ханжества и лицемерия, поэтическая Ауста Соулилья, честный и правдивый Оули, простая

и мудрая Угья и многие, многие другие. Они противопоставлены миру стяжателей, хищников и дельцов.

Творчество Лакснесса заслужило признание во всем мире. Он лауреат Международной премии Мира, ему присуждена Нобелевская премия, книги его издаются и переводятся во многих странах мира.

Писатель широко известен и в нашей стране. В СССР опубликована большая часть произведений Х. Лакснесса — романы «Салка Валка», «Самостоятельные люди», «Исландский колокол», «Атомная станция», «Летопись хутора Брекукот», «Свет мира», повесть «Милая фрёкен и господский дом», пьеса «Проданная колыбельная», рассказы и публицистические статьи.

В день юбилея Лакснесса советские читатели шлют ему свои самые искренние поздравления.

ЗВАННЫЙ ОБЕД С ЖАРЕННЫМИ ГОЛУБЬЯМИ

Халлдор ЛАКСНЕСС

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Горделивые, преисполненные достоинства официанты, с перекинутой через левую руку салфеткой, ловко балансировали по залу среди толпы гостей, словно они скользили мимо призраков. Я несколько опасался, что прибуду на званный обед раньше других. Как потом объяснить свое нетерпение? Не мог же я сослаться на давнее знакомство с хозяином. К счастью, мне не понадобилось искать выхода из неловкого положения. Наоборот, я был крайне удивлен, что все уже в сборе, хотя прошло только пять минут после назначенного по телефону часа. Спокойно войдя в дом через парадную дверь, я пристроился к одной паре. Мужчина смахивал на исследователя космоса — этаким рассеянным, молчаливым человеком; супруга же его, дама дородная, по-видимому, крепко стояла на земле, она, улыбаясь, глядела в зал. Чета не проходила вперед, а остановилась у двери, вероятно, рассчитывая, что им поднесут сейчас что-нибудь прохладительное.

— Гм... простите, — произнес я, пытаюсь завязать беседу.

— Ну, конечно, я твержу то же самое, — откликнулась дама, — все так необычно, так интригующе!

Дама оказалась необыкновенно приятной и разговорчивой. Как правило, у высокопоставленных мужей зачастую бывают именно такие жены.

Она продолжала:

— Мой муж толком не расслышал, что ему сказали по телефону. Кто-то что-то сказал, назвал место. Ты ответил согласием, не так ли, милый? Что ты ответил?

— Я с благодарностью принял приглашение, — сказал муж. — Знаю, как ты обожаешь званные обеды.

— Не могла же я от такого отказаться!

— Надеюсь, ты не жалеешь, — заметил муж, — по крайней мере в данную минуту.

— Быть может, и жалею, — отмахнулась дама. — Но ты погляди, как изменился наш епископ, не узнать его, ничуть не похож на свою фотографию, ту, что недавно была в журнале.

— Они всегда публикуют свои старые фотографии, — сказал муж.

— А вот тот, в золотых позументах... Мне помнится, это церемониймейстер при дворце или еще кто-то в этом роде, — щебетала супруга.

— Наверное, это контролер из таможни, — возразил муж.

— Зачем меня пригласили сюда? — недоумевал маленький близорукий господин, случайно оказавшийся рядом. — Изумлен просто, что приглашен на этот банкет. Уж не свидетельством ли это особого внимания ко мне в связи с моим слабым зрением? Слеп на правый глаз и теряю зрение в левом.

— Что, что вы сказали? — отозвался какой-то мужчина, подергиваясь всем телом. Он был необычайно бледен, а белокурые кудри, спадавшие на плечи, точь-в-точь как у тех ангелочков, которыми обычно торгуют на рождество, еще больше оттеняли эту бледность. — Вы не видите одним глазом? Ну, наверняка это благотворительное общество, хотя я точно не расслышал, что сказали по телефону.

— А у меня пробка в ухе вот уж целых тридцать пять лет. Пожалуй, меня именно поэтому пригласили сюда.

— Пробка в ухе? Тридцать пять лет! Рекордный срок! Вам следовало бы обратиться к отоларингологу, — заметила дама.

— Рад познакомиться с человеком, у которого пробка в ухе, — сказал вдруг неизвестно откуда взявшийся важный господин в парад-

ном костюме, один из тех, кто с наслаждением заводит мгновенные знакомства, хотя сами мало для кого представляют интерес. — Простите, а что испытываешь, когда пробка в ухе?

— О, это удивительное чувство, будто все время слышишь музыку, — ответил ангелоподобный мужчина. — Иногда словно это орган, иногда духовой инструмент, а то вроде вода журчит или птицы вдруг запоют. Или ни с того ни с сего бу-бу-бу, словно бык разбушевался. Это единственный звук, который существует в действительности, хотя доказать, что он есть, невозможно... Этот звук нельзя воспроизвести. Это тот единственный звук, который исходит от бога вечности, из других миров.

В это время подошел официант, обносивший гостей коктейлями.

— Извините, господин метрдотель, — обратился я к официанту, умышленно повышая его в чине: почему не сделать приятное хорошему человеку? — Надеюсь, вы не осудите меня за нетактичный вопрос. Скажите, кто устроил этот прием?

— Кто устроил этот прием? — переспросил официант удивленно. — Это должно быть известно господину лучше, чем мне. Я не служу в этом доме постоянно, меня пригласили только на этот вечер.

— А кто мог бы представить меня хозяину? Я хотел бы поблагодарить его.

— Пожалуйста, пройдите за мной, — ответил официант.

Чем дальше мы протискивались в глубину зала, тем гуще становилась толпа. Будучи чужаком в этом городе, я знал очень немногих из находящихся здесь, и то главным образом тех, чьи фотографии доводилось видеть в газетах и журналах. Отбор гостей показался мне весьма своеобразным: здесь были представители все слои — от самых низов до самых верхов. Собрание напоминало отпечатанный текст, набор которого упал на пол и рассыпался, а потом впопыхах был собран и отправлен в типографию. В результате ничего не разобрать, разве что отдельные строчки, и те с трудом. Некоторые гости были так надменно величе-

ственные, что я не решался обратиться к ним, не зная к тому же, что сказать им. Однако был вознагражден: я столкнулся со знаменитостью. Я узнал этого человека по газетам. К сожалению, я только не мог вспомнить, кто он: то ли всемирно известный пловец, то ли прославленный на войне адмирал; но, как бы там ни было, в моем сознании он ассоциировался с водными пространствами. Так как он выглядел весьма симпатично и нисколько не высокомерно, я отважился представиться ему и поблагодарить за великую честь, которую он оказал.

— Кому?

— Да всем нам.

— Благодарю вас за ваши любезные слова, — ответил он.

— Получив приглашение, я не мог не воспользоваться представившимся случаем, хотя никаким героизмом не отличаюсь, тем более на воде, — заметил я.

— Так вы не откажетесь от выпивки, — предложил мой новый знакомый. — Надеюсь, вы не станете хулить воду, по крайней мере до тех пор, пока у нас виски в достатке.

— Что вы, что вы, ваше здоровье! Я только имел в виду, что сам-то целиком привязан к суше.

— Между прочим, — доверительно обратился ко мне собеседник, — где мы находимся?

— Вот это-то я и сам мечтаю узнать, — ответил я.

— Как чудесно, что я наконец-то встретила тебя! — произнесла какая-то стильная особа, подходя к нам. Она была в чем-то ярком и блестящем.

От нее так и несло духами, резкими, словно с примесью аммиака. На ней, как и принято на коктейлях, была шляпа, — зеленоватая, она прямо-таки излучала ультрафиолетовые лучи. Дама была в том возрасте, когда не назовешь ее ни молодой, ни старой, и уже, конечно, не женщиной средних лет. Этакая лишенная возраста красотка с обложки модного журнала. Я много раз видел ее фотографии, но, убейте, никак не мог припомнить, кто она — королева в изгнании или Хелена Рубинштейн.

— Неужели это ты, возлюбленная? Невероятно, сколько лет, сколько зим, — произнес знаменитый мужчина, обращаясь к знаменитой женщине. — Должен заверить, ты никогда еще не была такой прекрасной, как сейчас. Скажи на милость, что это за агрегат у тебя на голове?

— Рыба. Она поймана у побережья острова Пасхи! Разве не идет? Но ладно, поговорим лучше о другом. Скажи, куда ты запропастился?

— То там, то тут, — ответил мужчина.

— Я была уверена, что ты должен объявиться где-нибудь, где бываю я.

— Я и появляюсь там время от времени.

— Ты всюду и нигде. Ходили слухи, что ты совсем где-то поблизости, но когда доходит до дела, вдруг исчезаешь. Теперь-то ты от меня не ускользнешь.

Я очень обрадовался, когда один подвыпивший освободил меня от присутствия на этом романтическом поединке.

— Ты видел что-нибудь более отвратительное? — сказал пьянчужка, зажав меня мертвой хваткой в своих объятиях и пытаясь облобызывать слюнявым ртом.

— Вы недовольны чем-то? — спросил я.

— Нет, я всем доволен, — лепетал мужчина. — Да знаешь ли ты, что я тот исландский начальник полиции, который потерял паспорт в Нью-Йорке и забыл решительно все, даже свое собственное имя. Тогда нью-йоркский судья сказал: пусть полицейский оркестр проигрывает все национальные гимны, — посмотрим, на какой он среагирует.

— Жаль, что я недостаточно пьян, чтобы понастоящему поддержать с тобой беседу, — сказал я.

— Ну, раз ты считаешь, что ты лучше меня, дело ясное — будем драться, — заявил пьяный. — Хотя сразу видно, что ты жалкий трус. Эх, попался бы мне здесь хоть один норвежец! О, гляди, наконец-то примечательная личность на горизонте, не иначе как архиепископ, раз крест золотой на нем. Мне эти люди по душе. Это моя компашка.

В тот самый момент, когда исландец распростер руки, чтобы обнять приглянувшегося ему епископа, откуда ни возьмись вынырнули два

солидных официанта и угодили прямо на пьянчугу. В результате этой ошибки епископ налетел на меня.

— Извините, — произнес я, — но, поскольку само провидение бросило меня в объятия вашего преосвященства, осмелюсь задать вам деликатнейший вопрос: скажите, пожалуйста, место, где мы с вами находимся, — праведное оно или нет? Я спрашиваю вас, так как понимаю, что епископ не пришел бы сюда наугад.

— Гм, — произнес епископ. — Вы кальвинист?

— Я хотел бы услышать из ваших уст, где мы находимся и зачем нас сюда пригласили.

— С превеликим удовольствием, — ответил епископ, делая широкий жест в сторону человека в золотых позументах. — Разрешите представить вам начальника генерального штаба.

— Прошу извинить меня, господа, — сказал я. — Ну, конечно, я должен был догадаться, что организатор этого торжества — генеральный штаб, а не высшее церковное духовенство. Но для меня загадка, почему именно меня пригласили сюда.

Тогда генерал сказал:

— Упаси вас бог, молодой человек, переоценивать нас. Где уж нам, у нас не всегда хватает и на понюшку табаку, не то чтобы устраивать банкет, ха-ха-ха!

В ту минуту, когда генерал громко захохотал, вновь словно с неба свалился тот самый исландец и набросился на генерала, оставив меня опять один на один с епископом. Так что епископу не удалось отделаться от меня, подсунуть мне генеральный штаб. Праздничный гул тем временем все нарастал и нарастал, и теперь даже на расстоянии двух сантиметров приходилось кричать изо всех сил. Я прокричал на ухо епископу:

— Ладно, оставим меня, Игнорамус Игнорабимус, но вас-то, высокопочтенный отец, кто пригласил сюда? Что вы здесь делаете? И кто здесь заглавный?

— Ин вино веритас! — прокричал мне в ответ епископ. — Вы видели стол?

Я ответил, что нет еще, но что прежде всего я хотел бы повидать хозяина, приветствовать его. Епископ подвел меня к столу и тотчас исчез.

Оказалось, у стола собралось довольно много народу. Одни стояли, остолбенев от удивления, другие усердствовали всюю.

Должен сказать, что такое изобилие еды и напитков не все могут себе позволить. Чего тут только не было! Горы мягких голубиных грудок, утиных язычков, как в Китае, а над всем этим возвышались гроздьи черного винограда и пышные торты с белоснежным кремом. Представители всех сословий и чинов толпились вокруг стола, каждый со своей супругой. Судя по внешнему виду, тут был и торговый люд, от оптовиков до продавцов, и чиновники всех рангов, вплоть до мелких конторщиков, шоферов коммунальных управлений, подметальщиков улиц. Должно быть, приглашение на всех свалилось неожиданно, туалеты дам не отличались особой тщательностью, правда, многие успели хоть лицо вымыть, но вытирали его с такой поспешностью, что едва не содрали кожу, иные в последнюю минуту прибегли к губной помаде и теперь выглядели так, словно объелись клубники. Иные испытывали смущение, даже робость, точно им пришлось выйти на публику в ночной сорочке. Другие и вовсе были перепуганы и держались так, словно провалились через крышу в продовольственный магазин и не знали, кем сочтут их: злоумышленниками или потерпевшими. Некоторые пытались изобразить на лице невозмутимость, точь-в-точь как ребятишки, когда их застают за кражей моркови в чужом огороде. Были здесь и такие, кто неизвестно почему боялся даже вонзить вилку в голубиную грудку. Я не видел никого, кто осмелился бы положить себе на тарелку утиный язычок. И когда кто-то полюбопытствовал, что это за блюдо, объяснение не вызвало особого интереса к язычкам.

Зато большинство гостей с таким аппетитом запихивали в себя все прочие яства, точно боялись, что им не достанется того, что уже успели отведают другие. Несколько человек даже поперхнулись и закашлялись так, что лица посинели. Одного господина пришлось вывести из зала; говорят, что он второпях проглотил ружейную дробь. А какая-то дама сунула

в сумку копченую свиную ножку, оправдываясь тем, что сможет насладиться и как следует проглотить ее только на следующее утро, когда муж уйдет на работу, и к тому же добавила, что зубные протезы, которые она надевает в парадных случаях, пригодны лишь для рыбного пудинга.

Другая, вполне с виду благородная дама, набросилась на осетровую икру, — надо надеяться, что икра была настоящей, — и ела ее ложкой, словно овсяную кашу.

Когда мало-помалу стало ясно, что еды здесь вдоволь для всех и со стороны соседа нет угрозы в некорректной конкуренции, многими овладело этакое приятное, сонливое блаженство, челюсти заработали спокойно и дружно, как у верблюдов в пустыне. И все вопросы, только что волновавшие их воображение, были забыты.

Следует сказать несколько слов и об особой группке, также появившейся на этой арене действий, где собрались люди, не подвластные ни времени, ни пространству.

Эту своеобразную группку составляли главным образом молодые современные девицы. Они держались стайкой на значительном расстоянии от стола и сторонились других людей. Девицы не комментировали происходящее, а лишь ограничивались загадочной улыбкой, именуемой в средневековом искусстве готической, но которую, правда, некоторые писатели приписывают таинственному народу — этрускам. Однако наиболее известна эта улыбка по изображениям Будды в индийских храмах. Сии создания не оскверняли себя принятием пищи в обществе. Их саваноподобные одеяния делали грудь плоской, а спину и плечи широкими, при этом живот выпирал конусом.

По виду их можно было принять за дочерей хозяйки корчмы, там, по другую сторону Рейна, пользовавшихся особой популярностью у клиентов.

Такие создания обычно безымянные, их место жительства без улицы и номера, быть может, они скрываются в подвалах самого глухого ночного притона.

Они были не только святые девы, им присуще было нечто от Нормы, богини судьбы, которую называют еще ночным кошмаром: она знается с волками и способна превратиться в козу где-то между полночью и зарею.

Когда спросили, кто пригласил их сюда, от стайки девиц так и пахло прохладой зубной пасты, широко рекламируемой парфюмерной промышленностью:

— Мы представляем воздушное общество.

Затем следует упомянуть еще о двух группах, которые, как и молодые девы, присутствуя здесь, отсутствовали. Они вырядились в блестящие туфли, закрутили вверх усы и подтянули повыше твердые воротнички — ну ни дать ни взять почтенные господа с фотографий в газетах начала века. Чем-то они напоминали представителей каких-то далеко лежащих стран, которых пригласили участвовать в конференции по разоружению в Женеве, хотя эти страны никогда в войне не участвовали.

Судя по выражению их лиц, мужчины эти были не лишены иронии, но и не стремились особо ее проявлять, просто держались в стороне, искоса взирали на окружающее.

— Не хотите ли, господа, отведать этих яств? — обратился к ним кто-то.

— Что касается меня, то я предпочитаю есть дома, — ответил один. — Могу позволить себе бифштекс с яйцом, если захочу.

— Среди этих отбросов, несомненно, есть превосходные вещи, — заметил другой.

— А кого вы представляете, господа? — спросили у них.

— Мы реневаторы, — ответили они.

Среди присутствующих завязался громкий спор, кое-кто даже успел поссориться друг с другом, уточняя, является ли реневаторство политической партией или религиозной общиной. Так и не решив этого вопроса, компания обратилась непосредственно к вышеупомянутым господам.

Тогда один из них ответил:

— Мы те, кто ждет, когда все деликатесы превратятся в отбросы.

А другой добавил:

— Уведем их, чтобы не разводили мух.

Нашелся среди гостей и посетитель, который сетовал на скудость стола.

Как все истинные гурманы, он не был толст.

Костюм плотно облегал его фигуру, он был сильно надушен, носил кольцо с огромным бриллиантом, который, хотелось думать, при близком рассмотрении не окажется стекляшкой. Его гладко причесанные голубовато-серые волосы и выражение лица говорили о том, что человек этот долго уже подвизается на ниве международных культурных связей.

Подойдя к столу, он опустил уголки рта, вытащил монокль, энергично вставил его в глаз и только тогда стал брезгливо рассматривать угощение. Покрутив голубя во все стороны, словно собираясь анатомировать птицу, он сказал:

— Жареные голуби, да-да-да. Доводилось видеть еду и получше.

С этими словами он жестом отверг голубей. Кто-то отпустил замечание, что, должно быть, господин — большой привереда.

— Голуби — птица не певчая. Они воркуют. Они из журиной породы. Я полагаю, господа, вам всем известно, что певчая птица вкуснее. Мы, живущие на юге, едим только певчую птицу.

— Должно быть, не все на юге едят певчих птиц, — вставил кто-то из присутствующих.

— Не все? Кто же это не ест певчих птиц на юге? — переспросил гурман. — Спросите у кардиналов. Мне нет дела до того, что провинциальные епископы из захолустья на севере едят кур. Только жареные голуби — так принято говорить у нас на юге.

— А что это значит?

Обладатель монокля ответил:

— Тысячи миллионов певчих птиц летают над страной весной и осенью, весной они улетают в страны обетованные, осенью возвращаются. Их гонит и влечет любовь и вера, поэтому они поют, поэтому их мясо такого прекрасного вкуса. Мы ловим их силками. Нанизываем живыми на вертел, по двадцати штук на каждый. Над огнем они растопыривают лапки и выпирают грудки. Жарить их нужно на умеренном огне. Сначала обгорают перья, а потом постепенно прожаривается мясо. Какой запах, господа!

Эстет, предаваясь воспоминаниям об этих восхитительных минутах, закрыл глаза, сложил

кончики пальцев, приложил к губам и причмокнул.

Прошло немного времени, и большая часть собравшейся публики ословела, у нее, как у знакомых уже нам бедолаг, появились пробки в ушах, и она почти ослепла, причем ослепшие и оглохшие оказались в привилегированном положении.

Особы с зычными голосами, задававшие тон разговору, давно уже оставили попытки расслышать, что говорит собеседник, большинство гостей перестали задавать друг другу вопросы. А присутствующие здесь несколько исландцев вообще потеряли дар речи и только протяжно тянули одну гласную «а-а-а», да с такой силой, что того и гляди обрушится этот огромный международный отель. Полиция быстро справилась с буянами. Их тут же выставляли прочь.

Я заметил, что некоторые уже сердечно прощаются с метрдотелем, одетым в пиджачную пару, я тоже последовал их примеру, но при этом попросил его оказать мне любезность и представить хозяйню.

Метрдотель спросил:

— Для чего он вам? Вы что-нибудь недополучили?

— Боже упаси, все в полном порядке. Я только считаю неловким не поздороваться с ним и теперь, уходя, не сказать до свидания. Я считаю своим долгом поблагодарить хозяина, так, во всяком случае, меня учили.

— Уверю вас, — сказал метрдотель, — хозяин обойдется и без вашей благодарности.

— Я с удовольствием засвидетельствую ему свое почтение и скажу, как прекрасно удался этот праздник, — настаивал я.

— Боюсь, что хозяин сейчас занят, у него срочное дело. Он как раз собрался гладить мои воскресные брюки. Ну, если вы придаете такое значение...

Он окликнул посыльного мальчика в униформе, велел ему захватить мою шляпу и показать дорогу.

— Куда? — спросил мальчик.

— В покои люкс, — ответил метрдотель.

Юноша провел меня через какую-то боковую дверь, мы миновали банкетные залы и пошли по длинному коридору-лабиринту.

Судя по всему, этот замечательный отель управлялся предприимчивой и энергичной рукой, было продумано и учтено все, даже то, что и монархи путешествуют и короли также нуждаются в сне.

Огромная, дорогой работы золотая корона светилась над белой двустворчатой дверью. Посыльный ввел меня в королевские апартаменты, взял мою шляпу и сам повесил ее на крюк, поскольку пажей поблизости не оказалось. Затем мальчик вошел в гостиную, чтобы доложить о моем прибытии. Он тотчас вернулся, сообщил, что я могу войти, и, поблагодарив за чаевые, исчез. Я постучал в дверь. Издалека донесся слабый, как бы озабоченный голос:

— Войдите.

Гостиная, куда я вступил, не отличалась особой пышностью, подобающей знатым гостям отеля, за исключением разве стульев а-ля Людовик XV, стоявших у стен.

На полу два потрепанных дорожных чемодана, с которых мокрой тряпкой недавно вытерта пыль. Замки поржавели и, видимо, были не очень надежны, один из чемоданов перевязан веревкой. Пожилая женщина в платье из черной тафты сидела на стуле в стиле рококо, держа ноги в тазу с водой. Посреди огромной комнаты — гладильная доска, над которой склонился мужчина. Он чугунным утюгом гладил брюки. Всюду на украшенных вензелями и позолотой стульях были разложены брюки, масса брюк. Мужчина роста был небольшого, щуплый, в летах уже, бледный, глаза черные, с покрасневшими веками. Те редкие волосы, которые сохранились у него около ушей, были черны, как и усы.

Я поздоровался.

— Добрый день, — ответил гладильщик, целиком поглощенный своей работой, но все же довольно приветливо. — Пожалуйста, садитесь. Чем могу быть вам полезен?

— Я разыскиваю знатного хозяина, — сказал я. — Это вы?

— Я привожу в порядок брюки для людей, — произнес старик и, застенчиво улыбаясь, спросил: — Может, и вам погладить?

— Это вы тот, кто...

— Мне исполнилось сегодня семьдесят. — Гладильщик сбрызнул водой брюки, под горячим утюгом зашипело, пошел пар.

— Простите, это ваша супруга? — спросил я.

— Иногда меня именно так величают, — сказала женщина. — Извините. Видите, у меня совсем плохо с ногами.

— Я хочу поблагодарить вас за удовольствие, — начал я. — Мне никогда не доводилось присутствовать на таком банкете и вряд ли когда-нибудь доведется.

— Бог милостив, — сказала женщина.

— Я пригласил всех по телефонному справочнику, — сказал гладильщик.

— Могу я спросить, откуда родом такой великодушный человек?

— Оттуда, сверху, — ответил мужчина податски без тени тщеславия и погрузился в работу.

Это типично датское выражение весьма своеобразно. Оно может соответствовать и английскому «с высоты», имеющему двоякий смысл: «с потолка», «с небес».

Но самое примечательное то, что это датское выражение еще означало: «Из Исландии».

— А как вы себя чувствуете в этих роскошных покоях?

— Так себе, — ответил мужчина, несколько не удивленный. — Это апартаменты главы государства. Послушай, жена, это не моя ошибка. Пусть в бюро обслуживания отвечают. Я надеюсь, мы никому не помешали.

— Главы государства тоже люди, — сказала женщина. — Все мы здесь люди, все живые, кроме моих ног, только они омертвели. Некоторые говорят, что мир — сплошной обман.

— А что скажет супруг? — спросил я, повернувшись к мужчине. — Вот вы, господин портной, считаете мир истинным или ненастоящим?

— Я не портной, — заявил мужчина, — я просто глажу брюки. Дело в другом: удивительно, что трава после лета ни на что не пригодна. И тем не менее тот, кому когда-то приходилось весной удобрять выгон да еще дышать запахом ворвани, когда на берегу топят рыбный жир, тот не скажет, что наш мир эфемерен.

— Простите, должно быть, велика ответственность иметь столько денег, чтобы закаты пир на весь телефонный справочник.

— Что правда, то правда, — отозвался мужчина. — Я чувствую ответственность. Поэтому и пригласил всех, кого нашел в телефонной книге. Я слышал, что мой далекий предок Эгил Скалагримссон хотел, когда он станет старым, осыпать золотом и серебром головы членов альтинга на реке Эскарро. Но это ему не удалось, и тогда он бросил все свое добро в самое глубокое место в реке. Умнейший был человек.

— Как можно заработать столько денег, чтобы оплатить этот пир? — спросил я.

— Глажкой брюк, — ответил старик, — к сожалению.

— К сожалению?

— Да, конечно, я тут ни при чем. Я был так бестолков, что никак не мог обучиться портняжному делу. Говорили, что я крою вкось и вкривь, без конца накалываю иголкой пальцы, что из меня ничего путного не выйдет. Вот меня и поставили на глажку, на большее не хватило способностей.

— Как бы там ни было, вы научились этому виртуозно, если рассчитываете справиться с такой грудой брюк.

— Я познал одну мудрую истину: сегодня нельзя стать умнее, чем ты был вчера.

— Бог всегда одинаково велик, — молвила женщина.

— Почему вы приехали в этот город? — спросил я.

— Именно здесь я научился гладить брюки. Вернулся к своей колыбели, как говорили древние. Теперь я глажу брюки бесплатно всем живущим в отеле.

— Должно быть, гладильщику пришлось долго копить деньги, чтобы закаты такой банкет.

— У нас всегда было полное изобилие, — сказал мужчина.

— Всегда был картофель и рыба, — добавила жена.

— Начнем с того, что мы вообще хотели выбросить все лишние деньги в klozet, — сказал гладильщик. — Но, поди ж ты, меня одурачили, уговорили положить их в банк на проценты. А когда банк потом не знал, что делать с моими деньгами, посоветовали нанять адвоката и вложить их в недвижимое, в дома. Сказали, что люди очень нуждаются в жилье. Но стоило мне обратить деньги в дома, как началось такое, что перешло все границы. Сначала деньги удвоились в размере, затем увеличились в десять раз, потом в сто и, наконец, в тысячу раз. Постоянно все больше и больше домов покупалось на деньги, а дома приносили все больше и больше денег. Однажды ко мне неожиданно пожаловал адвокат с двадцатью пятью новенькими американскими автомашинами. А я-то сроду в машину и не садился. «К чему мне все эти автомобили, человек хороший?» — спросил я. «Это ваша выручка за дома», — ответил он. А то пришли и сказали, что меня ждет большой корабль, другое судно тоже скоро прибывает, оно уже в пути.

— Да, у нас столько было неприятных хлопот, — сказала жена. — Эти проклятые бумаги продолжали расти в цене против нашей воли. Мы не видели никакого выхода. Во всяком случае, при этой жизни. Но, как говорят, всевышний милостив. Теперь он ведет нас к концу, мои ноги уже мертвы до бедер.

— А не приходила вам в голову мысль пожертвовать деньги на общественно полезное дело? — спросил я.

— Как же, думали и об этом, и не однажды, — ответил гладильщик. — Если нашлось бы такое учреждение, которое может воспрепятствовать идиотам наживать большие деньги, я бы с удовольствием поддержал его. Я не раз подумывал, а не ссудить ли мне деньги властям вместо налогов, которые они собирают, или по крайней мере завещать им деньги? Но, оказывается, те, кто собирает налоги, не имеют права по закону получать ничего в дар. Они берут только то, что им положено, и ни одного зре больше.

— А почему не пожертвовать что-нибудь университету?

— Университету? — удивился мужчина, даже утюг отставил. — Там такие высокообразованные люди, а я едва умею читать. Они там все ходят в плащах, а у меня его никогда и в помине не было. К лицу ли мне, гладильщику, ссужать большим людям подачки на плащи?

— Ну, а в фонд для поэтов? — спросил я.

— А есть ли они в настоящее время, поэты? — спросил гладильщик.

— По крайней мере их можно встретить на улицах, — ответил я.

— И у них нет денег? — опять удивился он.

— У некоторых, может, и найдется на пиво. У других же и того нет.

— Ну поймите же, как могу я с моей пустой головой подойти на улице к гению и пригласить его на кружку пива? — ответил гладильщик. — Я лично никогда не пробовал пива. Я слышал, что напиток этот дурной, а стихов я никогда не мог выучить. Я глажу то, что надевают люди на ту часть тела, которая утратила свое благородное название. Не считаю себя достойным обратиться даже к тому, кто шьет, не то что к поэту.

— У нас есть книга псалмов, — сказала женщина, — там есть благословенный псалом о святом пасторе Пауле Йоунссоне из Видвика «В придачу к твоей любви». Зная этот псалом, в других не испытываешь потребности.

— Кстати о церкви, — сказал я. — Можно бы и ее поддержать.

— Пристало ли мне поддерживать божество?

— Ну, наконец, есть детские дома, — сказал я. И тут гладильщик встрепенулся.

— Вот это было бы делом полезным, если б только нашелся такой, кто смог бы учредить детдом, похожий на тот, в котором я вырос. Я бы такого человека очень поддержал — только при одном условии: он должен поручиться, что те, которых там воспитают, не станут добывать денег. Взяться бы вы за это, мой друг?

— А еще какие требования? — спросил я.

— Мой хозяин брал меньше всех за приходского ребенка. Он брал за него с прихода всего лишь шесть крон, в то время как другие требовали двадцать пять. В те времена деньги были еще деньгами. О, благословенный запах ворвани с берега, смешанный с запахом свежего навоза! Вот такой бы дом мне завести! Или представьте себе акуле мясо, разложившееся, с запахом, с хорошо нарубленной молокой, — при одном воспоминании у меня слюнки текут. А к рождеству нас заставляли в приемной надевать рубашки наизнанку, чтобы сбить с толку вшей, ввести их в заблуждение. А теперь вот надоедают такие, которые говорят, будто мир нереален, что он нечто вроде выдумки и чепухи. Не было случая, чтобы воспитатель, прилежный рыбак-крестьянин, не нашел ранним воскресным утром времени и не задал нам хорошей взбучки авансом на целую неделю. Никого в жизни я так не любил и не почитал, как его, с его густой, лохматой бородой. Для нас, ребяташек, он был самым господом богом в образе человеческого. Да, великие то были времена. Боюсь, не вернется больше то время.

Перевела с исландского
В. МОРОЗОВА.

Сборная СССР перед отъездом в Вену.

Фото А. Бочинина

РАЗМИНКА ОКОНЧЕНА!

**В. ВИКТОРОВ,
О. СПАСКИЙ**

К тому дню, когда эти строчки дойдут до первых читателей, наша сборная уже сыграет на чемпионате мира два матча: с хоккеистами ФРГ и с финнами, — а журналисты полностью окунутся в знакомую им и всегда волнующую обстановку крупного хоккейного турнира.

Шестнадцать раз, начиная с победы в Кортина д'Ампеццо, утвердившей за сборной СССР репутацию одной из сильнейших, описывали мы борьбу хоккеистов на уровне мировых первенств и Олимпийских игр. Нам было что вспомнить, что сопоставить в ожидании новой встречи лучших команд мира. Но, перебрав объемистые папки с надписями на корешках: «Кортина д'Ампеццо», «Скво-Вэлли», «Женева», «Стокгольм», «Инсбрук», «Тампере», «Любляна», «Вена», «Гренобль», «Стокгольм-69», «Стокгольм-70», «Берн — Женева», «Прага», «Москва», «Мюнхен — Дюссельдорф», «Инсбрук-76», мы решили остановить свое внимание всего лишь на одной папке — венской.

Десять лет назад эта папка заняла свое место в нашем архиве, и вот теперь, когда мы ее раскрыли, то увидели, что и в Вене-77 встретимся с теми же действующими лицами — чехословацкими, шведскими, канадскими, американскими, финскими и западногерманскими хоккеистами, и только на сей раз вместо коман-

ды ГДР в турнире будут принимать участие румыны. Ну что же, сама жизнь дает нам возможность взглянуть на дела хоккейные сквозь призму десятилетия, решили мы и стали перелистывать странички, хранящиеся в старой папке.

О многом они нам напомнили, но прежде всего о том, что тогдашний состав сборной СССР был подобран, пожалуй, логичнее, чем когда-либо прежде. Как точно взвешены были все линии и звенья! Судите сами. В воротах стоял Виктор Коноваленко — Владимир Третьяк тех дней, в обороне ему помогали такие выдающиеся защитники, как Виталий Давыдов, Александр Рагулин, Эдуард Иванов, Виктор Кузькин, Олег Зайцев, в первой тройке выступали Вениамин Александров, Александр Альметов и Виктор Якушев (в том году неизменный партнер Александрова и Альметова Локтев как раз перестал играть), во второй Вячеслав Старшинов, Борис Майоров и Виктор Ярославцев (заменивший Евгения Майорова), а в третьей снова представлял спортивному миру «ведомых» — Владимира Викулова и Виктора Полупанова — выдающийся мастер Анатолий Фирсов, забивший, кстати, в Вене смешной и трагический гол знаменитому канадскому вратарю Сету Мартину.

Фирсов, не вкатываясь в зону канадцев, не спеша вел шайбу вдоль синей линии, давая своим молодым партнерам возможность смениться, а затем, чтобы потянуть время, не глядя на Мартина, швырнул шайбу в сторону ворот канадцев и прыгнул на борт. Сестра на скамейку ему не дали. Вся наша команда навалилась на Анатолия, целуя и обнимая его. Только спустя несколько секунд

Фирсов понял, в чем дело: оказывается, он забил гол! Мартин почему-то раньше времени опустился на колени и неловко, как ребенок бабочку, пытался поймать шайбу в ловушку, но резиновый кружок проскользнул в ворота.

— Я помню тот гол, такие случаи не забываются, — рассказывал нам прославленный форвард. — Но Вену я часто вспоминаю и потому, что там выступала самая сильная в истории нашего хоккея команда...

— Я согласен с Анатолием, — сказал нам Аркадий Иванович Чернышев, возглавлявший нашу сборную и на чемпионате мира 1967 года и на десятке других чемпионатов мира и Олимпийских игр. — Там, в Вене, играли три первоклассных звена — тройки Альметова и Старшинова, в которых выступали многоопытные великолепные мастера, и тройка Фирсова, где заиграли в полную силу молодые Полупанов и Викулов, — это звено было, безусловно, сильнейшим...

Но время неумолимо. Тот давний венский лед растаял, сезоны сменялись, на смену поколению Альметова и Майорова спешило поколение Викулова и Зимина, потом пришел черед тройки Петрова, настойчиво стучались в двери сборной Сергей Капустин, Хельмут Балдерис, Сергей Бабинов. И минувшей зимой вероятными кандидатами на поездку на чемпионат мира оставались только два хоккеиста из венской команды 1967 года — Александр Якушев и Владимир Викулов.

Триумvirат тренеров — Борис Кулагин, Константин Локтев, Владимир Юрзинов — объявил состав. Викулова в нем не оказалось, и мы решили нарушить предстартовый ритуал и взять ин-

тервью не у одного из участников чемпионата мира, а у ...оставшегося за бортом.

— Да, я очень хотел попасть на чемпионат мира, — признался, не колеблясь, Владимир Викулов. — И, откровенно говоря, в глубине души надеялся, что смогу все-таки еще раз выступить в сборной. Как Фирсов в свое время играл в тройке с нами, молодыми, так вместе с молодыми Жлуктовым и Александровым играю уже несколько сезонов и я. Нас и ругали и хвалили. Виктор и Борис стали прошлой зимой олимпийскими чемпионами в Инсбруке, Жлуктов выступал и на чемпионате мира в Катовице, а меня после длинного перерыва несколько неожиданно пригласили в сборную накануне турнира на Кубок Канады. Там я сыграл как будто неплохо. После одного из матчей мне вручили приз лучшего игрока. В целом, несмотря на оговорки, наше звено считали по результатам турнира сильнейшим. Но после матчей с клубами ВХА тренеры сборной сказали, что я действую нерешительно. Но почему? Почему в сентябре, когда мы играли с сильнейшей сборной профессионалов НХЛ и ВХА, я не входил в робкий десяток? А теперь вдруг вошел? А может быть, менее удачная игра звена объясняется не изменением моего характера, а тем, что мы практически не могли выступать в своем составе, — травмы преследовали моих партнеров? Так или иначе, но от всего нашего звена в предварительном списке сборной оказался один Жлуктов.

С завистью вспоминаю, как поддерживали Тарасов и Кулагин Фирсова, тянущего молодых. И мне ведь поддержка нужна. А меня вдруг на финише чемпионата

страны перевели в третье звено. Стало быть, я больше Борису и Виктору не нужен? Теперь с ними и другие могут сыграть? Еще в январе мне стало ясно, что в сборную я не попаду. И, конечно, это сказало на моей игре. Поймите, нельзя, выступая в ЦСКА, не рваться в сборную...

Я мечтал о сборной не потому, что хотел стать восьмикратным чемпионом мира: семь золотых медалей — коллекция хорошая! Я хотел помочь товарищам: ведь в этом году чемпионат будет неслыханно трудным. И я желаю, чтобы ребятам улыбнулась удача...

Вот что сказал нам Викулов. Мы помним, что право определять состав команды принадлежит только тренерам, и не намерены предлагать свой вариант. И все-таки обидно за Викулова. И классом своим и отношением к молодым заслужил он право через десять лет снова выйти на венский лед.

И Викулов и Якушев уже ветераны, но если второй на равных выступает со своими партнерами Шалимовым и Шадриным, то первый, хоть и блистательно повторил опыт Фирсова, спаяв одно из перспективных новых звеньев, остался за бортом сборной.

Неисповедимы пути тренерской мысли, не просты они и не однозначны, и не так-то просто разгадать тактические новинки и стратегические замыслы, выношенные в течение долгого хоккейного сезона. И пустая это затея — гадать, довольны ли тренеры ходом подготовки к чемпионату мира, совпадают ли их планы с реальностью, удовлетворены ли руководители сборной работой своих коллег, которые занимаются с хоккеистами в клубах, устраивают ли их спортивная форма кандидатов на участие в главном турнире года.

Мы можем судить обо всем этом только по тому, как проводила свои последние контрольные матчи сборная.

Последний матч «на публике» — поединок в Стокгольме, в «Юханнесхофе», 10 апреля. Сборная Швеции против сборной СССР. Мы смотрели матч — и вспоминали. В сборную хоккеисты приглашались целыми звеньями — Мальцев и партнеры, тройка Петрова, Шадрин с Якушевым и Шалимовым, второе армейское звено, возглавляемое Жукотым. Принцип был очевиден — клубы готовили в сборную даже не тройки, а пятерки: три форварда и сыгравшая с ними пара защитников. Все представлялось очевидным. Но вот 10 апреля последняя, «генеральная» репетиция. И что же? Сохранилось лишь одно звено — первая пятерка ЦСКА, ведомая Петровым. А во втором звене вместе с двумя нападающими из «Спартака» играли Мальцев из «Динамо» и защитники из ЦСКА и «Крыльев Советов». Пара же динамовских защитников выступала с тройкой нападающих, один из которых представлял «Крылышки», другой — рижское «Динамо», а третий — ЦСКА.

Временное отступление от первоначального плана? Или опробование нового плана? Ну, что же, репетиция не спектакль, и тренеры сохраняют возможность уточнять и даже перестраивать свой замысел.

Так или иначе, учитывая великодушную сыгранность армейско-

го звена Петрова и высокое мастерство хоккеистов из других звеньев, мы можем считать, что класс форвардов в Вене-77 в нашей команде не менее высок, чем десять лет назад, но о защитных линиях, увы, утверждать это не беремся. Не имеем мы сейчас таких защитников, как Рагулин или Иванов, Давыдов или Кузькин. Что мы можем сказать о защите сборной-77, если команда ЦСКА, абсолютный лидер советского хоккея, уверенно завоевавшая первенство на нынешнем чемпионате страны, по числу пропущенных шайб занимает только четвертое место, уступая и московским динамовцам, и команде «Трактор», и команде «Химик». И это при том, что в воротах ЦСКА стоит сам Владислав Третьяк.

Как же так? — спросят озадаченные болельщики. Где же прогресс хоккея, если защита нынешней сборной уступает защите, игравшей в Вене десять лет назад?

Вопрос правомерный, мы бы даже сказали, уловой, и с ним, видимо, не раз придется нам столкнуться на венском чемпионате. И не потому, что мы недооцениваем боевые возможности нынешних наших защитников — Александра Гусева, Геннадия Цыганкова, Владимира Лутченко или Валерия Васильева, а потому, что с трудностями в обороне сталкиваются все команды.

Руководители канадской сборной, готовясь к Вене, говорили о том, что в форвардах они не испытывают недостатка, а вот сильных защитников найти не могут. Знаем мы и о том, что в чехословацкой сборной положение с защитниками трудное, в команде мало талантливых молодых игроков обороны. Об этом говорит и тот факт, что «ветерана из ветеранов», как называют тридцатилетнего защитника Франтишека Поспишила, который выступал в Вене десять лет назад, снова включили в сборную. И у шведов те же заботы: их тренер Ханс Линдберг заявил, что из шестерых защитников «Тре Крунур» четверо новичков, и его надежды были связаны с тем, что канадская профессиональная команда «Торонто Мейпл Ливз» будет выбита из розыгрыша Кубка Стенли, и тогда он получит возможность вызвать в Вену шведа, играющего в этой команде, — известного защитника Берье Салминга. Как стало известно позже, «Торонто» не вылетело из борьбы и надежды шведов получить Салминга рухнули. А ведь в Вене десять лет назад шведская сборная, завоевавшая тогда серебряные медали, имела в своем составе таких мастеров обороны, как Роланд Стольц, Берт-Ола Нордландер, Нилс Янссон.

Что же случилось с современными защитниками? Почему они так сдали? Ответ, видимо, может быть только один: в хоккее, как и в любой спортивной игре, неизменно идет спор между снарядом и броней, и в данный момент «снаряд», то есть нападение, оказался сильнее «брони». В течение всего этого десятилетия стремительно росла скорость атакующих действий, становилась более разнообразной тактика игры форвардов, возрастала эффективность и жесткость атак, и защита пока что не нашла против этого достаточно убедительного противоядия.

Да, современных форвардов вполне можно сравнивать с дальнбойными снарядами, снарядами

большой убойной силы, и этими качествами в первую очередь отличаются нападающие Канады и Чехословакии, с которыми мы встретимся в Вене-77.

Сейчас, вспоминая форвардов канадской сборной, которые выступали в Вене десять лет назад, это особенно ясно ощущаешь. Тренер канадской сборной-67 пATER Бауэр отбирал в свою команду любителей и вышедших в тираж профессионалов, а тренер канадской сборной-77 хотя и должен был несколько ограничить свою селекционную деятельность, потому что сильнейшая восьмерка занята борьбой за кубок Стенли и своих игроков ему не уступит, но и в освободившихся клубах смог найти много выдающихся хоккеистов. Достаточно напомнить, что хорошо знакомый нам Фил Эспозито, выступающий ныне в «Рейнджерсе», собирается выйти на венский лед. А, по последним сведениям, в канадскую сборную смогут попасть еще и профессионалы из той четверки, которая ограничит свою борьбу за кубок Стенли выступлениями в четвертьфиналах.

В 1967 году питомцы пATERа Бауэра заняли в Вене третье место, сейчас канадцы, хотя они и намекают, что не смогут претендовать на золотые медали, явно рассчитывают на более высокий результат, да и мы это понимаем после серии встреч с профессионалами, которые состоялись в 1972—1976 годах.

Возвращение канадцев на чемпионат мира (они отказались от участия в мировых первенствах в 1970 году) — одна из примечательных и ярких черт второго венского чемпионата, а другая примечательная его черта — расцвет чехословацкой сборной. В Вене десять лет назад команда Чехословакии заняла только четвертое место. Это, пожалуй, один из самых плохих результатов за всю историю команды. И вот именно в последнем десятилетии чехословацкий хоккей достиг выдающихся результатов. Достаточно вспомнить, что именно в эти годы сборная Чехословакии дважды завоевывала первенство мира, а в борьбе за кубок Канады дошла до финала.

Нет, сейчас в Вене чехословацкую сборную на четвертом месте мы не увидим. То, что, по признанию тренеров команды, подготовка к мировому первенству была начата чехословацкими хоккеистами еще на кубке Канады, говорит о многом. Сборная Чехословакии после ее победы на чемпионате мира в Катовицах в 1976 году на подъеме. Такие нападающие, как Милан Новы, Эдуард Новак, братья Штястны, Поузар, показывают высокое мастерство не только в атаке, но и в защите.

Но вот интересное признание тренера чемпионов мира Яна Старши: «В этом сезоне на счету сборной ЧССР уже солидное число сыгранных матчей. Труднее всего пришлось во встречах со шведами, которые выиграли три матча из четырех». Вот вам и ослабевшие шведы! Значит, в Вене за золотые медали, как и всегда, будет бороться большая четверка? Очень возможно. Ведь эта четверка нам хорошо знакома по прежним первенствам. Да, легких матчей в Вене не будет.

Разминка окончена!

Н. Пантелеева в редакции «Огонька».

Фото М. Савина

ПРОСТО ПЕСНЯ

Нина Пантелеева, лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады, на вопрос, что она думает о песенном образе, отвечает: «Пою, как пела всегда. Как привыкла...»

Поет Пантелеева легко. Иногда даже нельзя догадаться, каким тяжелым трудом достигаются эта легкость, простота. Пожалуй, на сегодняшней эстраде нет просто — большая смелость: так много порхаёт по концертным площадкам певиц и певцов, взмывающих микрофонами, что порой мы удивляемся, видя, как артист сдержан, лаконичен, строг. Ведь жестом, взмахом руки, эффектным танцем можно заслониться — скрыть, что песня далека от исполнителя. Или попросту утратить свое неумение петь именно эту песню либо даже петь вообще. Таким певцам трудно, подчас невозможно работать на радио: там ведь не сплываешь, не поиграешь с микрофоном, там нужно простое умение петь.

Нина Пантелеева много работает на радио. В самых глухих уголках огромной нашей страны помнят и знают этот яркий, осязаемый пластичный голос. Лет десять назад из всех репродукторов звучала популярнейшая японская песня, записанная Пантелеевой вместе с инструментальным ансамблем под руководством Вилли Берзина: «У моря, у синего моря...»

У Пантелеевой редкостная способность к сопереживанию. Мысль, волновавшая создателя песни, должна волновать и певицу, поэтому каждую песню артистка поет как свою, глубоко продуманную, прочувствованную, оберегая наполненность песни той музыкой, которую она воплощает.

В репертуаре Пантелеевой песни народов Индии и Чехословакии, Бенина и Японии, Мексики и Афганистана... Но не от пристрастия к экзотике. Песня — душа народа. Пантелеева всегда хочет донести до слушателя свое понимание народа, с каким она встречалась, сделать его и для нас чуточку ближе. Очень тяжела работа над подобной песней, но певица этого не боится. И, наверное, не случайно на Всемирном конгрессе женщин в Берлине звучала песня Н. Козловской и Е. Шевелевой «Женщинам разных стран», исполненная Н. Пантелеевой. Там есть такие слова: «Дальним расстояньем вопреки вы связали все материнки...»

Песни артистки тоже принимают участие в этом благородном деле.

Л. ЛУКЬЯНОВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ФОТОКОНКУРСА «ОГОНЕК-76»

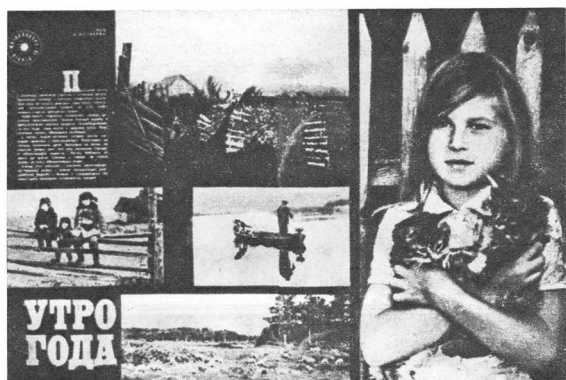

Редакционная коллегия журнала «Огонек» подвела итоги фотоконкурса «Огонек-76» и присудила его участникам следующие премии:

ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ:
Н. Данилову (Москва) — за черно-белые репортажи «Батя» и «Шесть часов радости» (№ 31 — 1976 год, и № 7 — 1977 год).

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ:
А. Рябко (Краснодар) — за цветную обложку «На аэродроме Ейского высшего авиационного училища летчиков» (№ 33 — 1976 год).
В. Матвееву (Москва) — за черно-белый репортаж «Утро года» (№ 15 — 1977 год).

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ:
В. Гречухину (Московская область) — за цветную обложку «Г. А. Пономарев с лосенком Филькой» (№ 27 — 1976 год).
Ю. Лунькову (Москва) — за цветную обложку «Геологи в долине реки Балыктыг-Хем» (№ 36 — 1976 год).
Э. Шпанягелю (Нальчик) — за черно-белый репортаж «Олень-цветок путешествует» (№ 43 — 1976 год).

Редакция благодарит всех авторов, принявших участие в конкурсе. Редколлегия «Огонька» приглашает профессионалов и фотолюбителей принять участие в фотоконкурсе «Огонек-77».

Год 1977-й — год шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Пусть фотографии расскажут о претворении в жизнь решений XXV съезда КПСС, многообразии жизни строителя нашей прекрасной Родины, его труде, отдыхе, учебе, запечатлеют красоту нашей страны.

Для победителей конкурса устанавливаются следующие премии:
ОДНА ПЕРВАЯ —
500 рублей,
ДВЕ ВТОРЫЕ —
по 250 рублей,

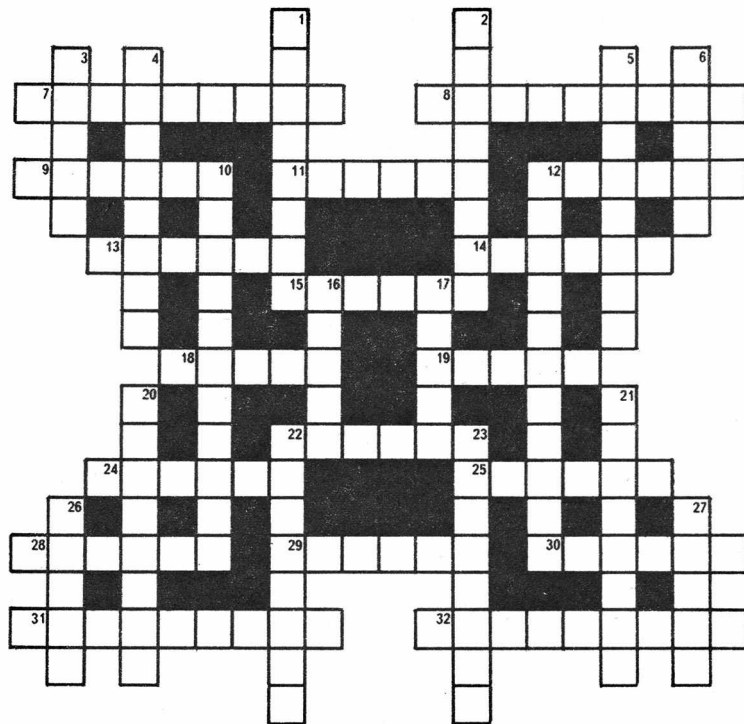
ТРИ ТРЕТЬИХ —
по 150 рублей.

Фотографии цветные и черно-белые можно присылать любого размера, но не меньше 18 × 24 сантиметра.

К присылаемым фотографиям необходимо дать название, фактическую подпись, дату съемки, указать свою фамилию, имя, отчество и свой адрес.

На конвертах пометьте: «Фотоконкурс».

Фотографии не рецензируются и не возвращаются.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Судно, состоящее из двух корпусов. 8. Советский педагог и писатель. 9. Подсемейство попугаев. 11. Созвездие Южного полушария неба. 12. Катаный металл. 13. Оптическая линза со сферической поверхностью. 14. Пушной зверек. 15. Материк. 18. Плодовое дерево. 19. Открытый прилавок для торговли на улице. 22. Трагедия Шекспира. 24. Единица электрической емкости. 25. Приток Енисея. 28. Футляр для пистолета. 29. Промысловая рыба. 30. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 31. Педальная машина. 32. Заместитель руководителя высшего учебного заведения.

По вертикали: 1. Река в Южной Америке. 2. Эстетическая выразительность объемной формы. 3. Торжественный смотр войск. 4. Испанский народный танец-песня. 5. Совокупность способов и приемов выполнения какой-либо работы. 6. Передвижной щит для защиты от жара или от света. 10. Всемирные студенческие игры. 12. Молочный продукт. 16. Отрезок речи, законченный в смысловом отношении. 17. Ожерелье из драгоценных камней. 20. Композитор, автор балета «Раймонда». 21. Столярный инструмент. 22. Английский физик, один из создателей теории электромагнетизма. 23. Порт на берегу Азовского моря. 26. Древнегреческий поэт. 27. Летчик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 3. Штанга. 5. Амфора. 9. Стендаль. 10. Флотация. 12. Брехт. 13. Кольраби. 15. Америкей. 17. Пантометр. 18. Кибальчик. 23. Настасья. 25. Стрелица. 26. «Книга». 27. Модерато. 28. Эстетика. 29. Сарьян. 30. Аносов.

По вертикали: 1. Стандарт. 2. Арматура. 4. «Голуби». 6. Мальта. 7. Стрела. 8. Лисица. 11. Метеорология. 14. Брашпиль. 16. Моторист. 19. Ксенон. 20. Мармелад. 21. Позитрон. 22. Килька. 24. Якутия. 25. Сапсан.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ансамбль Латышского народного танца из Рижского Дворца пионеров исполняет танец «Ачкуп».

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Гостиница «Юрмала» — крупнейшая на Рижском побережье.

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международной — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 4/IV — 1977 г. А 00333. Подп. к печ. 19/IV — 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 956. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 378.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

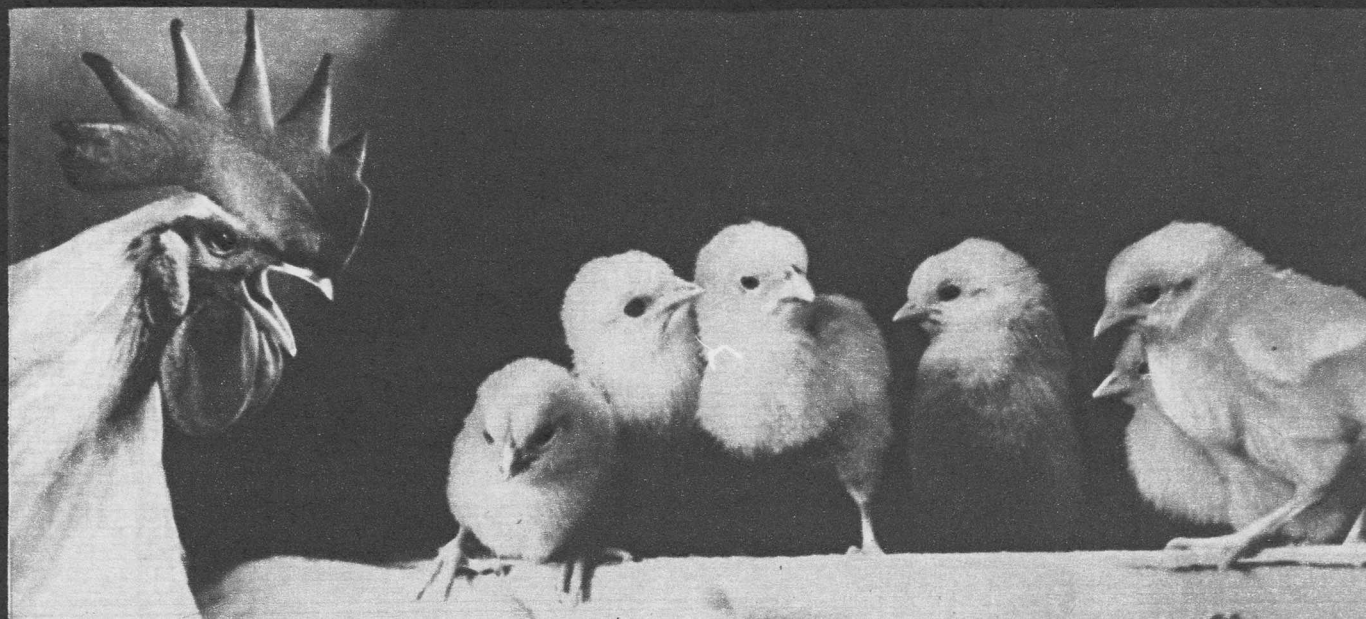
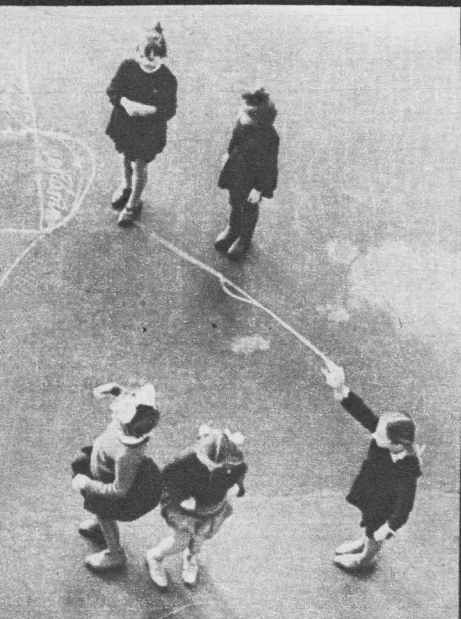
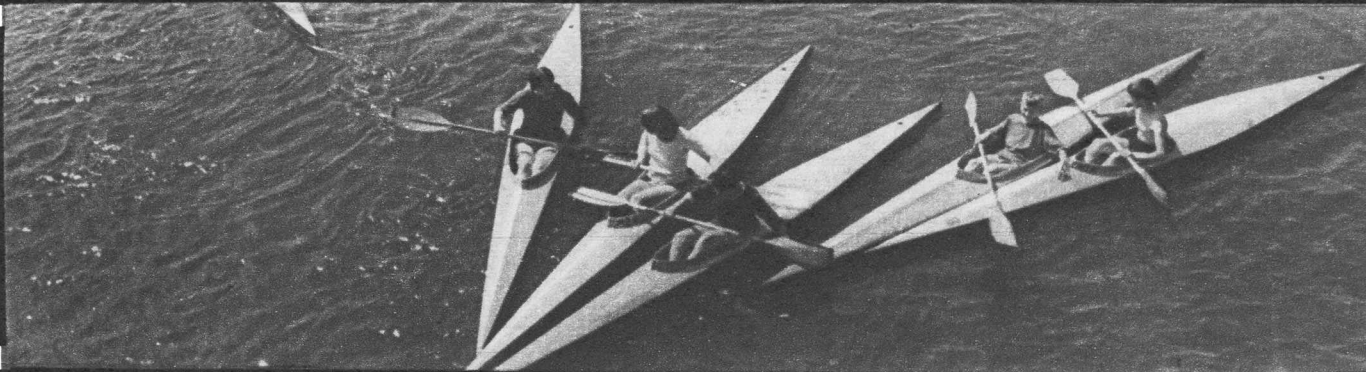
Фото
А. БОЧНИНА

ПОРА СВ

ETA

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

